

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

АННА МИЧИ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ
ТУРНИР

Академия Трёх Сил

Annotation

Мой бывший муж, похитивший главный талисман и защиту нашего клана, исчез, а оставленные предательством раны еще не затянулись. Однако горевать времени нет, водоворот событий закручивается стремительно, и на этот раз в его центре оказалась я. Еще бы понимать, друг или враг пытается мне помочь?

- [Анна Мичи](#)

-

Анна Мичи

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ТУРНИР

Удар, парировать, отступить, еще удар. Неожиданно быстрый и сильный, еле успела увернуться. Смартен по инерции проскочил мимо, я скользнула и оказалась у него за спиной. Уже почти возликовала: он потерял меня из виду, если сейчас атакую, бой за мной. Но накатила оглушающий шум трибун — и Смартен успел обернуться. Удар — и он встретил его своим мечом, отбросил по скользящей.

Я резко выдохнула сквозь стиснутые зубы. Хагосовы зрители! Почему они не в состоянии смотреть молча?! Еще немного, и я бы победила! Но Смартен уже отскочил и теперь медленно кружил вокруг меня, отыскивая слабинку.

Я зло мотнула головой: пот заливал глаза, мешая смотреть. Напряжение зашкаливало. Бой длится всего пять минут, если исход не станет ясен, объявят дополнительное время. Если и тогда ничего не решится, будет ничья.

А мне нужна только победа.

Мы с Хаундом идем нос к носу, он только что победил своего противника. Если я проиграю бой со Смартеном, уже точно не попаду в пятерку лучших. А если выиграю, то все решит бой с Хаундом. Последний, восемнадцатый бой, финал турнира. До него еще две недели, но... не выиграю сейчас — все потеряет смысл.

А Смартен, как назло, идет нахрапом, сражается так, будто я его последний шанс.

Еще выпад и удар. Отскок, пируэт, снова удар. Трибуны орут, свистят, топают ногами, но этот шум почти не ощущается, не сбивает с толку. Вот только может подсказать, когда кто-нибудь совершает ошибку.

Нога запнулась о твердый песок арены. Щиколотка подвернулась, земля жестко и больно ударила колено. Трибуны взревели. Краем глаза уловила ликование на лице Смартена. Он вскинул меч, окутанное холодным пламенем лезвие понеслось ко мне неумолимо, как сама смерть.

Купился!

Я атаковала по-змеиному, снизу, мгновенно распрямляясь. Ликование на лице Смартена превратилось в отчаяние, он попытался увернуться — но его габариты сыграли против него. Мой сияющий голубой дымкой меч поразил его в середину живота. Распорол защиту, вздрогнул, натываясь на второй слой, поставленный целителями академии во избежание травм.

Сквозь шум и свист зрителей послышался длинный гудок.

— Сатьяна Тайсен — победа!

Трибуны ликовали. Рев накатывался волнами, постепенно складываясь в слова:

— Сать-я-на! Сать-я-на!

Я устало выпрямилась, улыбнулась, стирая пот со лба. Помахала рукой в неопределенном направлении, вызывая очередной шквал криков и аплодисментов. Где-то там, в этой толпе, Лидаия и Карин. А может, и Вейн — тайком, в «тени».

Смартен отбросил меч на песок. Зло выругался, но, пересилив себя, подошел, протянул руку. Рукопожатие было крепким, взгляд — прямым, без затаенной ненависти, так что я с удовольствием пожала его руку в ответ.

Фух. Теперь мы с Хаундом снова на одном месте. У каждого по десять побед и по шесть поражений.

Я даже не мечтала, что зайду так далеко: почти весь турнир была в первой десятке. Впрочем, как и хагосов Хаунд. Еще из первокурсников хорошо показал себя Буллар, более-менее — Смартен, остальные плелись в конце таблицы.

Конечно, главная заслуга моих успехов принадлежит Хену.

Даже сейчас, стоило мысленно произнести это имя, как внутри болезненно засадило. Прошло почти полгода... ну хорошо, целых долгих хагосовых четыре с половиной месяца с тех пор, как он ушел.

Не то чтобы я ждала какой-нибудь весточки от врага, похитившего Хранителя и с легкостью предавшего меня, но... видимо, все же ждала. Вернее, надеялась, мечтала, воображала, что вот, в других обстоятельствах... в другом мире... другой жизни...

Я вышла с поля, и тут же грубый толчок в плечо прервал мои раздумья. Решив, что загородила кому-то дорогу, вскинув глаза, хотела было извиниться, но увидев, кто стоит передо мной, мгновенно все поняла.

Хаунд.

Он возвышался надо мной, как башня, огромный, с неприветливой ухмылкой на полных губах. Сложив руки на груди, буравил меня презрительным взглядом.

— Мелкая крыска обрадовалась, что победила? Радуйся, пока можешь, потому что через две недели ты сдохнешь.

Какое многозначительное начало...

Приподняла брови, одновременно быстро оглядывая помещение. Парень зажал меня в очень неудобном месте: выход на поле уже закрыли на замок, там проходил следующий бой, а проход вперед преграждал этот самый Хаунд. И, что хуже всего, кроме нас с ним здесь никого не было.

А ведь сукин сын специально поджидал меня. Не ушел в общежитие, не отправился на трибуны — нет, засел в темном закутке, дожидаясь, пока я выйду.

Хаунд, то ли решив, что я растерялась, то ли просто раздуваясь от апломба, наклонился к моему лицу. Промурлыкал, обдавая тяжелым дыханием:

— О-о, я жда-а-ал этого боя. И не думай, что защита тебе поможет. Есть одно очень хитрое заклинание... Раз — и твои кишки на арене. Несчастный случай, кто бы мог подумать!

Я стиснула зубы, отвечая таким же ненавидящим взглядом. Его словам я ни на мгновение не поверила, он блефует, это ясно. И блефует глупо: было бы куда умнее попытаться смутить меня прямо перед боем, а не сейчас, когда до него еще две недели.

Но, может быть, стоит сделать вид, что испугалась? Он купится на это, как купился Смартен, все они подсознательно недооценивают девчонку.

Но нет. Не могу. Даже ради потенциальной победы, ради воинской хитрости — не могу. И я ухмыльнулась в нависшее надо мной чужое лицо.

— Думаешь, ты один знаешь всякие хитрые заклинания? Смотри, как бы оно не обернулось против тебя. Еще посмотрим, чьи кишки будут на арене.

Я его не боялась. За эти пять месяцев успела выучить все его привычки, любимые приемы, подлые маневры. К бою с ним я была полностью готова.

— Вот как заговорила, да? У крыски остренький язычок... Сейчас ты у меня его прикусишь! — и он схватил меня за затылок с явным намерением приложить о колено.

Я вывернулась, отскочила, взмахнула рукой, собираясь вызвать меч. Не успела. Хаунд молниеносно перехватил мое запястье и вывернул его, заставив меня зашипеть от боли. В следующий миг я увидела несущийся к моему лицу кулак. Напряглась, собираясь увернуться, сделать финт, повиснув на держащей меня руке, и врезать по ненавистой роже ногами, но тут его кулак кто-то перехватил.

Рывок — Хаунд обернулся и получил прямо в нос.

Это был прекрасный удар. Быстрый, мощный и, что главное, совершенно неожиданный. Хаунд отлетел в сторону, ударился спиной о загородку, на некоторое время замер. Потом ошеломленно поднес руку ко рту, вытер кровь, хлынувшую из разбитой губы. Уставился так, словно никогда не видел. А в следующее мгновение взревел, как бык. Выхватил меч и, словно выпущенный из арбалета болт, на огромной скорости бросился на моего защитника.

Воздух вспыхнул, мгновенно электризуясь, сверкнула белая молния, отвердела, приобретя очертания длинного острого лезвия. Это был меч. Невероятно прекрасный, сияющий серебром, литой — вне всякого сомнения, магический.

Увидев этот меч, Хаунд замер, будто напорвшись грудью на невидимый барьер. Я понимала его сомнения: его собственный меч, хоть и тоже магический, с этим не шел ни в какое сравнение. Зубочистка против сабли.

И подлый трус, прорывав сквозь зубы ругательство, тут же ретировался.

— Ты в порядке? — спросил парень, подавая мне руку.

Я приняла ее, вдруг почувствовав себя не боевиком, а какой-то слабой ар-теранной. Слегка смутилась под пристальным, неожиданно жарким и долгим взглядом. И сама не удержалась от того, чтобы не уставиться в ответ.

Парень был совершенно незнакомый. Удивительно, ведь я знала всех боевиков со старших курсов — а в том, что он старшекурсник, сомнения не было. Но этого я бы запомнила, увидев его хоть раз: шикарная грива светлых волос спадала на темные, почти черные глаза — большая редкость для обитателей Морвенны.

— Я Анс, — представился он, бережно сжимая мою ладонь.

Он был худощав и высок, почти как Хен, и сердце болезненно заныло, затрепетало, предательски ускоряя ход. Пришлось напомнить себе, что с Хеном давно покончено и поросло быльем.

— Сатьяна, — аккуратно высвободила руку, — первый курс боевой магии. А ты?

— Первый? — Анс озадаченно вскинул брови. — Ты очень хорошо сражалась. Из какого ты клана?

Криво усмехнувшись, покачала головой:

— Я вышла из клана и не хочу это обсуждать, если можно.

— Да, конечно, — немного растерянно согласился парень.

Мы прошли тесный, заставленный ящиками и деревянным оружием закуток и бок о бок вышли на яркое солнце. Анс прищурился, и его черные глаза сложились забавными полумесяцами.

— Ты с какого курса? — повторила вопрос, чувствуя себя немного неловко.

— Последний, — Анс улыбнулся, — только не здешней академии. Я из Халда Великого. Приехал на межакадемические.

— О-о-о... — Головоломка сложилась.

Вот почему я никогда его тут не видела: он с другого конца Морвенны. Но я не ожидала, что участники межакадемических уже начали собираться, ведь предварительный турнир еще не закончился.

— Мы самые первые. — Анс словно прочел мои мысли. — Там, где нас поселили, кажется, вообще никто не живет, один только дух-хранитель.

А ведь их наверняка поселили там же, где живу и я. Теперь наше здание начнет потихоньку заполняться. К началу межакадемических соревнований там вообще не протолкнуться будет. Но меня это обрадовало: возвращаться в пустынную тишину, подниматься на свой этаж, слыша только эхо собственных шагов, мне порядком надоело.

Признаться Ансу, что живу в том же общежитии, не успела. К нам подлетел невысокий, почти с меня ростом, вихрастый паренек и застрочил скороговоркой:

— Вот ты где, тебя тренер ищет, идем скорее, вечно ты линяешь, когда другие работают! — Он бросил на меня любопытный взгляд.

Анс поморщился, взглянул на меня чуть виновато.

— Я пойду.

— Да, конечно. — Помахала рукой, но парень не спешил тронуться с места.

— Мы еще увидимся? — неожиданно спросил он.

— Конечно, — ответила абсолютно без задней мысли.

Естественно, мы увидимся, они же пробудут здесь почти два месяца. И только потом сообразила, что это был явный намек на интерес ко мне как к девушке, и запоздало смутилась.

Анс улыбнулся, кивнул и пошел рядом с парнишкой, который снова что-то затараторил. А я поспешно зашагала домой, к общежитию. Хагос, мне показалось или он слегка флиртовал? Не верю. Я взлохмаченная, мокрая — после боя-то. Скорее, это была простая любезность — или Ансу хочется завести в нашей академии друзей. Вполне понятное желание, если подумать.

— Вот и я, — привычно пропела, едва отворив дверь. Думала, никто не откликнется, но из кухни выглянула Лидайка.

— Где тебя твари носили? — осведомилась она с ходу. — Думала, сразу после боя домой побежишь, сама сорвалась, хотела еду успеть подогреть.

В доме и впрямь тянуло запахом супа, мясных фрикаделек и совсем уж божественным ароматом запекающегося в духовке сырного пирога. Когда только Лидайка всё успевает? Хотя форму с пирогом я еще с утра заметила.

— Ты ж моя мамочка! — Я кинулась на подругу с объятиями, она завизжала и стала отбиваться.

— Иди мыться! И немедленно! Отвратительное грязное чудовище! Ты вся в песке!

— И вовсе не вся, только немного коленки и локоть, — оскорбилась я.

Предложению тем не менее последовала: быстро схватила домашнее и юркнула в душ.

После того как Хен пропал, некоторое время академия стояла на ушах. Вернее, ее административный аппарат: выяснилось, что в учебное заведение был обманом зачислен никогда не существовавший человек, который к тому же ухитрился выкрасть Хранителя у одного из сильнейших кланов.

Что со мной делать, оставалось совершенно неясным. Вернуть меня на прежнее место было нельзя: в ту комнату уже заселили другую

девушку, свободных мест пока не было. Оставили жить в общежитии для гостевых команд, но одной мне было тут невмоготу.

Некоторое время я ночевала у Лидаи, а потом меня осенило. Раз уж отведенные мне две комнаты все равно рассчитаны на двоих, так почему бы не уговорить ректора поселить со мной подругу?

Новый виток уговоров довольно быстро увенчался успехом: по моему, ректор вообще опасался иметь со мной дело и обращался как с одуванчиком, на которого чуть дунь — и рассыплется. А Лидаю долго уговаривать не пришлось: она ужасно сочувствовала мне из-за истории с Хеном и винула себя, мол, если бы не ее уговоры, все бы не закончилось так плохо.

Мы начали жить вместе буквально через пару недель после исчезновения Хена, и я до сих пор не уставала благодарить Нигоса, подарившего мне такую великолепную идею. Нет, дело было не только в том, что Лидаия божественно готовила, — она буквально стала моей новой семьей. Заменить Хена подруга, конечно, не могла, но этого мне и не требовалось. Зато она дала то, что было так необходимо: обычное человеческое тепло, присутствие рядом, дружеское «Как прошел день?» по возвращении домой.

— Эй, — в дверь ванной постучали, — тебе письмо принесли, Хранитель только что доставил. Лежит на твоём столе.

— Спасибо, — ответила кисло.

От кого письмо, знала и так, мама с завидным постоянством засыпала меня посланиями. Если раньше все известия от семьи обычно шли через Вейса, то теперь мать писала напрямую. Не удивлюсь, если дело в том, что Вейс взбунтовался, устав быть между нами третьим лишним.

Выйдя из ванной, убедилась в своей правоте.

— Так, первая треть — перечисление проблем, свалившихся на бедный клан Сантерн после того, как их Хранителя украли, вторая — нытье и упреки, и третья — какое удивление! — требование возвратиться домой и послушно выйти замуж за того, за кого скажут, — вслух подытожила я, пробежав глазами исписанные острым почерком строчки.

— Пишет, чтобы выбросила из головы дурь и вернулась в клан? — понимающе усмехнулась Лидаия.

— К Хагосу я вернусь. — Скомкала бумагу и прицельным броском запулила в корзину для мусора.

— И правильно. Ты теперь глава, тебя никто ни к чему принудить не может. Я бы тоже ни за что не вернулась.

— Хоть какой-то плюс от всей этой истории с Хеном, — усмехнулась я лихо и только чуть-чуть через силу. — Благодаря ему на свет родился новенький, ни в чем не замешанный, никому ничем не обязанный род — и я теперь его единственный член.

Вытянув руку, сосредоточилась. На тыльной стороне ладони проявился знак: большое «тай», заключенное в круг. Когда-то я видела этот знак главы рода у Хена — теперь, когда Хенной Тайсен растворился в небытии, знак перешел ко мне.

Хен провернул с этим родом очень сложную аферу. Все это выяснилось уже после его исчезновения. Новый род нельзя основать на пустом месте. Можно создать новую ветвь из старой, но связь с основным родом обычно сохраняется, ее нельзя уничтожить. Этим Хен и воспользовался, чтобы стереть все следы. Он зарегистрировал новый род Тайсен как исходящий из клана Тайсен в Вендае. Скорее всего, воспользовался кровью кого-то из настоящих членов рода — несколько представителей клана сообщали о нападениях.

Получился новенький род, не имеющий никакого отношения к клану Тайсен, состоящий только из Хена, а потом и меня. Создан он был по всем правилам, с обязательным жертвоприношением, с благословением богов, так что даже теперь, после того, как Хен пропал, сам род остался. А вместе с ним и все мои права как новой главы рода, и мой статус — все это было настоящим.

Пять месяцев назад, когда все раскрылось, мать хотела забрать меня из академии. Я сбежала, добралась до Отрая сама и только тут узнала, что я по-прежнему Тайсен, и мать по-прежнему не имеет в отношении меня никаких прав.

Да, пожалуй, это было единственным подарком Хена... напоследок.

Во входную дверь постучали. Я обернулась. Кого еще принесло как раз к обеду? Вариантов было немного: это или Ларн, парень Лидайи, или Карин. У обоих было право приходить без уведомления, обо всех других гостях дух-хранитель сообщал и спрашивал, можно ли пропустить.

— Иди открой, Ларн сегодня занят, — крикнула с кухни подруга.

На пороге и впрямь оказался Карин — как всегда весь в черном, смоляные волосы перехвачены цветным шнурком, как в последнее время стало модно у наших парней.

То есть, кажется, Карин: я с полсекунды молча сверлила его глазами, чтобы быть точно уверенной. Буквально на прошлой неделе Вейн опять обвел меня вокруг пальца, притворившись братом. Я болтала с ним полчаса, прежде чем сопоставила лукавые искорки в зеленых глазах и странные, полные подколок реплики.

— Я это, я, — рассмеялся Карин. — Пароль помнишь?

Он начертил в воздухе знак «иссен», и только тогда я его пропустила.

Не то чтобы случилось бы нечто страшное, пусть я не Карина, а Вейна, просто он снова изводил бы меня идиотскими шуточками и злил бы Лидаю. Хуже всех при этом раскладе приходилось Карину, потому что соседка понятия не имела, что их двое, и злость потом вымещала на Карине. Вот мы и договорились о пароле.

— Привет. — Лидайка выглянула из кухни.

— Все кашеваришь? — Карин протянул ей набитую битком холщовую сумку. Судя по торчащему из нее пучку зеленого лука, внутри были продукты.

— Ты ж моя радость! — расцвела подруга. — От Сатьянки не дождешься, она, по-моему, вообще не знает, где в академии продуктовые лавки.

— Обижает, — вмешалась я, — еду я везде найду.

Обмениваясь добродушными шуточками, мы сели за стол. Такие обеды у нас в последнее время вошли в привычку. Лидайка обожала готовить, говорила, это напоминает ей о доме, ну а мы с Каринком обожали хорошо поесть. При этом каждый делал посильный вклад: Карин притаскивал продукты, а я мыла посуду.

Сразу после обеда Лидайка куда-то засобиралась и быстро сбежала «по делам». По каким именно, не сказала, но перед тем как исчезнуть бросила на меня многозначительный взгляд.

Я закрыла за ней дверь и в нерешительности застыла.

Воздух в комнате вмиг изменился, стал тяжелым и тягучим, неловко было даже поднять глаза. Негодяйка Лидайка специально

оставила нас с Кариним наедине. Раньше она сводила меня с Хеном, теперь у нее появился новый объект.

И все бы ничего, да только...

— Может, поиграем во что-нибудь? — спросил вдруг Карин.

Голос у него стал ломким и хрипловатым, было ясно: он тоже заметил и понял мое напряжение. Но великодушно предложил способ развеять его.

Я с радостью согласилась. Достала карты, и мы с Кариним устроились в гостиной на диване, купленном несколько месяцев назад, когда мы с подругой стали жить вместе.

Мы сыграли несколько партий в карты, потом в сигнисс — новую игру, только-только начавшую входить в моду, с деревянными фишками и хитроумными ловушками. А потом Карин, так же просто и внезапно, задал тот самый вопрос, которого я ждала и боялась с момента, когда за Лидаией закрылась дверь.

— Ты... подумала? Скажешь, что решила? Или тебе нужно еще время?

Я закусила губу. Сердце застучало сильнее, волнение разгорячило кровь. Нахлынул сильный внутренний жар. Чувствуя на себе неотрывный взгляд, я встала и отошла к окну.

Неделю назад Карин предложил мне встречаться.

Впервые он признался мне в своих чувствах почти сразу после того, как Хен ушел. Но одновременно с этим я узнала еще кое-что: оказывается, он подозревал, что Хен из ночных, и ничего мне не сказал. Не предупредил, не намекнул.

Карин оправдывался этикой ночных, тем, что не допускал и мысли, что Хен может мне навредить, но все равно шок оказался слишком большим, и, узнав об этом, я почти месяц с ним не разговаривала. Потом общение возобновилось, но о чувствах никто не заговаривал. Я все еще не допускала мысли о новых отношениях, а Карин, кажется, давал мне время оправиться. Но потом осада возобновилась.

Поначалу он действовал мягко, исподволь: звал гулять, водил в город, помогал с тренировками, выступая бессменным партнером, тормозил, не давая скатиться в меланхолию и жалость к себе. А неделю назад припер к стенке внезапным признанием.

Перед внутренним взором встали лихорадочно блестящие зеленые глаза. Вечером, проводив меня до дома после очередной тренировки, Карин вместо того, чтобы помахать на прощание и уйти, вдруг встал перед дверью, загораживая мне путь. Его голос звучал хрипло и надрывно, как будто то, что он говорил, разрывало ему душу. Сначала я вообще не поняла, что он несет, он говорил глухо, отрывисто, неразборчиво, и в осмысленную фразу это никак не складывалось:

— ...если нет, то скажи нет. Просто я не могу больше так. Или я с тобой, или мы друг друга не знаем. Потому что больше это терпеть невозможно.

Я как окаменела, впитывая этот бессвязный поток эмоций. Не дождавшись ответа, Карин посмотрел на меня с отчаянием.

— Я... — было видно, как тяжело ему даются слова, — не знаю, что делать... ты мне нравишься... очень сильно. Я думал, когда его больше нет... Нет, не так. Не знаю, что я думал. В общем, я ни на чем не настаиваю, только... Не хочу оставаться просто другом, безотказной жилеткой. Я не подхожу на эту роль. Поэтому хочу, чтобы ты знала: или мы будем вместе, или я уйду из академии.

Он выпалил это с готовностью осужденного на казнь и вдруг как опомнился. Я впервые видела, как Карин краснеет: на смуглых скулах появился темный румянец. Продолжая сверлить меня отчаянным взглядом, пробормотал, что отвечать сразу не обязательно, и позорно сбежал, оставив меня перед дверью, изумленную и растерянную.

Это произошло где-то с пятидневку назад, а на следующий день Карин снова вел себя как ни в чем не бывало, так что я даже усомнилась, не привиделось ли все это во сне. А потом между нами появилось странное напряжение, усиливавшееся, когда мы оставались наедине. Вот как сейчас.

Хагос... Карин дал неделю на раздумья, но этого времени мне не хватило. Можно сказать, за эту неделю мое единственное достижение оказалось в том, что я научилась запихивать воспоминание о признании Карина в самый дальний уголок мозга. Потому что чем больше я о нем думала, тем меньше понимала себя саму и собственные чувства.

Карин мне нравился. Определенно нравился, даже больше, я подсознательно считала его своим. Настолько, насколько своими обычно ощущаешь руки или ноги: они все время при тебе, послушны,

почти никогда не подводят. Вот и Карин постоянно был рядом, подставлял плечо, выслушивал разные глупости, смешил и вообще делал жизнь веселее.

Но при этом мне было сложно представить его своим парнем. Просто потому что — ну, это же Карин. Но когда он смотрел на меня тем отчаянным взглядом, внутри совершенно точно заволновалось и потеплело. Что-то полузабытое, засыпанное пеплом словно вздрогнуло, проклюнулось сквозь слой золы новым ростком.

И сейчас тоже — я ощущала затылком его пристальный взгляд, и от этого кровь быстрее текла по жилам и сбивалось дыхание. А когда услышала, как Карин встает, вообще все волоски на теле встали дыбом, как перед грозой.

Шаг, другой, третий. Не оборачиваясь, прикусила губу. спине стало теплее — передавался чужой жар. Карин совсем близко... Если шагнуть назад, коснусь спиной его тела.

Но я не двигалась с места — и парень тоже не приближался.

Дышать становилось все труднее, грудь словно тугие огненные кольца охватывали. Я вцепилась руками в подоконник, склонила голову. Если сейчас я не обернусь и ничего не скажу, он уйдет. Уйдет, и я никогда его больше не увижу. Он исчезнет, вместо него на тренировки будет ходить Вейн, никто даже не заметит. Только я буду знать об этом.

Эта мысль принесла боль, будто в грудь вонзился острый нож.

Нет.

Я не могу его потерять. Даже мысль такую допустить не могу. У меня и так слишком мало дорогих людей. Лас, продолжавший тайком передавать мне новости и поддерживать, невзирая на запреты семьи, Лидайя — и вот он, Карин. А любить я все равно никого не люблю.

Точнее, Карина я люблю — пусть не совсем так, как любила Хена, но он-то как раз доказал свою преданность и честность. И сразу признался, кто он такой. Даже брата впутал. Представляю, чего ему стоило признание, ведь если их раскроют, оба вылетят из академии после пинка под зад.

И я медленно обернулась, чувствуя, как от волнения шумит в ушах, а пол уходит из-под ног. Обернуться обернулась, но посмотреть на Карина не осмелилась. Опустила взгляд и пробормотала:

— Если ты еще хочешь, я не... не против...

Хагос, даже ужу на сковородке приходится куда легче. Теперь я отлично понимала, что чувствовал Карин неделю назад.

— Не против?.. — откликнулся он негромким эхом.

Я боязливо взглянула на него.

Парень, похоже, или не понял, или ожидал совсем другого ответа. Ошарашен так, что некоторое время молчал и растерянно смотрел на меня. А потом вдруг ярко, радостно, по-мальчишески улыбнулся.

— Правда?!

Я кивнула. Невольно тоже улыбнулась, захваченная такой явной радостью. И затаила дыхание, видя, как взор Карина медленно темнеет, улыбка сходит с лица, и оно становится серьезным. Не сводя с меня глаз, парень придвинулся. Его руки легли по обе стороны от меня, заключая в своеобразное объятие. Я не возражала, стояла смиренно, и только сердце билось так часто, словно хотело выскочить из груди.

— Можно? — спросил Карин, наклоняясь ближе.

Спросил тихо-тихо, но я расслышала. Взгляд сам зацепился за его губы. Я словно впервые их увидела и поняла, что они неожиданно красивы, эти губы, по-мужски четкие, решительные и вместе с тем притягательно мягкие на вид. Внутри дрогнуло, заливая непрошеным жаром, и я кивнула.

Поцелуй был легким, плавным, будто Карин осторожничал, опасаясь, что я в любой момент могу сбежать. Сначала прикоснулся одними губами, поймал дыхание, сам вдохнул трепетно и рвано. И тогда уже, убедившись, что я не возражаю, поцеловал по-настоящему, жадно, горячо, с напором, от которого у меня закружилась голова.

Но в следующий миг я вспомнила Хена. Наверное, это было попросту неизбежно: только с Хеном целовалась по-настоящему, он был единственным, кто до сих пор вызывал во мне такой трепет и слабость, и желание отдаться. А теперь меня целовал Карин, и в объятиях сжимал Карин, и его запах щекотал ноздри, будоражил сознание. В какой-то миг воспоминания стали невыносимы, и я отвернулась, спрятала лицо на груди парня. Сердце судорожно бухало, и в унисон с ним, так же быстро и сильно, билось чужое сердце.

— Что это? — вдруг спросил друг, мгновенно выводя меня из блаженного покоя.

Он смотрел куда-то поверх моей головы, в окно, на его лице было удивление.

Обернувшись, успела увидеть только длинный белый хвост. Он мазнул по стеклу и тут же исчез — какой-то мелкий зверек устремился по стене вниз. Не обращая внимания на вопросы, кинулась открывать окно. Опоздала: когда рама поддалась и я выглянула наружу, внизу уже никого не было.

Я по-прежнему молча смотрела в пространство, когда Карин сказал:

— По-моему, там было какое-то животное. Что-то вроде горносталя.

Сама не зная почему, поспешно возразила:

— Тебе показалось, откуда здесь горносталя. Это голубь белый на подоконнике сидел, слетел вниз, вот и все.

Карин посмотрел на меня с сомнением, но возражать не стал. А я не понимала, почему не призналась. Это совершенно точно была ласка.

Белая ласка, которую в последний раз я видела полгода назад в руках Хена, когда она сбежала. Видимо, из-за этого в сознании она оказалась связана с Хеном — и воспоминания нахлынули, захлестнули, мгновенно перенося в прошлое, в то время, когда я еще ничего не знала и была счастлива.

Ласка... Она вернулась, значит, за мной снова кто-то шпионит?

Наверное, я должна была обеспокоиться, встревожиться, почувствовать себя неуютно, но вопреки всему появление зверька почему-то обрадовало. Словно это означало для меня что-то очень хорошее — что-то, о чем я пока не имела никакого понятия, но что обязательно должно произойти в ближайшем будущем.

* * *

Народу в академии с каждым днем прибавлялось. Приезжали со всех концов Морвенны семьи участников турнира — болеть за своих и уже действующие боевые группы — смотреть на старшекурсников, сманивать к себе сильнейших; прибывали участники

межакадемических соревнований, хотя до их начала оставался почти целый месяц.

Наше общежитие постепенно заселялось, все чаще слышались чужие голоса, все громче хлопали двери, все больше новых лиц встречалось в коридорах. Причем не только привычные взору жители Морвенны, но и экзотические темнокожие представители кочевых племен с соседних территорий, и закутанные в длинные плащи голубоглазые эверены — только мужчины, потому что их женщин держали взаперти дома, и беловолосые вендайцы, заставлявшие мое сердце биться сильнее.

С Ансом мы пока что не пересекались: их, похоже, поселили на пятом этаже, а мы с Лидаией жили на втором. И тренировались они отдельно, с другой стороны горы, на площадках, специально выделенных для приезжих.

На личном фронте у меня, если так можно сказать, все шло хорошо. После учебы мы встречались с Карином, часто выбирались в город: таким образом и Вейн мог куролесить на территории академии, сколько ему хотелось. Ласку или похожее на нее животное я больше не видела, хоть и глядела во все глаза.

Время текло неумолимо быстро. Приближался последний день турнира. Вернее, дни — сначала закончится групповой турнир, а через неделю — наш, одиночный.

Лас со своей группой показывал неплохие результаты, но шансы на то, что они войдут в тройку победителей, были маловаты. Брат уже и переживать перестал на этот счет, больше надеялся на меня, твердил, что я должна показать всем, на что способны Сантерн.

Сантерн или нет, но его пожелание я собиралась выполнить.

Слава Нигосу, Хаунд после стычки с Ансом на глаза мне не попадался. Вейн продолжал путаться с Виспериной, шпионя за ними, но от него тоже новостей особо не было.

А потом как-то Висперина засекла нас с Карином в столовой.

После лекций мы сидели вдвоем среди зелени в моем любимом уголке, пили чай с печеньем, болтали о том о сем. Когда мы начали встречаться, Карин не упускал случая прикоснуться ко мне: взять за руку, приобнять, поцеловать в висок или щеку, вот и сейчас не скрываясь притянул к себе. Я тихо млела в тепле объятий, откинувшись на широкую грудь. Было хорошо и спокойно, пока вдруг

не пронзило неприятное ощущение, будто на меня кто-то смотрит, причем со жгучей ненавистью.

Я подняла глаза и поверх зелени увидела Висперину. Она стояла на другом конце зала, у самых дверей, видно, только зашла. Мы с ней давно не пересекались, так что я не сразу и вспомнила, кто эта мелкая блондинка в бледно-голубом платье, с тщательно перевитыми жемчугом косами и выражением гарпии на узкой мордочке.

— Чего это она так кривится, съела что-то не то? — Я ткнула Карина в грудь локтем.

Тот лениво поднял взгляд, но в тот же миг его тело окаменело, а рассеянная полуулыбка сошла с губ.

— Ты чего? — удивилась я.

А потом дошло. Висперина думает, что Карин и Вейн — один и тот же человек. Вернее, считает, что в академии есть только Карин, ее поклонник. И вдруг она видит, как мы сидим в обнимку. Естественно, решила, что он крутит со мной у нее за спиной. Или что я увела у нее парня. Или что он вообще с самого начала ее обманывал, делал вид, что влюблен в нее, а на самом деле оставался на моей стороне.

Прямо не знаю, какой вариант хуже.

Дернулась, намереваясь отстраниться, но Карин удержал. Шепнул на ухо:

— Сиди, уже поздно.

— Скажи ей, что флиртуешь со мной, чтобы следить. Точнее, пусть Вейн скажет, — предложила я.

— Не выйдет. Она страшная одиноличница, насколько слышал. Она его не простит.

— Вот зараза... Что же теперь будет? Она устроит ему скандал? Но ведь она сама встречается с Хаундом! Хагос, пусть Вейн скажет ей, что это я тебя соблазнила.

Карин неожиданно затрясся. Я бросила на него взгляд и обнаружила, что он ржет. В тот же миг обедающие вздрогнули от громового удара: Висперина выскочила из столовой, изо всех сил хлопнув дверью.

— Ничего страшного, — сказал Карин. — Разберутся. — А потом повернул меня к себе и переспросил: — Так, говоришь, ты меня соблазнила?

Его глаза блестели, он был ужасно милым сейчас, и я рассмеялась, сама наклоняясь к его губам.

А на следующий день Карина жестоко избивали.

За мной прибежал Вейн — ворвался в комнату, схватил меня за руку и, ничего не рассказывая, потащил в мужское общежитие. О нападении я узнала на полдороге и остановилась, ошеломленная.

— Давай быстрее, — разозлился Вейн, — надо вернуться до того, как он придет в себя.

Он был в «тени», поэтому голос раздавался словно из ниоткуда. Но даже не видя его лицо, было ясно, что он в бешенстве.

— Он один? — Я ускорила шаг.

— С ним какой-то парень, он его и притащил. Еле успел в «тень» уйти, когда они ввалились. Он его и нашел, похоже. Валялся у стадиона в отключке.

— Что еще за парень?

— Да не знаю я! — В голосе Вейна снова плеснуло раздражение. — Не наш какой-то, глаза черные, как у имерийца.

Черные глаза? Подозрение кольнуло сердце.

— Его случайно не Анс зовут?

— Он мне не представлялся. Сама спросишь.

Это и впрямь оказался Анс. Сидел на подоконнике, наблюдая, как над Кариним хлопочет Имсен, парень с целительского. Я его знала: он со своими друзьями занял призовое место на групповом турнире и в целительском деле разбирался на славу. Жил он здесь же, в общежитии. Видно, позвали того, кто оказался рядом.

Моего прихода, похоже, не ждал ни тот, ни другой: Анс удивленно вскинул брови, Имсен недоуменно склонил голову набок. Это было понятно, они же не знали, что со мной Вейн. С их точки зрения все выглядело так, будто я без церемоний, как к себе домой, заявила в комнату парня.

Ничего пояснять я не стала, с порога кинулась к кровати. Карин в грязной одежде лежал поверх одеяла с закрытыми веками и дышал так медленно, словно уже готовился отдать богам душу. Под глазами разлилась глубокая синева, в углу рта кровоподтек. Я протянула руку, но коснуться побоялась. Обернулась к целителю.

— Как он?!

— Как-как... — поморщился Имсен. — Плохо, как еще. Внутреннее кровоизлияние, большая энергопотеря, рассекли нервы и магические каналы. Если плоть я заштопал, то с магическими повреждениями хуже. Его явно отделала компания в несколько человек, и, похоже, среди них был целитель. Явно поработал кто-то, знающий, как максимально затруднить лечение.

Целитель. Я сжала кулаки так, что ногти вонзились в кожу. Кажется, догадываюсь, кто именно был этим целителем. Хагосова Висперина, так и думала, что она отомстит!

Но кричать и топтать ногами было бессмысленно. Я беспомощно оглянулась на кровать.

— Спокойно, я снял все что мог. Остается только ждать. Пусть он спит, чем больше спит, тем быстрее поправится.

— Может, позвать кого-нибудь из лечебного корпуса? Все-таки ты еще третьекурсник...

— Конечно, если хочешь, — Имсен пожал плечами, на добродушном лице не было ни следа обиды, — но они скажут тебе то же самое. Это целительское проклятие, его можно снять, да только в процессе сделаем ему хуже. Надо подождать, он выздоровеет сам.

— Когда?

— Ну, пара дней точно. А-а, ты волнуешься из-за турнира? Не переживай, на ноги он встанет. За результаты не отвечаю, но он же и так вроде один из первых? Призовое место от него не уйдет, не беспокойся. Главное, чтобы явился, тогда не дисквалифицируют.

Я кивнула. От сердца и впрямь немного отхлынуло. На турнире выступает Вейн, он-то ничуть не пострадал, но, если Карин к тому времени не встанет, брат тоже не сможет участвовать, ведь для всех они один человек.

Странно. Неужели Висперина пожалела Вейна? Не стала отбирать у него победу? Ведь наверняка могла придумать что-то такое, что уложило бы Карина в постель как минимум дней на десять. Или опасалась, что тогда виновника будут искать?

— Ладно, я пойду, — Имсен поднялся, и вместе с ним как по команде встал молчавший до сих пор Анс.

— Я тоже, — глухо проронил он.

На лице его была непонятная тень. Он словно с неким сожалением глянул на кровать.

И тут раздался глухой стон. Я бросилась к Карину и со смесью жуткой вины, жалости и облегчения увидела, что его веки медленно приподнимаются.

Затуманенные зеленые глаза обвели комнату. Остановились на мне. Лицо Карина исказилось, бледные запекшиеся губы чуть шевельнулись. Я поспешно схватила со стола графин, налила воды и протянула ему.

Подняться он не смог, пришлось помочь, придержать стакан у его губ, пока он пил. Жалость с каждым мгновением накатывала все сильнее. Жалость и гнев, беспощадный гнев.

Ни за что не прощу Висперину. Даже если бы Карин и впрямь обманывал ее, встречался бы со мной за ее спиной, разве это основание для того, чтобы избивать? Причем так подло, несколько человек на одного. И бросили его в бессознательном состоянии! Он вообще мог умереть!

Напившись, Карин кивнул. Я хотела было встать, но Карин схватил меня за руку. Кожа его была сухая и горячая.

— Сатьяна... — прохрипел он через силу, — они сказали, чтобы ты снялась с турнира. Иначе тебя тоже...

— Кто на тебя напал? — напряженно спросил от дверей Анс. — Ты видел?

— Не понял. — Карин покачал головой. — Они были в масках... — не договорив, он откинулся на подушку, веки бессильно закрылись.

— Карин!

Меня оттолкнули: Имсен бросился к кровати. Стал водить руками, прощупывая одному ему известные точки. Я наблюдала за ним, кусая губы, но почти сразу озабоченное выражение сошло с лица парня, и я тоже облегченно выдохнула.

— Все хорошо, пусть спит. — Целитель выпрямился, с тревогой глянул на меня. — Турнир? Это что, все из-за него? Надо доложить старшим.

— Надо, — поддакнула я, и вдруг почувствовала тычок в бок.

Дернулась, но потом сообразила: Вейн. Чем-то ему мои слова не понравились.

Имсен кивнул. Некоторое время постоял молча, потом вздохнул, развел руками.

— Ладно. Больше мне тут нечего делать.

Он снова направился к двери, Анс последовал за ним, но на пороге обернулся. Глянул на меня, на кровать. Показалось, хотел что-то сказать, но он только мотнул головой, повернулся и зашагал вслед за целителем.

Стоило двери закрыться, как стены залила знакомая серебристая дымка, густеющая на глазах.

— Сволочи! Убью... — прорычал взбешенный Вейн, проявляясь.

С размаху сел на кровать брата, схватился за голову, растрепывая черные волосы. Накрыл лицо руками и глухо застонал.

— Прости, — сказала я тихо. К горлу подкатил комок. — Это все из-за меня, если бы Висперина нас не увидела...

— Да при чем здесь ты?! — вдруг вызверился он, зеленые глаза блеснули яростью. — Ты-то в чем виновата? Это я последний придурок! Я вбил себе в голову, что все под контролем! И вообще был уверен, что ей наплевать!

Я молча смотрела на него, не зная, что сказать. В общем-то, мы оба были виноваты: и Вейн, который недооценил силу гнева Висперины, и я, махнувшая рукой на все это. И даже Карин, сам вчера сказавший, что Висперина единоличница, но никаких выводов из этого не сделавший.

— Надо было вчера кидаться ей в ноги, а я, болван, забил. Подумал, какая ей разница. Напрягаться было лень. А она... — Вейн скрипнул зубами и с отчаянием глянул на брата.

— Не переживай так, — попробовала успокоить его, — с Кариним все будет хорошо. Имсен же сказал, к турниру он поднимется на ноги.

Вейн пропустил мои слова мимо ушей. Глухо пробормотал:

— Не могу себе простить, что не был с ним. С нами двумя они бы не справились.

— Тогда ваша маскировка раскрылась бы.

— К Хагосу ее!

Некоторое время мы оба молчали. Вейн по-прежнему сидел, расставив ноги и опустив голову, вжимая пальцы в лицо так сильно, что оставались белые следы. Карин, кажется, спокойно спал, и это была единственная утешительная новость.

— Что теперь?.. — нерешительно спросила. — Доложить старшим, пусть расследуют... Может, они сумеют определить, кто был тот целитель или маг.

Вейн покачал головой.

— Нет, — уронил мрачно, — нельзя. Если нами займется ректор — а он займется, если история дойдет до деканата, тогда нас обоих раскроют.

— Ты только что послал маскировку к Хагосу.

Вейн зло блеснул глазами.

— Есть разница — ради того, чтобы защитить кого-то, или для того, чтобы отомстить. Со вторым мы и сами справимся.

Он недобро сощурился, сжал руку в кулак, и я с замиранием сердца увидела, как его пальцы заостряются, превращаясь в кинжально-осгрые черные когти. Один из приемов ночных.

— Что ты собираешься делать?

— Не знаю. По обстоятельствам. Но одно могу сказать точно: это им с рук не сойдет.

* * *

На дворе уже стоял март, но по ночам все равно было холодно, и я зябко куталась в куртку. Шаги гулко разносились по пустынной аллее. Я несколько раз оборачивалась — возникало странное ощущение, будто это не только мои шаги, а кто-то еще идет в отдалении, но вокруг никого не было видно.

Свернув у двух сплетшихся ветвями ольх, прибавила шаг. Тут что-то вспыхнуло чуть впереди и сбоку ледяным синим огнем, и я почувствовала, как руки и ноги сводит судорогой, как они тяжелеют и перестают подчиняться. Вскрикнула, но крик застыл на губах — заморозка добралась до горла.

Из-под защиты деревьев на дорожку выпрыгнули три тени. В середине крупная, широкоплечая, с маской на лице, из-под которой блестели довольно прищуренные глаза. Вторая, слева, с такой же маской, но куда уже в плечах и меньше ростом. Справа на меня щерилась огромная черная гончая с желтыми пылающими глазами.

В сознании пронеслись слова Карина: «Иначе тебя тоже...» Вот оно что. Теперь, значит, моя очередь.

Первой прыгнула собака. Мелькнули белые клыки, мерцающая золотом слюна, вытянутые длинные уши хищно прижались к голове.

Я дернулась, но проклятая заморозка держала крепко. Сердце екнуло в предчувствии боли, едва я представила, как собачьи клыки впиваются в плоть, но заморозка внезапно спала, как будто ее снял целитель, и я на одних рефлексах метнулась вбок. Меч привычно материализовался в руке, посыпались голубые искры.

Диспозиция изменилась: теперь я отступала, держа клинок в правой руке и внимательно следя за нападающими, а они окружали меня с трех сторон. Хотя нет, окружали не все: самая тощая фигура остановилась, и в ее руках раздулся огненный шар.

Маг. Вот кто автор заморозки. Только странно, что она спала сама по себе. Неопытный, что ли? Хагос, но их все равно слишком много! Как минимум маг, мечник и животновод. Причем животновод прячется где-то среди деревьев и оттуда управляет своим фамильяром.

Выставив воздушный щит, метнула взгляд в темные кущи, но ничего не разглядела. Надо опасаться удара оттуда, но не могу же я сражаться одновременно на четыре фронта!

Испуганный крик заставил меня снова обернуться. Гончая кружила рядом со щитом, роняя слюни. Выискивала слабинку. Мечник медленно обходил меня с правого фланга. Кричал маг. Потому что рядом с ним неожиданно выскочила черная фигура.

Вейн.

Два удара, оглушение, быстрый росчерк многочисленных коротких лезвий — я невольно восхитилась скоростью и умением. Маг и пискнуть не успел, сложился бессильной кучкой, огненный шар замигал и рассыпался.

Я усмехнулась: минус один. Мага было не жаль, пусть на своей шкуре почувствует, каково это, когда рассекают магические каналы, вмиг лишая всех сил.

Отразила удар справа — мечник наконец решился напасть. Удар был мощный, умелый, я пошатнулась и чуть не упала.

Все-таки Хаунд?

Хорошо, что Вейн вызвался проводить. Не ожидала, что на меня нападут прямо сегодня. Следили? Знали, что побегу к Карину, как только услышу о произошедшем?

Пока я отбивалась от мечника, гончая, о чьем присутствии я почти позабыла, просочилась сквозь щит и молча прыгнула мне на спину. Напитанные магией клыки рванули куртку, достигли кожи, спину как огнем обожгло. Я вскрикнула, но меня тут же словно омыла чистая волна — боль исчезла, только холод чувствовался сквозь прореху в одежде.

Пользуясь случаем, развернулась, пнула пса, добавила удар магией. И вздрогнула от сокрушающей защиты атаки мечника. Хагос, меня не учили сражаться одновременно с двумя! В следующий миг я вообще прокляла небеса, потому что к мечнику и гончей добавились хлесткие болезненные удары животновода. Хозяин собаки решил присоединиться к бою.

Сама по себе магия животновода скорее жалит, не бьет, — основная сила уходит фамильяру. Но и сам маг, если оставить его без внимания, каплю за каплей может истощить силы противника. Вот и сейчас меня замутило, меч отяжелел, и поддерживать защиту стало куда сложнее, чем раньше.

Хагос, где Вейн?! Почему он не займется животноводом?

Слева блеснула ослепительная вспышка, прокатилась холодная волна. Какая-то темная фигура с сияющим серебряным мечом наперевес ринулась в самую середину. Оттолкнула меня, встала впереди. Яркий клинок рассек тело гончей, она жалобно взвизгнула и растаяла.

Это еще кто?

Пока я стояла, оторопев, неизвестный защитник скрестил меч с боевиком, исходящий от клинка свет попал на лицо, и я с изумлением узнала Анса. Он-то что здесь делает?

Из черных теней снова соткалась гончая — животновод не зевал, но вместо того, чтобы накинуться на меня, бросилась на Анса. Я опомнилась и тоже ринулась в бой. Отбросила пинком собаку, та обернулась в мою сторону, сверкая золотыми глазами. В тот же момент увидела, как зашевелился маг, которого Вейн вырубил в самом начале. Пронзило отчаяние: у них есть целитель, Имсен был прав.

Вдруг гончая взвизгнула, встала на задние лапы и подернулась черной дымкой, а потом и вовсе рассеялась. Вейн достал животновода!

Я с облегчением кинулась к магу, раздувающему очередной огненный шар, уклонилась, когда он выпустил снаряд. Фаер пролетел мимо, обдав жаром, а я была уже рядом и заносила меч. С одного удара защиту не пробить, но то ли я выглядела слишком грозно, то ли выдержка мага подвела — он по-девчачьи всхлипнул и пустился наутек. Догонять не стала — на меня вдруг нахлынула слабость, словно все чужие заклинания, все атаки разом достигли наконец цели. Совершенно по-детски уперев кончик меча в землю и опираясь на него, как на посох, я беспомощно наблюдала, как маг мчится прочь, ковыляя и хромая, но очень быстро, словно за ним гнался сам Хагос. Потом к нему присоединился мечник, его крупная фигура, улепетывавшая со всех ног, выглядела очень забавно.

— А ну стоять! — заорал рядом Анс.

Словно подстегнутый криком, маг прибавил ходу. Полыхнул яркий голубой круг — магия переноса. Хагос, ведь сбежит же! Надо остановить его, но у меня совсем не было сил, и я только губу кусала, видя, как маг прыгает и исчезает в портале. Тварь! Теперь он вмиг очутится на другом конце академии, и ищи-свищи его.

— Стой!

Мечник хотел было прыгнуть следом, но у него на пути материализовался Вейн. Скинул капюшон, зеленые глаза хищно блеснули в лунном свете. Голубой круг портала за спиной замигал и потух.

Мечник остановился как вкопанный.

— Что?! Ты?! Ты же...

Я понимала его ощущения. Они буквально несколько часов назад отделали Карина чуть ли не до полусмерти, а тут он сам дерется, жив-здоров, еще бодрее, чем прежде.

— Я-то я, — ухмыльнулся Вейн, — а ты у нас кто такой?

Взмах когтей, треск распарываемой ткани, обрывки маски упали на землю. Мечник растерянно обернулся, отступая от Вейна, и я увидела его лицо.

Это был совсем не Хаунд. Я была так уверена, что напал именно он, что оторопела.

А этого третьекурсника я видела на групповом турнире, да и так просто знала, разве что имя не помнила. Незаметный, тихий, не очень умный, зато физически развитый, и родом из известного боевого клана.

Вейн схватил его за шиворот и зашипел:

— Передай своим дружкам, что в следующий раз им придется куда хуже. Если хоть один из вас появится рядом с нами, ректор узнает об этом в тот же день, а на следующий вас выкинут отсюда. Ты понял?

Я знала, что он блефует, но мечник затрясся, заморгал, закатывая глазки, забормотал:

— Ничего не знаю... мне сказали, это шутка... просто подшутить... извини, что напугали...

— Пшел прочь!

Вейн оттолкнул его, разворачивая, и пнул так, что мечник отлетел на несколько шагов. И помчался прочь, не оглядываясь.

— Ты как? — Анс подал мне руку. — Не ранена?

— Все в порядке. — С трудом выпрямилась.

Хагосовы твари! Но почему мне казалось, что во время боя нам помогал невидимый целитель? Неужели Висперина в темноте перепутала друзей с врагами? Ведь если бы это был кто-то другой, он бы обязательно показался. Как Анс. Кстати, что он тут делает?

Поинтересоваться не успела. Вейн, размашисто шагая, приблизился к нам, лицо его дышало гневом.

— Следовало бы спросить, кто еще был с ними, — произнес Анс, как бы невзначай обнимая меня за плечи.

Не в силах возражать, я просто оперлась о его сильное тело. Даже с каким-то удовольствием: приятно было ощутить чужую заботу.

— Мы и так это знаем, — пробурчал Вейн.

— Да?

Тот помолчал, бросил взгляд на меня и с неохотой признался:

— Я упустил животновода с целителем. Точнее, вырубил обоих, но, похоже, целитель очнулся, поднял животновода, и они сбежали. Даже под маски заглянуть не успел.

Я кивнула. Ничего, теперь они двадцать раз подумают, прежде чем нападать на нас снова. Наверняка внезапное появление Вейна их смутило и напугало.

Анс с интересом спросил:

— Как ты так быстро встал на ноги? Целитель ошибся?

— Не твое дело.

Мне стало неловко за его грубость, но прежде чем я вмешалась, Анс ответил:

— Ты бы мог быть и повежливее, это я тебя нашел вообще-то. Не хочу хвастаться, но, если бы не я, ты бы там до завтрашнего утра провалялся. И тогда не уверен, что даже самый крутой целитель поставил бы тебя на ноги.

Вейн дернул углом рта, кажется, опять хотел сказать гадость, но то ли проникся отповедью, то ли разговор ему надоел — накинул капюшон и зашагал по направлению к моему общежитию. Я кинулась следом. Анс нагнал нас как ни в чем не бывало.

Вдвоем, недружелюбно поглядывая друг на друга, они довели меня до дверей. Было странно вновь идти под охраной двух парней — я вспомнила, как полгода назад, бывало, ходила так в компании Хена и Карина. В груди привычно заныло, и я замотала головой, как будто могла вытрясти из нее ненужные мысли. Это все потому, что Вейн одно лицо с Карином, а Анс немного похож на Хена.

У дверей Анс вдруг остановился.

— Это же наше общежитие, — сказал он, — не студенческое.

— А я тут живу, — развела руками, — но я здешняя, не приезжая, просто так случилось.

— Да? — На его лице появилось интересное выражение, что-то вроде удовольствия и предвкушения. — Буду знать. Тогда увидимся еще, мечница.

От этих слов я застыла, чувствуя, как внутри словно жидкий огонь пролился. Стало трудно дышать, на глазах появились слезы. Вейн что-то буркнул и пропал в ночной тьме, но я не обратила на это внимания. Анс уже исчез внутри, а я все продолжала стоять у дверей, уцепившись за ручку и не в состоянии сделать шаг.

«Мечница»... Так называл меня Хен, когда мы только познакомились. Всего лишь совпадение, но это невинное словечко из уст Анса подействовало куда сильнее, чем вражеская магия в недавнем нападении.

Хен... Увидимся ли мы когда-нибудь снова?

Утром, выбежав из дверей общежития, я наткнулась на Анса. Он сидел на пологом стволе дерева недалеко от входа — лениво, вальяжно развалился, опираясь спиной о ствол в том месте, где он поднимался вверх. Увидев меня, приветственно поднял руку.

— Ты что здесь делаешь? — поинтересовалась, подходя.

— Тебя караулю, — открыто усмехнулся Анс. В черных глазах плясали огоньки. — Как я понимаю, они хотели тебя с турнира выбросить? До него всего день, так и быть, поработаю сегодня твоим телохранителем. — Он ослепительно улыбнулся и добавил: — Хотя я ведь со вчерашнего вечера начал.

Я засмеялась от его напора и бесшабашного юмора.

— Ты поэтому вчера так удачно оказался на месте? Следил, что ли?

Он, ничуть не смущаясь, пожал плечами.

— Просто подумал, что ты пойдешь одна, мало ли что может случиться. Я же не знал, что твой горец так быстро встанет на ноги.

— Горец? — Я прыснула. — Почему горец?

— Выглядит так, словно родом с гор, — заулыбался Анс. — Там, где я живу, неподалеку горный хребет, и на нем полно похожих парней. Смуглых, черных, злобных. Правда, у них обычно еще усищи и огромный тесак за поясом.

Представив Вейна с «усищами» и тесаком, я вообще покатила от хохота. Отсмеявшись, покачала головой:

— Нет, он здешний.

Карин с Вейном были родом из Отрая. Можно сказать, самые здешние из всех здешних. При желании могли бы бегать домой на обед. Ну, на обед, конечно, преувеличение, но я знала, что их дом где-то в городе. Минут сорок на лошади, говорил Карин. Ансу я об этом, естественно, говорить не стала, но он и сам уже завел разговор на другую тему, и тоже с шутками и прибаутками.

Так, то и дело оглашая окрестности взрывами смеха, мы с Ансом добрались до тренировочного зала. Хотела было попрощаться, как Анс, сверкая любопытными глазами, спросил:

— А можно я с тобой потренируюсь?

Я с сомнением окинула его взглядом. Не то чтобы я боялась спарринга с третьекурсником, но будет ли ему толк от тренировки со мной? Хотя вместе, конечно, веселее.

— Ну давай.

Мы начали с разминки, пробежали пару кругов вокруг площадки, причем Анс держался рядом, хотя явно мог бежать быстрее. Но нет, он выделялся, трусил спиной вперед и продолжал смешить меня, отвешивая разные шуточки.

Думала, так до конца и провеселится, но, когда дело дошло до спарринга, он вдруг стал серьезным и собранным. Разогревшись с деревянными мечами, мы слаженно, без слов поняв друг друга, одновременно вытащили магические. И я опять не могла не залюбоваться его клинком. Длинный, изящный, покрытый черным, будто выдавленным узором, он светился серебристым светом и, казалось, издавал слабый перезвон, как хрустальные колокольчики.

Анс терпеливо ждал в стойке. Наконец я приподняла кончик своего меча, увидела кивок — и первой пошла в атаку. Противник встретил мой удар мягко, по касательной. Спустил влево, легким шагом отступил в сторону, послал свободной рукой магический удар. Я поймала его воздушным щитом, пригасила, ушла от выпада мечом. Некоторое время мы кружились напротив друг друга, нанося удары, скорее пробные, чем настоящие.

Потом Анс сделал резкий выпад и почти достал меня, но каким-то шестым чувством я уловила его намерение до начала атаки и успела уклониться. Наградой мне стал одобрительный возглас, и парень стал двигаться осторожнее и сосредоточеннее.

В следующий раз его чуть не достала я. Вернее, мне показалось, что «чуть» — этот змей ушел от удара на расстоянии буквально в волосок и нагло усмехнулся мне в лицо, отработанным движением выворачивая меч. Да так, что я обнаружила, что окутанное серебристым сиянием лезвие летит мне прямо в грудь.

Не может быть! Он не мог сделать такой выпад из этой позиции!

От соприкосновения ушла в последний миг, но не очень удачно: меч Анса задел мою защиту, раздался неприятный взвизг, как будто провели острым камнем по стеклу. Я прыгнула и на пике отчаяния и порожденной этим отчаянием смелости провернула недавно выученный финт: растворила щит, перекинула меч в левую руку, правой послала магический удар и одновременно с этим ударила левой — из такого положения, которого Анс никак не мог ожидать.

Есть!

Ан нет — меч столкнулся с серебристым лезвием. На мгновение мы застыли, как ледяные скульптуры. В черных глазах Анса метались демонические искорки, губы кривились в ухмылке. Невольно я тоже растянула губы, повторяя оскал.

Одновременно, мы оттолкнулись мечами и снова пошли в пляс. Звенели клинки, тоскливо скрипела защита, дрожали доски пола, проседая от наших прыжков. Усталости я не чувствовала, но и удача мне не улыбалась: Анс скакал как обезьяна, и куда бы я ни ударила, меня встречала пустота или чужой меч.

Пот покрыл виски, темп был слишком высоким, чтобы долго его выдерживать. И я решила на последнюю отчаянную атаку. Свободной рукой призвала магию, но не послала ее в противника, а использовала «черный песок», запорошив ему глаза. Маневр удался: Анс на миг замер, беспомощно повел головой. «Кошачьим шагом» подлетела к нему — так тихо, что ни одна доска не заскрипела, пылинки не шевельнулись. Отточенным ударом послала клинок, уже предвкушая победу, но Анс — ослепленный, беспомощный — перехватил меня за запястье, вывернул руку, и мой меч столкнулся не с хрупкой защитой, а с твердым лезвием чужого меча.

Он на слух определил, куда я собираюсь ударить!

Моя защита со стеклянным звоном рассыпалась, и я охнула от неприятного тупого удара в солнечное сплетение. Впрочем, магический меч Анса растворился, не нанеся вреда, — обычное дело, когда хозяин сражается не по-настоящему. Прикусила губу: было обидно проиграть, хотя все шло так хорошо. Я даже поверила было, что смогу победить.

Анс стоял и смотрел на меня свысока. И хотя его грудь тоже бешено вздымалась — победа не была легкой, я все равно почувствовала себя жалкой недоучкой.

— А ты молодец, — сказал он, хватая ртом воздух. — Я видел тебя на турнире, но все равно не ожидал.

Похвала обрадовала, но я пробурчала:

— Я же проиграла.

Он пожал плечами, как бы говоря, что это естественно. Вскинул руку, и в ней снова появился сияющий меч.

— Ну что, еще разок?

Не в привычках Сантерн отказываться от боя. Кивнула и призвала свое оружие.

Мы сходились еще дважды, и каждый раз победа оставалась за Ансом. На грани, но за ним. Я начала злиться, совершать глупые ошибки, и мы наконец закончили.

Не сговариваясь, отошли к рукомойникам. Обоим хотелось сполоснуть руки и разгоряченное лицо. Но если я ограничилась этим, то Анс, не смущаясь, стянул с себя рубаху и обтерся холодной водой.

Я не удержалась, и краем глаза оценила его фигуру. Что ж, тело у него было красивое, в меру мускулистое, как подобает боевику — широкие пластины грудных мышц переходили в плоский живот с узкой полоской волос от пупка, гладкая, влажная от воды и пота кожа блестела в тусклом освещении.

— Хорош?

От насмешливого вопроса пришла в себя. Вспыхнула, но ничего не ответила. Бросила ему его же рубаху.

— Лучше оденься, простудишься.

В этот момент на доски пола упала тень. Я бросила взгляд в сторону окна, но успела увидеть только чью-то темную фигуру. Кто там такой любопытный? Впрочем, мы скоро уходим, зал будет свободен.

— Смотри, — загадочно сказал Анс и уставился на свой живот.

Рубаху он поймал, но надевать не торопился, а в следующий момент напряг мышцы живота так, что они погнали волну: сначала верхний отдел, потом средний, потом нижний, раз за разом, быстро и завораживающе.

Я снова покатила со смеху, настолько это было неожиданно и комично.

— Тебе в цирке выступать надо!

Анс не обиделся, с ухмылкой накинул рубаху и стал затягивать завязки. Спросил как бы между прочим:

— В межкакадемических участвовать будешь? Ты пройдешь, я тебе точно говорю.

— Что ты, я же первокурсница. Даже если войду в первую пятерку, то сначала групповой турнир на следующий год. В межкакадемических участвовать могут только победители группового.

— А-а... У нас не так. Жаль, я бы не отказался сразиться с тобой... на турнире.

Он сказал это улыбаясь, но взгляд его был настолько откровенным и пристальным, что я почувствовала, как щеки заливают румянцем. Что это? Намек? Глупости, у меня слишком богатое воображение. Чтобы сменить тему, торопливо попросила:

— Расскажи про свой меч.

Анс вскинул брови.

— Меч как меч. Фамильный. Раньше принадлежал деду, а когда дед умер, выбрал меня. Отец долго дулся. А-а, понял, почему ты спрашиваешь. Он правда древний и легендарный, но я не слишком разбираюсь во всех этих замшелостях. Хватает того, что в бою он отлично слушается.

Я невольно позавидовала той небрежности, с которой Анс говорил о своем оружии. Погладила левое запястье. Свой меч я обожала, но он, конечно, ни в какое сравнение не шел с клинком Анса, и мне — совсем чуть-чуть, самую малость — стало... даже не то чтобы завидно, а просто немного грустно, что ли.

— Повезло, что у тебя не было магомеча на тот момент.

— Почему не было, был. Простенький, правда, детский. Первое магооружие мне подарили в десять лет. Я до нынешнего дважды менял мечи.

— Как это? — Я аж остановилась от изумления. — Разве магия выбирает, если уже есть оружие?

Помнится, Хен рассказывал, когда вытащил меня на охоту за тварью, что заранее предполагал: магия его не выберет, потому что у него уже есть сильное оружие.

Теперь я понимала: уже тогда он знал, что похитит Хранителя, и надеялся, что сможет дать мне что-нибудь взамен. Вот в чем была истинная цель той опасной вылазки.

Анс ответил, пожав плечами:

— Выбирает, почему нет. Правда, для этого новое оружие должно быть сильнее, чем прежнее. Например, сейчас, когда у меня есть Серебряный, — имя меча прозвучало с нежностью, — ко мне не пристанет ни один простой. А тогда у меня была игрушка, вот почти как у тебя сейчас.

Я насупилась. Ничего себе игрушка! Да мой «дракончик» ого-го какой!

И в то же время не могла не почувствовать соблазн при мысли, что у меня может появиться новое оружие — еще сильнее, еще прекраснее. Засаднило в душе: интересно, мой Хранитель выбрал Хена?.. Или его продали кому-то другому, и теперь он верой и правдой служит этому человеку, защищает его и повинуется его руке?

Злость заставила сжать кулаки. Нет уж, я не сломаюсь и не приму это как должное. Когда-нибудь обязательно отыщу Хранителя и верну его в клан.

Вслух спросила:

— Можно отобрать чужое оружие?

— Только если убить его хозяина. — Анс покачал головой. — Но и тогда нет гарантии, что магия выберет тебя. Хотя, конечно, шанс на это есть, особенно если находиться ближе всего. — Он вдруг сделал большие глаза и испуганно уставился на меня. — Ты ведь не хочешь убить меня ради Серебряного? — спросил дрожащим голосом, еще и за плечи себя схватил, будто не в силах был побороть ужас.

Шутник несчастный.

— Ты клановый? — спросила, открывая тугую дверь зала.

Свежий весенний ветер ударил в лицо, встрепал волосы.

— Клановый, — весело подтвердил Анс, выходя следом. — Клан Архалла, если это тебе что-то скажет.

О, еще как! Я отлично знала этот клан, хоть его земли и располагались далеко на востоке. Отец частенько говорил, что было бы неплохо, если бы Сантерн на западе стали хотя бы вполовину так сильны, как Архалла на востоке.

Захотелось сказать ему, что я Сантерн. Но нет, глупости. Сама порвала с кланом, так чего уж теперь пытаться воспользоваться его известностью. Хотя в глубине души я все равно считала себя Сантерн — по крови, по внешности, по характеру.

Не успев додумать мысль, поймала себя на неуютном ощущении. Подняла глаза и увидела неподалеку, шагах в десяти-пятнадцати, прислонившегося к забору высокого темноволосого парня. Он был одет как боевик, но при этом довольно щегольски: в темно-серую рубашку с раскрытым воротом, замшевые штаны, начищенные

блестящие сапоги с широкими ботфортами. Талию обхватывал рыжий кожаный пояс.

Но удивила меня не его одежда, а выражение лица. Стальные голубые глаза были зло прищурены, и отчего-то показалось, что и ледяной взгляд, и бурлящий под внешней невозмутимостью гнев предназначены мне.

— Кто это? — тихо спросила.

Никогда раньше я его в академии не видела. Тоже приезжий старшекурсник? А почему смотрит на меня так, словно я у него что-то украла?

Анс посмотрел безразлично, пожал плечом. И я выкинула незнакомца из головы. Наверное, пришел к мастеру Берту, вот и все. Или думал, что может потренироваться в пустом зале, а наткнулся на нас.

В тот момент я еще не подозревала, что вскоре мы увидимся вновь и встреча эта меня ничуть не обрадует.

Утром в последний день турнира на поле мы шли молча. Карин шагал справа и крепко держал меня за руку. Как и обещал Имсен, он более или менее оправился, хотя при резких движениях по лицу все равно пробегала боль. Вейн шел слева, невидимый для всех, в «тени». Сегодня, пока идет часть «ближников», боевиков, сражающихся на малом расстоянии, он так и будет прятаться, потом, когда наступит время «дальников», они с Кариним поменяются местами.

Новых нападений, слава Нигосу, пока не было. Похоже, на Висперину и ее товарищей хорошо повлияла взбучка, которую мы задали им позавчера. Видимо, сообразили наконец, чем рискуют.

Академия была разукрашена буквально вся. Везде реяли вымпелы с золотым и зеленым — ее цвета, нежно позвякивали фонарики — вечером, во время празднования, они зажгутся яркими светлячками. На столбах, ограждающих стадион, красовались пышные венки, а на трибунах бесновалась толпа.

Хоть я и выступала далеко не первой, все равно почувствовала, как убыстрятся ток крови. Словно уже вот-вот, и мне придется выйти на поле, под взгляды всей этой многотысячной толпы.

Трибуны были заняты полностью, куда ни глянь — сплошные лица, лица, лица, темные, светлые, круглые, длинные, улыбающиеся,

взволнованные, сияющие, обеспокоенные. И все это море волновалось, шумело, вскрикивало, переговаривалось, свистело, порождая кружащий голову, пугающий мысли трепет.

Сегодня все решится.

Сегодня назовут имена пятерых победителей.

Если я войду в их число, смогу участвовать в групповом турнире. Но это на будущий год, в этом останется только болеть за старших. Войду я в число победителей или нет, сегодня мое участие в турнире заканчивается.

Эта мысль вызывала одновременно и волнение, и легкую светлую грусть.

У входа на стадион мы с парнями разделились. Карин с Вейном пошли на трибуны, а я свернула к дверям для участников.

— Сатьяна! — оклик настиг меня на пороге.

Я обернулась. Ко мне спешил Лас — веселый, празднично одетый, ярко-зеленый платок на шее явно был повязан в честь академии. Вид брата пустил во мне ростки облегчения. Похоже, он уже переварил свою неудачу на групповом турнире и смотрел теперь только вперед.

Лас хлопнул меня по плечу.

— Ты молодец, Сат. Ты обязательно справишься. Покажи им, что такое кровь Сантерн.

Я выдохнула, кивнула и улыбнулась.

Все зависит от того, смогу ли я победить Хаунда. Если да, то сразу поднимаюсь на третье место в турнирной таблице, а Хаунд падает на пятое. И если на пятом будут несколько человек, есть шанс, что Хаунду вообще не удастся войти в число победителей.

Но если проиграю, то на месте Хаунда буду я.

В груди вскипела холодная трезвая злость. Ни за что не проиграю. И за Ласа, и за себя, и за Лавайса, за Митена, которых Хаунд тоже пытался выдавить, — за них всех я должна победить.

Мой поединок с Хаундом шел третьим по счету. Первые два закончились удивительно быстро, оба — победой лидеров турнира, второкурсников Керна и Рурена.

Настал наш черед.

Твердый спрессованный песок поскрипывал под сапогами. Я вышла на середину поля, встала, глубоко вздохнула, опустив плечи. Трибуны орали что-то ободряющее, это воспринималось как рокот моря. Все мое внимание занимал приближающийся ленивой походкой противник.

Он остановился напротив, негромко, чтобы не услышал стоявший рядом распорядитель, выплюнул:

— Сегодня ты сдохнешь.

Я и бровью не повела. Напротив, медленно растянула губы в недоброй улыбке, с удовлетворением отметив, как вспыхнул гнев в глубоко посаженных карих глазах.

— Не веришь? Думаешь, вру? — Хаунд наклонился к моему лицу. Со стороны, наверное, смотрелось так, словно противники дружелюбно обмениваются любезностями. Этот подонок еще и улыбался. — Посмотрим, как ты потом запоешь... — И он прошипел со злобой и ненавистью, по-прежнему продолжая улыбаться: — Крысиное отродье!

— Поклон! — скомандовал распорядитель, и мы отскочили друг от друга.

Быстро и небрежно поклонились — скорее кивнули, не сводя друг с друга настороженных глаз.

Хаунд напал, едва над полем запел сигнал. Возможно даже, на долю секунды раньше. Он явно хотел застать меня врасплох, но я по глазам угадала его намерение и успела отпрыгнуть. Выставила щит, поймала «воздушный кулак», погасила.

Противник наступал. Он двигался резко, мощно, вкладывая в удары всю мощь. Похоже, делал ставку на разницу в габаритах и физической силе. Вот и зря: если бы мы сражались голыми руками, без помощи магии, он, несомненно, был бы куда сильнее меня. Но благодаря усиливающему заклинанию я без проблем могла не только выдерживать, но и отвечать ему такими же ударами.

Могла, но не делала. Уходила, уворачивалась, кружила по полю, как мышь, убегающая от кота, — специально, выжидая, когда он начнет злиться и делать ошибки. И первая не заставила себя ждать. Хаунд с коротким яростным рыком накинул на себя ускорение и сделал рывок. Слишком рано. Это было начало боя, я еще не использовала ни одного сильного, долго остужающегося заклинания,

так что накрыла себя «каменной завесой» и под ее защитой спокойно выдержала бешеный натиск противника. Выждала момент — и двинула ему в лицо «воздушным щитом».

Хаунд оторопел, на миг растерялся и опустил руки. Не дожидаясь, пока он опомнится, нанесла несколько ударов, сокрушая его защиту, и отпрыгнула, когда он сделал попытку схватить меня «удочкой». Заклинание скользнуло по щиту, ушло в никуда.

Он выругался — я оскалилась. Ярость в глазах противника доставляла просто неопишное удовольствие.

Мы принялись ходить по кругу, периодически нанося удары, которые были больше зрелищными, чем разящими. Поднимался ворох искр, над полем летел голос комментатора, объяснявшего каждый удар, каждый прием.

Наконец Хаунд снова ринулся вперед. Кажется, ради этого натиска он решил поставить на карту все: использовал самые мощные заклятия, самые эффективные приемы. Я стиснула зубы, увертываясь от его ударов и отражая те, от которых не успевала уклониться. Нужно продержаться. Нужно продержаться — минуту, не больше, он просто не сможет долго выдерживать этот темп. А когда его натиск ослабнет, наступит мой черед.

Может, так все и случилось бы.

Но Хаунд, победно ухмыльнувшись, вдруг метнул мне в лицо что-то непонятное, я даже не уловила — то ли заклинание, то ли какой-то вполне физический предмет, похожий на небольшой коричневый комок. Инстинктивно подняла щит, отражая, но «нечто» словно прилипло к щиту, быстро по нему вскарабкалось и, спружинившись, прыгнуло.

Меня передернуло, когда я поняла, что это огромный отвратительный мохнатый тарантул. Я и так не слишком любила насекомых, но пауков вообще ненавидела. А тех уродищ, что пытаются добраться до лица, думаю, их бы возненавидел даже арахнофил.

Впрочем, все случилось так быстро, что у меня не осталось времени ни ужаснуться, ни даже взвизгнуть от неприязни. Паук прыгнул мне на грудь, и в тот же миг тело пронзило острой, невыносимой, лишаящей умения мыслить болью.

Что такое? Это не боевое заклинание... не наше, Хаунд не мог его использовать. Он нарушил правила!

Меркнувшим сознанием поймала выражение лица Хаунда. Он смотрел с торжеством. Губы шевельнулись, и по ним я прочла полное злой радости: «Прощай, крыска».

Я словно плыла в густой тягучей смоле. Время замедлилось, мир просматривался будто сквозь изогнутое оптическое стекло. Лицо Хаунда рядом казалось огромным, будто принадлежало великану, а все остальное ушло на задний план, стало мелким, как мушиные головки. Я видела одновременно вблизи и вдалеке, как не бывает в реальности.

«Проиграла...» — шепнул бесплотный голос.

И в ответ ему внутри меня словно полыхнуло бурное пламя.

Ни за что! Сдаться, сложить лапки и покорно умереть? Ни за что, или я не Сантерн! Или я недостойна всех поколений моих предков, которые сражались до последнего, которые отдавали свою жизнь, свою кровь, свой последний вздох ради победы.

Подонки Хаунд думает, что победил, — неужели я подарю ему эту победу?

Бушующее пламя разгоралось все сильнее, и внешняя боль, сковывающая тело, пускающая ледяные ростки, подбираясь все ближе к сердцу, стала отступать в этом живительном пламени. Я кричала, плаваясь от невыносимого жара.

Время словно замедлилось. Видела, как выпадает из моей руки меч, как взлетает в воздух, кидая слепящие блики, как в стороне поднимает ладонь распорядитель и как выражение торжества на лице Хаунда сменяется удивлением, а потом и растерянностью.

«Нельзя, чтобы меч упал или развеялся. Тогда мне засчитают поражение».

Эта мысль принадлежала словно не мне, такой холодной и рассудочной она была. Следом пришла еще одна: «Ну давай же, девочка! Поднажми!»

Меня словно коснулась теплая широкая ладонь, хлопнула по плечу, как, бывало, хлопал Лас, чтобы приободрить.

«Давай, Сатъяна! Ты можешь!»

В глазах запылала огненно-алая пелена. Меч еще вертелся в воздухе, переворачиваясь тяжелым концом вниз, но боль уже отступала, ощущения возвращались, и я сгруппировалась, остановила падение и вытянула руку, подхватывая обтянутую кожей рукоять.

Время ускорилося.

Распорядитель застыл с раскрытым ртом и наполовину поднятой рукой. Хаунд отшатнулся, а я бросилась в бой. Странно знакомое ощущение всесильности кружило голову. Я была вихрем и пламенем, разила отовсюду. Хаунд пытался увернуться, на его лице были неверие и паника, но я не обращала на это никакого внимания. Несколько резких сильных ударов, и его защита разлетелась в клочья, а меч рассыпался искрами.

Тяжело дыша, я остановилась. Хаунд словно стал меньше ростом, осунулся, лицо посерело. Понял, что проиграл.

Я победила! Победа!

И тут на весь стадион раздался громкий взволнованный голос:

— Участникам немедленно остановиться! Бой объявляется недействительным!

Недействительным? Что за бред?!

Я негодуяще обернулась, чтобы увидеть, как ко мне спешат целители с повязками на руках. Они мгновенно меня окружили, переговариваясь, стали что-то проверять. Ничего не понимая, смотрела на встревоженные лица. Один целитель щупал мой пульс и лоб, поднимал веки, рассматривал что-то в глазах, другой на расстоянии проводил магическую диагностику, третий призвал золотистый кокон лечебной магии, как будто я вот-вот отдам Нигосу душу.

А Хаунда окружили охранники, заломили руки и теперь выводили лицом вниз. Он еле перебирал ногами и беспомощно орал:

— Я ничего не знал, я ничего не знал!

Где-то я слышала эту песенку, и совсем недавно. Висперина всех своих подучила так оправдываться?

Однако... Такое ощущение, что я одна ничего не понимаю. Почему такой переполох, трибуны орут, а жестяной голос комментатора призывает всех сохранять спокойствие?

Пока я терялась в догадках, послушно выполняя просьбы целителей, сквозь строй невесть когда запрудившей стадион охраны пробился Лас.

— Я ее брат!

Краем глаза увидела и Карина с Лидаией за рядом бравых парней в зеленой форме. Надо же, оцепили поле и никого не пускают.

Лас добрался до меня, бухнулся на колени рядом. Откуда-то появились магические носилки, и меня заставили на них лечь. Я наконец начала соображать: Хаунд использовал что-то запрещенное, они думают, я серьезно пострадала, а то и вообще при смерти.

Но чувствовала я себя вполне нормально. Волнение и сердце колотится — да, но не больше, чем всегда после боя. Наверняка то заклятие было не таким уж и страшным. Хотя, конечно, это против правил. Вот почему бой не засчитали.

Хагос, что же теперь будет? На мои очки это не повлияет? Я хочу свое законное место в пятерке победителей!

— Ты как? Что случилось? — Лас бежал рядом с носилками, хотел взять меня за руку, но целители не разрешили, будто я была больна неведомой заразой.

— Сама не поняла. Не волнуйся, со мной все в порядке.

Тревога на лице брата немного унялась, и он стал торопливо рассказывать:

— Выглядело так, словно он метнул в тебя комок энергии. Я решил, это просто магический удар, но ты вдруг закричала, будто он тебя кислотой облил. А потом твой меч запылал алым, ты его поймала и уделала Хаунда. Так быстро, я аж глазам не поверил, все заняло не больше нескольких секунд.

— Ар-теран, дальше вам нельзя, — вмешался самый высокий из целителей, рыжеватый мужчина лет сорока. — Навестите сестру в лазарете.

И меня унесли.

Лежать в лазарете мне не понравилось. Довольно быстро выяснилось, что со мной действительно все в порядке, но домой все равно не отпустили, сказали, что эти сутки я пробуду под наблюдением.

Зато, слава Нигосу, к вечеру того же дня ко мне начали пускать посетителей. Естественно, вся моя орава оказалась тут как тут: Лидайя в ногах, Карин на стуле рядом — и Вейн с другой стороны, как всегда в «тени», так что о его присутствии я догадалась, только когда из пустоты протянулась невидимая рука и, подбадривая, сжала мое плечо.

— Этот мерзавец использовал заклятие Рагоденда, — без перехода заявила Лидайя. — Его дисквалифицировали и теперь вышвырнут из

академии к тварям, можешь быть спокойна. Если вдруг за него вступится его клан, я подниму на уши весь академический совет. Устроим студенческий бунт. Но, думаю, даже его клан прижмет хвост, раз такие дела творятся.

— Да ладно, — промолвила я, когда первая оторопь сошла.

Заклятие Рагоденда — это же что-то из другого мира, в нашей жизни такого не бывает. Ну да, я знала о его существовании — исключительно мощное, мгновенно убивающее, безошибочное, как гнев богов. Но чтобы мой однокурсник использовал его против меня?

— Где он его достал? Он что, совсем умом тронулся? Думал, сойдет ему с рук?

— Говорит, не знал, что это на самом деле, — пожала плечами Лидайка, — утверждает, что купил безобидную иллюзию, что тоже против правил, но карается по-другому.

— Сегодня вечером мы с ним потолкуем, — проронил Карин.

Его лицо меня испугало. Глаза горели мрачным огнем, ходуном ходили желваки, губы были твердо сжаты. Я не успела ничего сказать, вмешалась подруга:

— Не надо, Кар, вам в это лезть. Пусть разбираются преподаватели и стража.

— Надо выяснить, откуда у него заклиние. Ясно же, он врет, что ничего не знал. И не покупал, ему кто-то дал его.

— Но кто? Висперина? А у нее откуда? Она такая же первокурсница, как и он.

— Она из клана целителей, у них и покруче вещички бывают. Они же действие смертельных заклятий как раз и изучают, чтобы знать, как лечить.

— Ну так на Сатьяну же не подействовало? — Лидайка метнула на меня вопросительный взгляд. — Целители вовремя успели?

— Я не знаю, — Карин покачал головой, — но вряд ли это их заслуга. Сат вся засияла и задала Хаунду трепку раньше, чем целители вообще появились на поле.

— Тогда что, почему и как?

— Может, ее индивидуальная особенность? — предположил Карин. — И на нее заклиние Рагоденда плохо действует?

Почувствовала, как на мне скрестились взгляды всех троих, даже хранящего молчание Вейна. Подавив желание забраться глубже под

одеяло, пожала плечами и виновато улыбнулась.

— Не имею ни малейшего понятия. Мне просто стало невыносимо обидно проиграть. Не знаю, что произошло. Вдруг пришла в себя, схватила меч... Ну и отделала гада.

— Может, Хаунд ошибся? — задумчиво протянула Лидаия. — Применил как-то не так. Не сделал чего-то важного, в результате заклятие не набрало нужной мощи.

Карин снова покачал головой.

— Не знаю, не знаю. Ладно, целители выяснят, что и как.

Они еще долго сидели у меня, позже заглянул Лас. Повторились те же расспросы и предположения. А потом в палату ворвалась дежурная целительница и быстро и безапелляционно прогнала всех гостей.

Я лежала одна в тишине, вспоминала случившееся и думала. То ощущение, когда пламя сжигало боль, а потом и то, все сильное я испытывала явно не впервые. Что-то было в нем знакомое и такое... даже как будто домашнее, но как ни старалась я поймать кончик мысли, он постоянно ускользал.

Услышала шорох и подняла глаза. Окно палаты располагалось напротив кровати, так что я могла лежа любоваться пейзажем. Сейчас, правда, уже сгустилась ночь, и на улице была лишь непроглядная фиолетовая темень. И в этом мраке ярким белым пятном проявилась ласка.

Я подскочила на месте, заулыбалась. Жаль, нельзя подойти и открыть: мне не только строго-настрого запретили вставать, но и чарами опутали, даже для похода в туалет требовалось звать дежурную целительницу.

Так что я просто лежала, уставившись на мордочку посетительницы, а та молча смотрела на меня, встав столбиком и опираясь передними лапками о стекло. Почему-то она показалась мне взволнованной, но можно ли разобраться в выражении морды ласки?

Так, под ее взглядом, я и заснула, совершенно незаметно для самой себя уплыв в сон.

Ближе к обеду следующего дня состоялся консилиум. Меня обследовали со всех сторон, обстучали, прощупали, разве что

обнюхивать не стали. Но, наверное, если бы это помогло с диагностикой, и на зуб бы попробовали за милую душу.

Наконец вынесли вердикт: полностью здорова, можно отпускать.

Минут через двадцать я уже спускалась по лестнице в общий холл. Не верилось, что за такой малый период столько всего случилось, в голове было пусто.

Интересно, ласка и впрямь приходила ко мне или мне приснилось?

Холл пустовал, только пожилая целительница дремала на дежурном посту. Я умерила шаг, чтобы не разбудить, и намеревалась проскользнуть мимо, но она вдруг подняла голову и поманила к себе.

— Вам тут записку оставили.

— Кто?

Лидайя? Или Лас?

— Ох, прости, дочка, я не видела, кто это был. Смотрю, лежит среди бумаг. Это ведь ты Сатьяна Тайсен?

На белом свернутом вдвое прямоугольничке и впрямь крупными печатными буквами было написано мое имя.

Я развернула, прочла... и текст расплылся перед глазами, мир пошатнулся. Записка выскользнула из рук и спланировала на пол.

— Ой, ты что? Нехорошо? — озабоченные возгласы целительницы доносились как сквозь вату.

Сквозь туман в глазах наблюдала, как, всполошившись, она выскакивает из-за стола, усаживает меня на свой стул, хватая за руку, считает пульс. Потом она провела руками вокруг головы, не касаясь. Наконец успокоилась.

— Кажется, все в порядке. Что-то случилось? Проголодалась?

— Нет-нет, — помотала головой, — все хорошо.

Но вставать не торопилась, ноги были ватными, и я не уверена, что смогу идти.

Целительница подняла записку и не удержалась, бросила любопытный взгляд. Я не возражала. Текст был безобидный.

«Завтра ночью в одиннадцать, у тренировочной площадки боевиков. Приходи одна, иначе я не появлюсь. Буду ждать».

И подпись одной буквой — «Х».

И значило это «Х» только одно: Хен — здесь, в академии, и хочет со мной поговорить.

Сначала я не собиралась никому рассказывать о записке, она вызвала слишком сильные эмоции. Я бы предпочла забыть о ней и жить как раньше. Но потом неожиданно поймала себя на том, что уже рассказываю все Лидае, а ее бирюзово-голубые глаза расширяются — сперва от удивления, а потом от негодования.

— Ты сошла с ума, — наконец сказала она. — Он тебя обманул, предал, украл Хранителя. Принес тебе столько бед, а ты собираешься идти на встречу?

Я опустила глаза. При желании можно было начать оправдываться, я еще окончательно не решила, что пойду; пропажа Хранителя хоть и поколебала немного положение рода, но отец быстро восстановил его, прижав к ногтю всех решивших, что сейчас самое время сместить клан Сантерн с его позиций. Поймали на попытке проникновения еще пару воришек, которые опрометчиво подумали, что коли пробрался один, то удача улыбнется и им; одного, оказавшегося известным грабителем, казнили, второго бросили в тюрьму. Кажется, Вейс лишился невесты — тот клан решил отменить все договоренности, но брат вроде не сильно переживал, брак все равно был исключительно договорным. В общем, немного побурлило, да и затихло. Сейчас только материнские письма с надрывными упреками и просьбами вернуться напоминали о случившемся. Сантерн по-прежнему оставались одним из самых влиятельных боевых кланов.

Может, Хен узнал об этом и решил, что теперь я его прощу?

— И вообще, — продолжала Лидаея возмущенно, — с чего вдруг он явился сейчас? Что еще ему от тебя надо? Может, еще что-нибудь украсть собирается? А ты, Сатьяна, как маленькая. Отнеси записку ректору, пусть возьмут его тепленьким! Хен теперь вне закона вообще-то!

Подруга и себя ругала: что не разглядела раньше, сама толкала меня навстречу «проходимцу». Упреки сыпались градом, не задевая меня. Я молчала, думая о своем.

Хен... Его имя до сих пор отдавалось в груди саднящей и в то же время сладкой, томительной болью. Наш сумбурный разговор

напоследок, мой ужас и шок, когда я поняла, что все это время он охотился за талисманом нашего рода, его странное приглашение «Пойдем со мной». И вот теперь он появился снова и вызывает меня на встречу.

Действительно, для чего? Может, хочет уговорить, чтобы я и правда отправилась с ним? Куда, в неизвестность?

Может, пойти к ректору и показать записку, как советовала Лидайка, и впрямь было бы самым верным решением. Может быть. Но я не могла им воспользоваться.

Я хотела увидеть Хена. Одновременно ненавидела его и не могла о нем не думать. Сколько раз он мне снился! В этих снах я проклинала его, осыпала оскорблениями, а он в ответ обнимал меня и молча целовал.

Хен... Интересно, как он провел эти полгода? Хотя бы вспоминал меня? И если да, то как? Как наивную девочку Сатьяну, влюбленную в него до умопомрачения, или как девушку, к которой у него все же были пусть тщательно скрываемые, но настоящие чувства?

— Может, это и не он вообще? С чего ты решила, что это Хеннай? — продолжала подруга. — Почерк ты не узнала. А вдруг Хаунд? Он тоже мог подписаться как «Х». Хотя нет, он же под замком.

Я покачала головой. Хаунд и впрямь сидел взаперти в ожидании разбирательств. И это точно не Висперина: сейчас она не рискнет лезть на рожон. А больше и бояться-то некого: турнир завершился, теперь я никому не интересна.

— Вряд ли кто-нибудь в академии догадывается о наших с Хеном отношениях. Никому и в голову не придет, что он мог бы вернуться и предложить мне встретиться. И что я могла бы согласиться. Только тому, кто все знает... Так что это он, больше некому.

Лидайка укоризненно покачала головой. Шумно вздохнула и категорично заявила:

— Ладно, но я пойду с тобой.

Ночную академию освещала плоская с одного бока, похожая на обмылок луна. В ее свете гребень горы казался спящим драконом.

Вообще говоря, нахождение студентов после отбоя на улице не приветствовалось, но и не каралось. Если встретится преподаватель, легонечко пожурит, и то разве что первокурсника, на старших не

обращали внимания. Но все равно мы с Лидаей, не сговариваясь, шагали по неосвещенным местам и старались молчать, как будто вылазку во что бы то ни стало нужно было сохранить в тайне. Мы даже оделись так, будто готовились убежать или сражаться: обе в темном, в тренировочных штанах и коротких куртках.

Одну меня Лидая так и непустила, даже ультиматум поставила: или она, или Карин. Парня я в это дело вмешивать не собиралась, он сам едва оправился от нападения, а с Хеном у них всегда были натянутые отношения, то и выбора не осталось, пришлось взять подружку с собой.

Но я уговорила ее ждать поодаль, на развилке между дорожками к площадкам разных факультетов. Была уверена, что иначе Хен не явится, ведь он предупредил, чтобы я приходила одна. Договорились, что Лидая ждет полчаса, если я не появляюсь — поднимает тревогу.

Чем ближе подходила к темному зданию, возвышающемуся на фоне неба черной коробкой, тем сильнее колотилось сердце. Вспотели ладони, даже по спине пролилась струйка холодного пота. Волнение путало мысли, я дергалась от каждого порыва ветерка, прислушивалась к шорохам. Но ничего не слышала, кроме шелеста гравия под ногами.

Странно, что не загорается свет. Обычно по вечерам, стоило подойти к тренировочному залу, как вспыхивали магические огни, а сегодня словно черный маг накинул на все непроницаемое покрывало: ни огонька, ни искорки.

Догадка пришла с запозданием: наверное, это все Хен вывел из строя. Неужели боится, что его засекут? Всерьез думает, что я расскажу о нем в деканате?

Очередной шорох заставил вздрогнуть, обернулась в сторону звука, но это, кажется, был всего лишь ветер. Хотя на миг показалось, что внизу мелькнула стелящаяся по земле четырехлапая тень.

Моя ласка гуляет тут по ночам?

Я остановилась, напряженно всматриваясь в кусты, но как ни смотрела, ни ласка, ни другое животное не показались. Привиделось?

К двери зала подходила почти на ощупь, даже использовала кратковременное заклинание ночного видения. Помогло так себе, но хотя бы не запнулась и ничего не свалила.

В обычное время я бы просто зажгла магический светляк, но раз Хен потрудились избавиться от освещения, значит, это зачем-то нужно. Так и быть, пойду ему навстречу.

Когда открывала дверь, рука дрожала. В горле пересохло, а сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. Неужели я и впрямь увижу Хена?

Дверь была не заперта. Внутри оказалось еще темнее, чем на улице. Я неуверенно вошла и застыла, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь. Створку держала открытой: не то чтобы это давало больше света, просто так было спокойнее.

— Я пришла, — сообщила, не дождавшись от тьмы какой-либо реакции. — Одна, как ты и хотел.

Молчание.

Хагос, может, тут и нет никого?

Снова воспользовавшись «ночным зрением», нарочито уверенно, стараясь не показать робости, шагнула вглубь помещения. На этот раз заклинание погасло еще раньше, чем в прошлый — был у него такой досадный эффект, с каждым разом время воздействия уменьшалось. Но этого времени хватило, чтобы обвести взглядом зал и убедиться, что он пуст.

В груди глухо и тяжело стукнуло, с губ сорвался разочарованный смешок.

Не пришел. Побоялся? Не смог довериться? Или банально опаздывает? Но нет, это я опоздала, пришла минут на пять позже. А если опаздывает он, ждать здесь, в полной темноте, я не собиралась.

Это произошло, когда я уже хотела направиться к выходу. Сзади раздался едва различимый шум, глухой стук, будто в землю с силой ударили пятки спрыгнувшего с высоты человека. Но обернуться не успела, в следующий миг вокруг шеи обвились чужие руки и сдавили с такой силой, что у меня потемнело в глазах.

От неожиданности потеряла драгоценное время. Невидимый противник, усилив захват, прижал мою голову к груди, перекрывая сонные артерии. Тогда я использовала клановое заклятие, которое на несколько мгновений делало тело крепче стали.

Атака изменилась. Меня по-прежнему сжимали в захвате, но теперь от чужих рук словно лился жидкий огонь.

«Яд», — поняла я туманящимся сознанием. Такой же, как у ночных, как-то Карин показывал мне его действие. Хагос! Меня захлестнуло гневом. Если он думает, что может со мной справиться одним ядом, то сильно меня недооценивает.

Воспользовавшись тем, что хватка чуть ослабла, вывернулась, освобождая шею. Отравленное тело плохо слушалось, но отскочить я смогла. Уперлась спиной в стену, тяжело дыша, вытянула руку, призывая меч. Но запястье только нагрелось и полыхнуло голубым, сила пыталась вырваться — и не могла, словно между тем миром и этим поставили барьер.

Нападающий снова кинулся на меня. Хотела встретить его ударом ногами и, пока он не отдышался, проскочить мимо и выбежать на улицу, но он увернулся, а я потеряла равновесие. Неизвестный навалился, схватил за шею, ударил затылком о стену. Попыталась вырваться, но яд действовал все сильнее, и я с трудом держалась на ногах. Хагос, неужели Лидайя придет сюда через полчаса, чтобы обнаружить мой труп?

Внутри полыхнула ярость, но в тот момент, когда я уже решила на последний отчаянный бросок, в зал ворвалась черная фигура.

— Кто здесь?

Мой противник сообразил сразу. Не знаю, почему раньше он не использовал магию — наверное, боялся, что засекут, но сейчас выпустил мощный воздушный заряд, от которого вздрогнуло все здание.

Черная фигура на миг исчезла из дверного проема — ее просто смело и вынесло вихрем наружу. Следом выскочил и душивший меня и мгновенно исчез, словно растворился в чернильной тьме.

— Что тут происходит? — вновь возмутился вернувшийся пришелец.

Вспыхнул магический светляк, наконец заливая светом окрестности. Это было так ярко, что я зажмурилась от рези в глазах. А когда раскрыла их, неизвестный стоял прямо передо мной, и я его узнала.

Высокий, широкоплечий, темноволосый... Тот самый парень, что с такой злостью смотрел на нас с Ансом, когда мы тренировались в зале несколько дней назад.

Он тоже меня узнал, по всей видимости. Гневно сощурился и потребовал:

— Что ты тут делаешь в такое время? Первый курс? Отвечай!

Я бы, может, и рада была ответить, да горло не повиновалось. Связки полыхали от боли, словно по глотке теркой провели. Но действие яда как будто стало ослабевать. По крайней мере стены и пол перестали кружиться.

Хагос... Это что же получается? Кто-то ждал в засаде, по всей видимости, на крыше зала. Спрыгнул, когда я вошла, и напал.

Зачем? Почему? Хотели припугнуть? Или все же убить?

Идиот напротив все не унимался:

— Ты зачем сюда явилась? Ночное свидание решила устроить?

Пронзительный голубой взгляд кипел злостью и даже презрением. Мне стало нехорошо, закрыла глаза, чтобы не смотреть на этого придурка. Если поначалу я была ему благодарна — не явись он вовремя, могла и умереть, то теперь мечтала только о том, чтобы хагосовы твари пожрали его с потрохами.

Парень, кажется, наконец сообразил, что со мной что-то не так. Интонации поменялись:

— Эй, ты вообще здорова? Это же ты на турнире свалилась? Как тебя, Тайсен?

С трудом кивнула. Почувствовала, как он подошел, а в следующий миг меня подхватили на руки, как беспомощного ребенка. Попыталась вырваться, но он прикрикнул:

— Сиди смирно!

Замерла, прижав руки к груди, не желая его касаться. Сама не знала почему: он меня спас, явно хочет помочь и, похоже, из здешних работников, иначе что он забыл тут ночью. Скорее, дело было в том, что от него приятно пахло чем-то таким мужским, привлекающим, и от этого становилось вдвойне неловко и до ужаса раздражало.

Все-таки этот парень мне не нравится. Совсем. Не разобравшись, сразу орать. А тот, душивший меня, сбежал из-за него.

Тот, кто душил меня... Эта мысль оказалась куда больнее, чем яд, сжигающий тело. Неужели это был Хен? И если да, неужели хотел меня убить?

Темноволосый парень притащил меня в подсобку, сгрузил на узкую кожаную кушетку. Тут свет горел, беспощадно высвечивая захламленное помещение, старую потрескавшуюся обивку диванчика, стол, на котором в беспорядке валялись инструменты.

Пока я осваивалась, быстро подхватил что-то с полки, пододвинул стул — ножки неприятно скрипнули по полу, уселся рядом и бесцеремонно схватил меня за отворот куртки, притягивая к себе. Я напряглась, пока не поняла, что в другой руке он держит аптечку с белым знаком целителей на крышке.

Заставила себя расслабиться. Получалось плохо. Парень стянул с меня куртку, а когда хотела было взбрыкнуть, так сверкнул глазами, что я невольно присмирела. Застыла, послушно подняв голову, освободив доступ к шее.

Сейчас меня было бы совсем просто убить.

Мысль заставила меня дернуться. Приоткрыв глаза, поймала встречный светлый взгляд. Он резал как ножом, пристальный, испытующий. Не выдержав, снова прикрыла веки, сделав вид, что спокойна.

Нет смысла паниковать. Если бы и этот хотел меня прикончить, не стал бы прогонять первого.

Движения парня — ловкие, привычные — приносили облегчение. Уже не так сильно горело в глотке, мир перестал ходить ходуном, исчезли плававшие перед глазами зеленые пятна. Но, как назло, в уединении и тишине эти одновременно нежные и уверенные прикосновения навевали другие мысли. Неуместные. Против воли нарастало волнение.

Не удержавшись, я осторожно, из-под ресниц, взглянула на парня. Сердце забило сильнее, когда я заметила, что он тоже смотрит на меня, и взгляд его теперь куда мягче, словно льдинки растаяли. И губы сжимает не так плотно. А губы у него красивые, Хагос бы взял его душу.

Хоть с меня и стянули куртку до самых запястий, почему-то стало жарко.

Парень, закончив с обработкой, резко встал, вернул аптечку на место, обернулся и ледяным тоном проронил:

— Жду объяснений.

Наваждение спало. Каких еще объяснений? Как же раздражает такой тон, будто ему все должны!

Похоже, мои чувства прочитали по лицу, потому что спаситель мой скривился и выдал нотацию:

— В такое время все студенты должны быть в общежитиях, а не шататься Хагос знает где. С чего тебя понесло в зал, и кто там был? Явно не свидание ведь, а? Или вы с кавалером любите пожестче?

От возмущения не сразу нашла слова. Точно идиот. Или специально несет эту чушь? Сам же мои повреждения обрабатывал, о каком кавалере речь?

— Не скажу! Вы вообще кто такой?

Говорит, «все студенты» — значит, сам не студент? Но он молод, не старше двадцати пяти. Мог бы сойти и за старшекурсника, но держится иначе. И в подсобке сидит как право имеющий. Что он тут, инвентарь считает? Новый кастелян?

Я подавила усмешку, но было поздно. Этот гад заметил, гневно прищурился.

— А ну-ка, выкладывай, или обо всем станет известно ректору.

Пф-ф! Напугал домерона голой задницей. Наш ректор известен своей мягкостью. Он на этого ябеду только посмотрит со снисходительной улыбкой, и делу конец. Вот если выяснится, что это не банальное ночное свидание, а меня хотели убить... тогда да, вся академия встанет на уши.

Но я не хотела, чтобы об этом знали. Понимала, что глупо, что это только на руку нападающему, и все равно не хотела.

Это не может быть Хен. Точно не он. Или кто-то мстит за Хаунда, или Висперина нашла нового поклонника и решила натравить — кто угодно, только не он. Но докладывать пойду только тогда, когда буду в этом уверена.

Просто теперь нужно держаться настороже.

И все же разум бесконечно возвращался к одной и той же мучительной мысли: а что если это все же был он? Что если он и впрямь охотится за мной? Но что я ему сделала? Это мне впору мстить, а не наоборот.

И еще пронизывала острая, скручивающая внутренности тоска: а ведь мы так и не встретились... Хагос бы побрал этого хагосова Хена!

— Не скажешь, будешь до утра тут сидеть, — господин ледяное высокомерие напомнил о своем существовании.

— Меня подруга ждет, — с превосходством улыбнулась в холодное лицо, — и, если я через полчаса не приду, объявит тревогу. Точнее, уже минут через пятнадцать.

Темные брови сдвинулись, ломая высокомерную маску. В глазах промелькнула тень.

— Где ждет?

Чуть не огрызнулась — какое ему дело? — но нехотя объяснила, где оставила Лидайю.

— Сиди здесь, — приказал парень и вышел.

Следом услышала, как поворачивается ключ в замке. Этот сукин сын запер меня! От возмущения подскочила, сжала кулаки.

Хагос, да кто он в самом деле такой? Новый преподаватель? Вряд ли, с чего им появляться к концу года. Просто работник? Тоже вряд ли, слишком уверенно держится. Родственник кого-то из преподавателей? Это может быть. Двоюродный племянник декана, например.

Хотя они с мастером Вертом непохожи. Мастер старый, грузный, взгляд суровый из-под косматых бровей. А этот... симпатичный, чтобы он сдох. Не, внешне ничего особенного, кроме роста и ширины плеч, а этим каждый второй боевик может похвастаться. Но его взгляд чем-то цеплял. Такое у меня впервые: даже в Хена я не сразу влюбилась, при первой встрече вообще ничего такого не подумала. А этот словно острый крючок, задевал что-то в душе, раздирал внутренности. И из-за этого только сильнее раздражал. Ради каких богов он держится, словно ар-теран, и смотрит на меня, как на грязь?! Бьюсь об заклад, узнай он, что я Сантерн, вел бы себя не так заносчиво.

Прошло несколько минут, снаружи послышались шаги, потом возмущенный девичий голос. Дверь распахнулась, внутрь втолкнули Лидайю.

— Сатьяна!

Я виновато улыбнулась, пожала плечами. Протянула подруге руки, и та, поняв без слова, подхватила, помогая встать. Ноги немного подрагивали, но в целом повиновались.

Слава Нигосу, доставив ко мне Лидайю, парень то ли успокоился, то ли просто сдался — прекратил расспросы и молча отвел нас к

общежитию. Одних не отпустил, лично сопровождал, надо же, какая щедрость.

Напоследок обрадовал:

— Еще раз хоть одну в неурочное время на территории замечу — обе получите взыскание. Поняли?

— Да, господин надсмотрщик, — буркнула, помешав Лидайе ответить.

Кажется, она, как подобает благовоспитанной девице, хотела поблагодарить за заботу. Втянула подругу в здание и, не удержавшись от мелкой мести, хлопнула дверью перед самым ар-теранским носом.

— Обалдеть! Где ты его откопала? Кто такой? Обалденные глаза, да и сам красавчик! — рассыпалась в похвалах Лидайя, пока мы поднимались по лестнице.

Ее восторги почему-то задели, и я грубовато огрызнулась:

— Понятия не имею. В подсобке сидел, сам выскочил.

— На стажировку приехал? А как его зовут? Он ведь боевик, да? Надо обязательно с ним познакомиться! — засыпала она вопросами, совершенно не дожидаясь ответов.

В конце концов я не выдержала:

— Если он тебе так интересен, иди и спроси сама!

— Ой, нет, зачем, у меня и Ларн есть, — сразу пошла на попятную подруга и вдруг толкнула меня локтем: — Ну что? Видела Хена?

— Нет. Видимо, этот парень спугнул его.

— Жаль, — разочарованно протянула она. Потом спохватилась: — То есть ну и ладно! Я и так была против, чтобы вы встречались. И не ходи больше, пусть хоть завалит тебя записками!

— Хорошо. — Устало улыбнулась. — Пойдем спать.

* * *

На следующее утро мы толпились в зале торжеств. Высокие каменные стены были украшены бархатными полотнищами с гербом академии, вверху, под сводами, плавали огромные надутые светляки.

Преподаватели при полном параде — мужчины в форме, женщины в длинных платьях (за исключением ар-теранки Лиганн, куратора первого курса «рыбников», которая щеголяла, как обычно, в

мужском костюме) — выстроились на сцене в несколько рядов, как готовый к выступлению хор.

Студентов тоже заставили надеть парадную форму, и зал утопал в золотом и зеленом. Разнились только полоски на обшлагах и цвета широких галстуков: перламутрово-белый у целителей, зельеваров и артефакторов, лиловый у стихийников и животноводов, синий — у нас, боевиков.

Из-за происшествия с Хаундом в последний день турнира торжественное закрытие не состоялось. Его, как и объявление результатов, перенесли на сегодня.

Начали с конца, с животноводов. Ректор, сегодня принарядившийся так, что аж в глазах рябило от знаков отличия, зачитал имена победителей, и они впятером вышли на сцену принимать поздравительные грамоты.

— М-м, какой красавчик, — промурлыкала рядом Лидайка.

Я сразу поняла, о ком она, сама уже невольно обратила внимание на второго справа парня. Высоченный, выше остальных на голову, он стоял и улыбался, причем не так, как остальные, а как-то по-плутовски, самыми кончиками губ. Большинство животноводов призвали тени своих фамильяров, и за каждым или возвышался огромный призрачный лев, или парил, медленно взмахивая крыльями, орел, или обвилась вокруг ног, поднимая плоскую голову, гигантская змея, но за этим парнем никого не было. Странно. Обычно животноводы норовят призвать и похвастаться своими зверями при каждом удобном случае. Может, у этого какой-то неудачный вариант? Например, мышка-полевка.

Эта мысль заставила меня фыркнуть. Стоявший справа Вейн покосился недовольно, и я притихла, смутно пожалев, что сегодня рядом он, а не Карин. По случаю награждения Вейну было необходимо присутствовать в зале, а Карин решил воспользоваться этим, чтобы съездить домой, и мне его уже не хватало.

После животноводов на сцену вышли целители, и я с неприязнью увидела в их рядах Висперину. Я слышала, что она вошла в пятерку победителей, так что неожиданностью это для меня не стало, но все равно — видеть, как она вышагивает, распустив длинные светлые волосы, в роскошном зеленом платье вместо формы, даже не шагает, а

словно плывет, бросая милостивые взгляды, было почти физически омерзительно.

Хаунда наказали, но он своих подельников так и не выдал. Я была уверена, что Висперина приложила руку к происшествию с запретным заклятием, но доказать это не могла. И теперь меня буквально скручивало от злости, когда она, вся такая чистая и невозмутимая, потупив глазки, принимала поздравления.

Ходили слухи, что она бросила Хаунда сразу после турнира. Даже не пришла его навестить, не проводила, когда родные приехали забирать непутевого сына. А Хаунд как старый преданный пес до конца хранил молчание. И не пытался свалить на нее вину, а ведь тогда его, может, и не исключили бы. Хотя, нет, все равно вылетел бы как миленький.

После целителей настала очередь лучников, и Вейн покинул нас на некоторое время, чтобы вернуться с почетной грамотой, золотым значком, тут же занявшим место на отвороте его формы, и ослепительной улыбкой.

— Поздравляю! — в унисон сказали мы с Лидаией.

Она похлопала Вейна по плечу, я обняла и поцеловала в щеку. И тут же почувствовала себя неуютно, как если бы кто-то сверлил меня неотступным немигающим взглядом. Обернулась, но того, кто смотрел, не увидела. Хотя в толпе было бы сложно определить, кто именно это был.

Тогда я поискала взглядом Висперину и нашла ее в кругу свиты, среди девчонок в платьях, словно специально подобранных, чтобы оттенить красоту предводительницы. Судя по тому, что она стояла спиной ко мне, вряд ли взгляд принадлежал ей.

Пожала плечами, и тут Вейн чуть толкнул меня.

— Не спи! Боевиков вызывают.

И впрямь, ректор как раз объявлял наши имена. Заторопилась на сцену.

Да, забыла упомянуть: я все же вошла в пятерку победителей. Хаунда дисквалифицировали, все бои, в которых он участвовал, засчитали как победу для соперников, и по общим подсчетам я оказалась в рейтинге четвертой. Приятно, но радость отдавала горчинкой. Все же я предпочла бы победить честно, а не потому, что противник нарушил правила.

Официальная часть закончилась быстро: ректор проговорил положенные слова, нам вручили грамоты и значки, торжественно пожали руки и пожелали успехов в групповом турнире на будущий год. Нас отпустили, и меня сразу атаковал Лас. Приподнял и закружил, не обращая внимания на то, что вокруг нас образовалось пустое пространство.

— Если бы они тебя не включили, я бы их убил! — возбужденно объявил он, ставя меня на ноги. — Ты была лучше всех, даже второкурсников уделала! Молодчина, настоящая Сантерн!

Я кивнула с улыбкой. Немного кривоватой, но брат, кажется, не заметил.

Он в последнее время все чаще повторял, что я Сантерн. Мне казалось, в глубине души он мечтал, что я вернусь в клан. К счастью, Лас хотя бы не заявлял об этом вслух.

Брат вдруг сделал большие глаза.

— О-о, это же Имсен Варр! — сообщил, глядя куда-то мне за спину. — Ты знаешь, что его группа победила в групповом?

Я бросила взгляд в ту же сторону. Имсен и впрямь стоял неподалеку и с улыбкой на круглом лице болтал с деканом целителей.

— Знаю, конечно. Шикарно сражались.

— Говорят, что он... — загадочно начал брат, но его перебил стоявший рядом Вейн.

— Какое-то странное ощущение, — пожаловался он, — когда больше не нужно тренироваться на износ ради пяти минут триумфа или позора.

Я невольно усмехнулась. Эти чувства я полностью разделяла. Действительно, мы почти полгода прожили в состоянии постоянного вызова — себе самому, собственным возможностям. Каждый бой — на пределе, с твердым намерением победить, выложиться ради этого полностью. А теперь цель пропала.

Только и остается наблюдать за другими на межакадемических. Правда, эти другие — лучшие из лучших, съехавшиеся со всех уголков Морвенны и соседних стран. Максимум три команды от каждой академии, больше пятидесяти команд в общей сложности.

Но межакадемические соревнования идут по другой системе — на вылет. То есть один проигрыш — и команда теряет право на участие. А это значит, что к финалу остаются только самые лучшие.

Позволила себе немного помечтать, что когда-нибудь и я окажусь среди них, и вдруг почувствовала, как по плечу мягко хлопнули. Обернувшись, увидела перед собой улыбающееся лицо Имсена. Рядом восхищенно выдохнул Лас и решил не упускать возможность расспросить кумира:

— А правда, что ты ищешь новых людей в команду?

Я метнула на брата подозрительный взгляд: так вот о чем он пытался сказать! Хочет напроситься к Имсену и таким образом все же поучаствовать в межакадемических? Намерения понятные, только что ответит целитель?

— Как быстро расходятся слухи, — рассмеялся тот. — Ну да. И как раз об этом я хотел поговорить с тобой.

Застыла, непонимающе глядя на него, потому что Варр смотрел вовсе не на Ласа. Он смотрел на меня.

Когда меня отвели в сторонку, во взгляде Ласа мелькнула обида. Не придумала ничего лучше, чем виновато пожать плечами. Надеюсь, он не думает, что я украла его мечту. Хотя у меня не было ощущения, что все происходит на самом деле.

Наверняка Имсен что-то другое имел в виду, я неправильно его поняла. Ведь я первокурсница, пусть и вошла в число победителей. Даже если ему нужен боевик, логичнее взять третьекурсника, и стоит только подмигнуть, как выстроится очередь из желающих (и первым в ней станет приплясывать от нетерпения Лас).

Поэтому, в полной уверенности, что недоразумение сейчас разрешится, молча ждала, пока Имсен заговорит. Но первые же его слова погрузили меня в растерянность.

— Мне нужен мечник, — заявил он. — Парень, который прошел с нами, никуда не годится. На межакадемический я его не возьму, дело решенное, и он уже в курсе. Но теперь нужна замена.

Он сверлил меня теплыми карими глазами в ожидании ответа. Я неуверенно спросила:

— Почему ты предлагаешь мне? Я же только на будущий год смогу участвовать, и то сначала нужно победить в групповом турнире.

— Вовсе нет. — Имсен мотнул головой. — Я как лидер группы-победителя могу набирать новых членов. Могу хоть всех разогнать и набрать новую команду. Но так, конечно, поступать не буду. Мы

отлично сработались, каждый на своем месте, один Расс был слабым звеном. А первокурсникам никто не запрещает участвовать, все дело в том, что обычно не предлагают. Участвуют тем же составом или ищут замену среди третьекурсников, да. Но...

Он замолчал, и я терялась в догадках. Может, дело в том, что я Сантерн? Вряд ли, тогда он предложил бы Ласу. Или в том, что я в числе победителей одиночного? Смешно, ведь трое второкурсников заняли места выше меня, он мог бы выбрать их.

— Я видел твой бой против Хаунда, — наконец сказал Имсен. — Твой меч... это фамильный меч клана Сантерн, ведь так?

Фамильный меч? Мой Дракончик?

Бросила взгляд на запястье, и вокруг него, отвечая моим чувствам, взметнулся вихрь голубых искр, обвился лентой и исчез.

Я подняла глаза на Варра и покачала головой.

— Вовсе нет. Не понимаю, о каком фамильном мече ты говоришь. У нас нет ничего подобного.

Был разве что Хранитель. В груди кольнуло. Хранитель, которого украл у нас Хен. Вот только... что-то царапнуло меня при этой мысли. Это ведь Хен говорил, что Хранитель на самом деле — оружие. Может, Имсен его имеет в виду? В таком случае придется разочаровать его, ведь Хранителя больше нет.

Но парень спросил:

— Помнишь бой против Хаунда? Заклятие Раговенда. Оно бы убило тебя, если бы не мощный защитный артефакт. Такой, как клановый меч, поколениями служивший предкам. Это доказывает и алый огонь. Помнишь? Обычный цвет твоего оружия голубой, — Имсен кивнул на мою руку, — но тогда на поле я видел алый. А ты разве не знала, чем пользуешься?

Пропустила вопрос мимо ушей — у меня не было на него ответа. Голова кружилась. Это что же значит... Хен солгал, и на самом деле все это время Хранитель был со мной?

Резко выдохнув, вызвала меч. Он послушно откликнулся, обретая форму, привычный руке, сверкающий отраженным светом, с появившимся не так давно у самой рукояти узором в виде гибкой фигурки летящего дракона.

— Вот мой меч. Не знаю, что там случилось, но ты ошибся. Я же не могу одновременно владеть двумя.

Вместо ответа Имсен мягко провел рукой над клинком, не касаясь его, будто гладил. Отзываясь на его движение, вниз по лезвию пронеслась волна мерцающих голубых искорок.

— Не совсем так. — Парень внимательно всматривался в мое лицо. — Да, ты не можешь владеть несколькими мечами одновременно, меняя их в зависимости от ситуации. Но новый всегда вселяется в старый, и какое-то время они сосуществуют, пока не сольются. Твое оружие находится в промежуточной стадии. Если у тебя получится окончательно подчинить его, оно поменяет внешний вид.

Неверяще уставилась на руку. Слова Имсена открыли мне глаза. Я вспомнила тот домашний, родной покой, который ощутила на поле, необыкновенную и вместе с тем странно знакомую силу. Точно, что-то похожее я чувствовала полгода назад, когда сражалась за Хранителя с Хеном.

Меч потяжелел в руках, как тогда. Стал словно длиннее, по зеркальному лезвию побежали алые отблески. В лицо будто выдохнули с улыбкой: спокойнее, девочка, ты справишься. Еще не поверив окончательно, опасаясь обмануться, осторожно позвала — так, как привыкла с детства, приходя к Хранителю, как не позволяла себе ни звать, ни думать вот уже полгода, считая, что он навсегда потерян.

Нахлынули воспоминания: вот мне шесть, забравшись в священную нишу вопреки запретам родителей, я плачу, обняв камень, и рассказываю ему о своих детских горестях, о разбитом колене, о том, что братья смеются над тем, как неумело я держу меч.

Вот мне двенадцать, и мать впервые запретила тренироваться с братьями, и я снова прихожу к Хранителю, бурно жалуясь ему, и постепенно на душу снисходит покой.

А вот семнадцать — и вместе с матерью мы опускаемся на колени, и я последний раз обращаюсь к Хранителю перед тем, как ехать в академию, и прошу, чтобы мне не пришлось идти учиться на «рыбачку». И ведь не пришлось. Словно Хранитель благоволил ко мне и сделал все, чтобы мое желание исполнилось.

И позаботился о том, чтобы Хен ушел ни с чем.

Все вокруг словно исчезло, стены растворились, стоящий напротив Имсен перестал существовать. Я будто медленно падала

сквозь толщу воды, тонула — и приближалась к алому сердцу. Отклик пришел не сразу, а когда пришел, меня захлестнуло бурной рекой, накрыло с головой мучительным, разрывающим ощущением полноты. Я, кажется, вскрикнула, но проходившая сквозь меня сила не была враждебной. Она просто была неудержимой, и, когда все закончилось, я растворилась в блаженном отсутствии каких бы то ни было мыслей или чувств.

Сознание возвращалось медленно, собственное тело показалось тяжелым, как дедовский доспех, в который я залезла в пятилетнем возрасте.

— Эй, ты в порядке? — Имсен озабоченно всматривался в мое лицо.

То есть как всматривался — я фактически лежала у него на груди на виду у других студентов.

— Извини.

Смутилась и поспешно выпрямилась, и мир закружился перед глазами.

Варр придержал меня за плечо одной рукой, второй провел над головой. Тошнота тут же отступила, исчез придавливающий грудь невидимый валун.

Поблагодарив, отстранилась. Глянула на руки — пусто. Но теперь в словах Имсена у меня не было никаких сомнений. Хранитель действительно здесь, со мной.

— Не понимаю... Как так получилось?

— Оружие такого ранга само выбирает хозяина. И меч Сантерн выбрал тебя.

— А почему так долго таился?

Ведь целых полгода я и не подозревала об этом.

— Видимо, все это время ты была в безопасности, — пожал плечами целитель. — Наверное, он активировался, когда появилась угроза твоей жизни. Насколько я понимаю, он еще не полностью тебе подчиняется? Не беда, это ваш клановый меч, и у тебя большое преимущество. Тебе не нужно приручать его, как было бы с любым другим оружием.

Да, он прав. Дух захватило от открывающихся возможностей. Ведь Хен говорил, что это легендарный меч. С ним я стану действительно сильным бойцом. Не просто сильным — непобедимым.

И тут же стало страшно.

Хен охотился за этим оружием, потратил полгода на то, чтобы приручить меня, обмануть, проникнуть в наш дом. Создал из ничего новый род, подготовил все так, что до сих пор не удалось не только найти его самого, но и выцепить хотя бы ведущую к нему ниточку. И совсем недавно мне прислали записку от имени Хена — вызов на свидание, на котором меня пытались убить.

А ведь это все объясняет. Он хочет убить меня, чтобы завладеть мечом. Ведь это его изначальная цель.

Не знаю, почему он дал мне полгода, может, не верил, что меч и впрямь выбрал меня, может, подготавливал новую легенду, но теперь он снова здесь... И снова охотится за Хранителем.

Стало горько и обидно. Я ведь верила... точнее, хотела поверить, что он хочет увидеться со мной.

— Сатьяна!

Вздрыгнула, возвращаясь в настоящее.

— Так ты согласна? — спросил Имсен. — Будешь участвовать с нами?

— Я... — Крепко зажмурилась, прогоняя мысли о Хене.

Я должна быть твердой, запомнить раз и навсегда: доверять ему нельзя. Больше никаких свиданий в темных местах, никакого трепета, колебаний и душевных мук.

А теперь Варр и его вопрос.

Закусила губу, раздумывая. Некстати нахлынули сомнения. С одной стороны, это очень соблазнительно: девчонке выйти на поле в составе команды-участника межакадемических соревнований. Из нашей семьи такое удавалось только Мансу, а тут дочь, отрезанный ломоть, которую не хотели даже пускать учиться на боевика. С другой, я все же первокурсница. Пусть год заканчивается, можно считать, почти на втором, но и соперники по факту почти на четвертом. Но раз Имсен говорит, что все будет хорошо... Нет! Он делает ставку на мой меч, а не на умения. А что если я не смогу совладать с Хранителем? Ведь до сих пор он пришел мне на помощь лишь раз, в минуту смертельной опасности. Вряд ли такая ситуация будет складываться при каждой схватке на турнире.

— Я сомневаюсь, — призналась честно, — вдруг не смогу? Ты сам сказал, меч мне еще не подчиняется полностью.

Имсен помолчал, побарабанил пальцами по пухлой нижней губе и предложил с засиявшими глазами:

— Давай договоримся. В этот выходной будет развлекательный турнир, ты же участвуешь?

Осторожно кивнула. Развлекательный турнир обычно проводился в промежутке после завершения внутриакадемических игр и перед началом межакадемических. В нем участвовали двадцать пять одиночек, занявших первые места в каждой категории. Они сражались между собой на вылет, пока не останется один. Никакого разделения по категориям: все решал жребий, целитель против мага, боевик против животновода и так далее... Но результаты турнира ни на что не влияли, и все воспринимали его скорее как нечто вроде разогрева перед настоящим зрелищем.

— Так вот, — продолжил Имсен, — давай условимся: если ты побеждаешь, идешь к нам. Если нет... ну, там посмотрим. Как тебе?

Нигос, да он сошел с ума! И в то же время понимала: он прав. Если Хранитель будет повиноваться мне... По идее, это вполне возможно. А если не смогу победить, то и толку на межакадемических от меня не будет.

И я кивнула.

— По рукам.

Имсен первым протянул крепкую руку, лицо его сияло.

* * *

Узнав обо всем, Карин расствирепел.

Никогда не видела, чтобы он так злился. Даже не злился — бесновался. Мы сидели в их комнате втроем, Вейн на подоконнике, я на кровати. Карин оседлал стул напротив, но когда я закончила рассказ, он вскочил так резко, что я невольно подалась назад. А слова его вообще хлестнули как пощечина:

— Ты что, идиотка? Каждый год на межакадемических люди калечатся, и ты собираешься участвовать? Самоубиться решила? Варр совсем сдурел — тебя втягивать?

Даже Вейн посмотрел на брата с некоторым удивлением, а я так вообще звука не могла произнести от обиды, хотя частью разума

Карина понимала. Им руководило беспокойство.

Межкакадемический турнир и впрямь редкий год обходился без пострадавших. Если на внутренних соревнованиях защита, наложенная лучшими целителями и артефакторами, считалась обязательной для студентов, то на всеобщих ничего подобного не было. За защиту отвечают артефекторы и целители группы, за атаку — боевики, за контроль — стихийники и животноводы. Обстановка, максимально приближенная к реальности: группа должна действовать так, как пришлось бы действовать в настоящем сражении. Организаторы полагали, что под конец третьего года обучения студенты уже должны понимать, что такое настоящая опасность и как это — сражаться в полную силу, осознавая свои возможности и слабые места, уметь работать с риском и фактической угрозой.

Конечно, рядом с полем постоянно дежурила бригада целителей, смертельных случаев почти не бывало... но ключевое слово — «почти».

В общем, все это я знала и понимала, и отчасти поэтому не сразу дала Имсену согласие. Но слова Карина меня задели. Прозвучало так, словно он завуалированно дал понять, что считает меня неразумной, неспособной принимать решения малолеткой. Хотя какое там завуалированно! Он прямым текстом назвал меня идиоткой!

От окна примирительно отозвался Вейн:

— Да ладно, у нее своя голова на плечах, не маленькая уже.

Метнула в его сторону благодарный взгляд. Мне самой обида не давала и слова молвить, но он озвучил то, что я думала.

Карин резко обернулся к нему:

— Заткнись.

Вейн сверкнул зелеными глазами, но и впрямь промолчал, а Карин снова посмотрел на меня.

— Я против.

— Пойду-ка погуляю. — Вейн вскочил и быстрым шагом преодолел расстояние до двери.

Мы проводили его взглядами. Ясно было, сбегает, чтобы не оказаться меж двух жерновов. В принципе, правильный поступок, на его месте я бы поступила так же.

Едва дверь захлопнулась, Карин сел рядом со мной и взял меня за плечи. Внимательно всмотрелся в глаза, словно искал в них согласие.

Но все, на что я была способна, это молча кипеть от злости. Молчание было, пожалуй, самым разумным вариантом, ибо на язык рвалось только что-то вроде «сам дурак» или «не твое дело».

Парень, напротив, заговорил спокойнее:

— Сатьян, ну правда, зачем тебе это? Не терпится? Ты уже заняла четвертое место в одиночном, на следующий год соберем группу, вместе пройдем на межакадемический. А пока не дай запудрить себе голову. Вообще не знаю, с чего вдруг Имсен предложил...

Я знала, но молчала. Не то чтобы я не доверяла Карину настолько, что опасалась рассказывать ему о Хранителе, но все же мне хотелось сохранить это в тайне. В Карине я не сомневалась — была не уверена в себе самой, в том, что Хранитель и впрямь выбрал меня. В том, что смогу подчинить его себе.

Злость и обида потихоньку таяли. В принципе, Карин прав — если бы я решилась на подобное с бухты-барахты, это и впрямь было бы глупо. Не только сама опозорилась бы, но и группу подвела. Но он не знал и судил, исходя из той информации, которой располагал. Может, я бы и заставила себя рассказать, в чем дело, но... он совершил ошибку. Сказал, заглядывая мне в лицо:

— Если честно, я вообще не хотел бы, чтобы ты выступала на таких турнирах, особенно как ведущий боевик. Все-таки ты девушка и...

Он не договорил: я оттолкнула его, взметнувшись вверх, словно меня поставила на ноги необоримая сила, и процедила сквозь зубы:

— Еще раз скажешь, что я должна поступать так, потому что я девушка, и получишь по роже.

Карин сверкнул глазами, но промолчал. Сидел напряженный, снова злой, сжимал челюсти — желваки перекатывались под гладкой смуглой кожей. Потом сказал отстраненно:

— Можешь не признавать это сколько угодно, но ты девушка, следовательно, слаба. Вторым мечником — да, вполне можешь быть, но не основным.

В ушах у меня зазвенело. Едва различая среди этого шума свой собственный голос, тоже спросила тихо и отстраненно:

— Я слаба? А ты помнишь, кто выиграл нашу дуэль? Если я слаба, тогда ты как?

Карин вспыхнул. В глазах сверкнул гнев.

Если скажет сейчас, что поддался, я выйду отсюда и вообще никогда с ним не заговорю.

Кажется, он прочел эту мысль по моему лицу, потому что резко выдохнул и отвел глаза. Потом встал. Выпрямившись он был куда выше меня. И, чтобы не проиграть ему морально, я опустила подбородок и выставила вперед правое плечо, будто готовилась к схватке.

— Сатьян... — Он шагнул вперед — я отступила. Тогда он остановился. — Давай не будем ссориться. Просто пойдем сейчас к Имсену, и ты откажешься.

— С какой стати я буду отказываться?

По лицу Карина прошла темная волна.

— Если ты не забыла, мы с тобой встречаемся.

— И что?

— Если ты мной хоть немного дорожишь, то откажешься.

Я задохнулась от возмущения. Так-так, в дело пошел шантаж?! Не дожидаясь, что Карин скажет или сделает, повернулась и выскочила наружу. Внутри все кипело от гнева.

«Если ты мной дорожишь!.. Ты девушка, следовательно, слаба!»

Я выросла, постоянно слушая эту песенку, под которую мне запрещали все что попало, логично это или нет. Но теперь мне почти восемнадцать, и я хочу заниматься делом, которое мне по душе. Я всю жизнь мечтала об этом. И вокруг полно девушек-боевиков — пусть не так много, как парней, куда меньше, чем стихийниц или целительниц, но все равно. Почему ради чьих-то желаний я должна уступать роль, которая мне нравится, которая мне подходит и доставляет мне огромное моральное удовлетворение? Ради того, чтобы поддержать авторитет парня, который — какая милость! — оказал мне честь встречаться со мной?

От злости перед глазами все туманилось, и я даже не заметила, как преодолела дорогу от мужского общежития до своего. Пришла в себя, очутившись в чьих-то объятиях и услышав веселый голос:

— О! Мечница!

Подняв голову, увидела черные глаза Анса. Он посмеивался, заглядывая мне в лицо. Видимо, парень спускался, и я на всей скорости в него влетела, хорошо хоть с лестницы не снесла. Запоздало оглядевшись, обнаружила, что мы стоим на площадке между первым и

вторым этажами, я держусь за полу куртки Анса, а он придерживает меня за плечи.

— Куда несешься сломя голову?

Заставила себя улыбнуться. Вышло паршиво, потому что Анс вдруг стал серьезным.

— Что-то случилось?

— Нет, ничего. Не обращай внимания. — Снова улыбнувшись, хотела уже отцепиться от него и идти дальше, как неожиданно для себя призналась: — Поссорилась с Кариним.

— Это тот парень, которого избили? Он твой друг? — Я отодвинулась и промолчала. — Или больше, чем друг?

Анс, кажется, сказал это с намерением пошутить, но мне словно нож в брюшину загнали. Зачем я вообще согласилась встречаться с Кариним? Ведь он уже тогда пытался меня шантажировать, просто я не заметила. Сказал, мы или встречаемся, или он уходит. Знал, что дорожу нашей дружбой.

Замотала головой. Не буду об этом думать. Надо забыть на денек-другой, и все будет по-прежнему. Карин поймет, что перегнул палку, и я, может быть, расскажу ему про Хранителя. И вообще, сейчас надо готовиться к турниру победителей.

— Круто! — невпопад обрадовался чему-то Анс. — Это прекрасная новость. Слушай, а как насчет прогулки? Покажешь мне все тут.

С удивлением уставилась на него — какой резкий переход...

Может, согласиться? Но потом с сожалением покачала головой.

— Извини. Давай в другой раз. Не то настроение.

— Ладно. Давай в другой. Как насчет завтра?

Как ни расстроена была, все равно рассмеялась.

Какой же он упорный! Чем-то мне это даже импонировало.

— Вот завтра и решим, — ответила с улыбкой.

— Эх... Ну ладно. Только потому, что знаю: девушки-боевики всегда держат слово.

— Когда это я успела дать тебе слово? — снова засмеялась.

Анс улыбнулся в ответ и вдруг взял за руку.

— Знаешь, — сказал он, нежно поглаживая мою ладонь, — а совсем скоро День Идины. В наших местах есть поверье, с кем проведешь ночь после праздника, с тем навсегда будешь вместе.

Щеки залило горячей волной. Во-первых, от неожиданно интимного прикосновения, во-вторых, от пристального взгляда, и в-третьих — от слов. Это намек? Он мне переспать предлагает?

Хотела вырвать руку — он удержал, и я воскликнула:

— Что ты несешь?!

Анс не сразу понял, а когда дошло — расхохотался:

— Ой не могу! Не в этом смысле! Не переспать, глупая, просто провести ночь! Встретить рассвет, если хочешь.

— И какое отношение это имеет ко мне?

Он не ответил, только соорудил хитрую физиономию и пожал плечами. Мол, все сказал, больше ничего не знаю.

Сверху слышались шаги, и из-за лестничного поворота показался парень, тот самый, с повадками ар-терана — я сразу его узнала. Увидев нас, остановился. Взгляд его метнулся на мое лицо, ожег холодом ледяных глаз, затем на собеседника, потом на наши соединенные руки — мою ладонь Анс продолжал держать в своей. Четко очерченные губы скривились в презрительной ухмылке.

Меня охватили смешанные чувства. Одновременно захотелось и выдернуть руку, и, напротив, позволить Ансу поглаживать ее сколько угодно, чем дольше, тем лучше, по крайней мере пока этот придурок не скроется с глаз.

Но Анс тоже напрягся. Выпрямился, меряя взглядом пришельца. Отпустил мою руку, но не отошел, а наоборот, шагнул ближе и приобнял меня за плечи.

— Тебе что-то нужно? — вежливо поинтересовался у парня. — Чего застыл?

Тот промолчал, но теперь смотрел только на Анса, неотрывно, глаза в глаза. В воздухе запахло грозой. Я почувствовала себя неудобно: парни общались без помощи слов, одна я стояла, ничего не понимая. Наконец тот, второй, мотнул головой, ледяным голосом обронил:

— Ничего. — И двинулся дальше, но даже ветерок от движения показался холодным.

Меня бросило в озноб.

Дождавшись, когда внизу хлопнет дверь, произнесла вслух:

— Какой-то странный парень... Что он вообще здесь делает?

— Живет тут, я видел его на пятом.

Живет здесь? Значит, из приглашенных команд? Ведь до того, как они начали съезжаться, я всех жильцов могла по пальцам перечислить, и этого темноволосого среди них точно не было. Тоже участник межакадемических? Но тогда что он делал в подсобке тренировочного зала?

Странный парень. Ох странный...

Тем же вечером я столкнулась с ним снова по дороге домой после легкой тренировки вдвоем с Лидаией. Ее сразу перехватил Ларн, и они упорхнули, счастливые как голубки.

Парень незаметно как тень подошел сзади и напугал меня до полусмерти, внезапно заговорив:

— С какой стати опять одна шастаешь? Мало было того нападения?

— Хагос! — Прижала ладонь к сердцу, бешено забившемуся от неожиданности.

Полоснув меня очередным недобрым взглядом, парень продолжил:

— Сейчас в академии опасно. Полно людей с неизвестными намерениями, с запретными целями, с измененной внешностью и с такими легендами, что комар носа не подточит. Любой может оказаться врагом.

— О чем ты? Каким врагом?

— Например, посланником Имерии.

Я уставилась на него. Не то чтобы не понимала, что он говорит, но все это казалось таким далеким, что я никак не могла сопоставить его слова и реальность. Политикой интересовалась постольку-поскольку, но про Имерию конечно же знала. Раньше она была частью земель Морвенны, потом там к власти пришли жрецы Дибога, объединили несколько земель и провозгласили самоназванным государством. Пробовали завоевать и Морвенну, вернее, отхватить кусок прилегающих к их территории земель, но наши воины дали отпор. Имерия перешла на скрытые действия, шпионаж, маскируясь под тварей или разбойников, уничтожала наши поселения на диких землях. Но Лорейль, мой родной город, располагался далеко от границы с Имерией, так что сама я не только не видела ни единого имерийца, но и воспринимала их как нечто абстрактное, почти как сказку, хотя и

страшную. Мы с братьями в детстве даже играли в воинов Морвенны и имерийцев, чья роль никого не прельщала, — они всегда должны были проигрывать.

Так что слова темноволосого сноба показались похожими на загадочное, не имеющее смысла заклинание. Посланник Имерии? Здесь?

Пока я пыталась осмыслить сказанное, парень молча смотрел на меня. Наконец спросил:

— Удивлена? Не слышала? Думаю, со дня на день ректор объявит вам об этом. В академии имерийский шпион.

По спине прошел холодок. Темноволосый утверждал так убедительно, что я с ходу поверила. Да и не было смысла ему врать. Для чего, попугать меня?

Но представить все равно оказалось невозможно. Шпион? Один из тех, с кем я учусь? С кем бок о бок хожу на лекции? С кем, быть может, скрещу меч на ближайшем турнире?

И в то же время все единожды слышанные сказки, все страшилки ожили в памяти. Отравления, покушения, нападение на меня... Может, Хен ни при чем, и это был шпион? Но мысль я отвергла — у шпиона нет причин атаковать меня, а вот у Хена есть.

Не дождавшись ответа, мой непрошенный спутник настойчиво произнес:

— Тот парень, с которым ты общалась. Ты знаешь, кто он, откуда?

Вспомнила тут же, как Анс сказал, что он из клана Архаллы и из академии Халда Великого, в голове возник образ и черные, такие необычные для обитателя Морвенны глаза. Тем более непривычные на востоке, который находится в противоположной стороне от Имерии. А имерийцы как раз черноволосы и черноглазы.

— Ты знаешь только то, что он сказал тебе, верно? — беспощадно продолжил парень. — И все равно развесила уши?

Мы уже дошли до общежития, и я, так и не найдя слов для ответа, молча юркнула внутрь, когда мой спутник потянул дверь. Быстро пошла к лестнице, чтобы он не успел меня нагнать, желая остаться одной и подумать.

Но меня и не собирались догонять, лишь негромко посоветовали вслед:

— Не доверяй никому.

Публика на стадионе поредела.

Такова была первая мысль, когда я вышла на поединок по сигналу распорядителя. Со стороны было не так заметно, но с поля, обведя взглядом трибуны, увидела, что зрителей куда меньше, чем было под конец одиночного турнира.

Впрочем, это естественно. Турнир развлекательный, а участники — те двадцать пять человек, что вышли в финал на одиночном. Многие родители и родственники уехали, когда их близкие не прошли, а болельщики на межакадемические еще не прибыли.

Прокрутила в уме турнирную таблицу. Пять раундов, двадцать пять человек, по пять минут на схватку. Три первых тура состоятся сегодня, полуфинал и финал — завтра.

Мой первый противник — дай Нигос, чтобы он не стал и последним — стихийник Амунд Клаке, второкурсник. Высокий, хотя с моим ростом почти все парни казались высокими, слегка неуклюжий на вид парень в лиловой мантии. Он стоял на другой стороне поля и подкидывал в ладони магический шар. Красивый, ярко-оранжевый, как капля смолы на солнце, шар испускал маленькие протуберанцы, но хозяина это пламя, по всей видимости, не жгло.

Вообще-то здорово попробовать себя в бою с тем, с кем обычно и на тренировках не сталкиваешься — опыта сражений со стихийниками у меня почти не было. Мысленно повторила все, что о них знаю.

Во-первых, у них очень жесткий щит. Придется приложить немало усилий, чтобы пробить его, и только потом можно попытаться нанести урон.

Во-вторых, магия стихийников одна из самых мощных. Если мой самый сильный удар может разве что пробить чужой щит, то заклятие стихийника запросто лишит меня сознания. Значит, надо не позволить использовать сокрушительные заклятия. На худой конец приберечь свои противодействующие.

В-третьих, стихийники славятся умением контролировать противника. Спутать ему ноги, навеять сон, парализовать на краткий срок — хороший стихийник знает как минимум одно такое заклинание, если не все три. И если во время действия какого-нибудь эффективного заклятия Амунду удастся погрузить меня в сон, это сразу урежет мои шансы на победу.

К счастью, помимо достоинств у магии стихий есть и сложности, и главная из них — заклинания требуют времени и произносить их нужно стоя на одном месте. Не все, конечно, но самые сильные — да. Так что я могу атаковать постоянно, а Амунду, чтобы спокойно колдовать, придется сначала обездвигить меня или усыпить. Значит, моя задача — не дать ему это сделать.

Прерывая мои мысли, запел рог. Заорали зрители, когда мы ринулись навстречу друг другу. Вернее, ринулась я, вызывая меч, а Амунд обходил меня по кругу, стараясь сохранять дистанцию.

Первое заклятие ударило в щит, расплескалось огненными лепестками.

Я и бровью не повела. Ерунда. Это соперник меня прощупывает, надеется, вдруг испугаюсь и использую сильное защитное заклинание. Но не зря мы с Лидаией столько времени в библиотеке зубрили чужие умения, — я хорошо знала подобную довольно безвредную атаку.

Пока Амунд не опомнился и не вспомнил о контроле, я увеличила скорость и, оказавшись рядом, ударила мечом в щит. Раздался жалобный треск, маг отпрыгнул — но щит пробить не удалось. Ну что ж, попробуем то, ради чего я вообще сюда вышла.

Глубокий вдох, обратиться внутрь себя, призвать Хранителя. Краем глаза следила за стихийником — тот наконец вспомнил, что у него есть заклинание сна, и начал его плести. У меня пять секунд.

Но столько и не понадобилось. В груди расцвел знакомый огненный жар. Заполыхало алым. Меч удлинился, сам повел за собой. Одновременно у меня словно новый источник энергии, открылся.

Дочитать заклинание маг не успел. Взмах, удар — и его щит рассыпался мелкими осколками. Я обалдела: с одного удара! Противник запаниковал, побелел, глаза стали как плоски. Использовал «прыжок», но я это ожидала и тут же притянула мага «удочкой». Он впопыхах накинул новый щит — видимо, заклинание было готово, но и этот разлетелся вдребезги. Раз, другой, третий... и Амунд упал на песок арены, а трибуны взорвались оглушительным ревом.

Я выпрямилась, ошеломленная произошедшим. Это было так легко... Настолько легко, что появилось смутное ощущение, будто я нарушила правила, воспользовалась какой-то лазейкой и победила незаслуженно.

Но все было по-честному, и уже гремел над полем голос комментатора, объявившего победу и переход во второй тур, и зрители снова скандировали запомнившееся по недавнему турниру «Сать-яна!».

Знай я о Хранителе раньше, уделала бы Хаунда в первые секунды боя.

Во втором раунде моим противником стал лучник. Он оказался еще слабее стихийника, почти сразу подпустил меня к себе слишком близко и получил сокрушительный удар. Исход дуэли решился за десяток секунд.

Выходя с поля, я чувствовала полную обескураженность. Пыталась убедить себя, что мне повезло, что у лучников было мало участников, поэтому неудивительно, что в число победителей вошли и не очень умелые, что противник недооценил девчонку-первокурсницу, но все равно душу затапливал благоговейный страх. Я и не представляла, что Хранитель столь силен. Если так пойдет и дальше, и впрямь могу занять первое место.

Хотя, надо отдать должное, и противники пока попадались так себе.

В третьем, последнем на сегодня бою, мне выпало сражаться с животноводом. Увидев его, я поморщилась — тот самый красавчик, так и не показавший своего фамильяра на церемонии награждения.

Нет хуже соперника, чем животновод. Щит у них такой же жесткий, как у магов, и пусть заклинания не такие болезненные, зато у них есть фамильяр, так что в итоге приходится иметь дело с двумя противниками одновременно.

Парень, похоже, был уверен в себе. Обычно животноводы заранее призывают фамильяров, а этот стоял один на другой стороне поля, смотрел на меня и, похоже, улыбался. Вот жук.

Раздался долгожданный сигнал, и я бросилась вперед. Противник поднял руку — спокойно, будто не видел, как я несусь в его сторону. Заклубилась черная дымка, проступили очертания гибкого узкого тела, черной морды, роняющей слюну, и пылающие расплавленным золотом глаза.

Я резко остановилась, словно грудью напоролась на невидимую преграду. Я уже видела этого фамильяра. И даже сражалась с ним.

Этот хагосов животновод был одним из тех, кто напал на меня перед финалом одиночного турнира.

Спокойно, Сатьяна. В тот раз их было пятеро, а нас всего трое, но мы справились. Неужели я не уделаю этого животновода теперь, когда он один?

Однако его зверь был куда крупнее, чем мне запомнилось. Тогда это было хоть и крупное животное, но все же более-менее привычных собачьих размеров. Сейчас пес походил на тварь: в холке ростом с меня, с белыми клыками в палец длиной, с мощными лапами и пугающим золотом глаз. И двигался куда быстрее, чем мог человек. Я едва успела призвать Хранителя, как псина прыгнула, целясь мне в горло. Увернувшись, я кубарем пролетела по песку, закружилась и остановилась, оборачиваясь лицом к твари.

Жалобно занял щит с другой стороны: животновод пустил в ход атакующую магию.

На миг растерялась: кого атаковать первым?

Фамильяр — средоточие боевой мощи хозяина, сама по себе магия животновода не слишком сильна. Но и оставить хозяина без внимания нельзя. Даже слабая магия, вливаемая без остановки, сумеет разрушить щит и основательно подьет мои энергетические резервы. Я проиграю, даже не успев дотронуться до противника. А с другой стороны, пока буду бить животновода, его фамильяр беспрепятственно сможет атаковать меня.

Даже малое промедление, которое потребовалось, чтобы обдумать тактику, едва не стоило мне победы. Щит пошел трещинами и рассыпался, как старое стекло, а черный пес взметнулся вверх, роняя капли золотой слюны.

Действовала больше наудачу. Ринулась вперед, припадая на колено. В полете черная гончая не смогла поменять траекторию и только гневно зарычала, когда мой меч пропорол ей брюхо. Очертания зверя подернулись дымкой, и вместо того, чтобы выбивающей дух тушей обрушиться на меня, он развеялся черными лоскутами.

Есть!

Не успела обрадоваться, как взвыла от боли в спине. Хагосов животновод! Пока отвлеклась на фамильяра, он не тратил времени зря и одно за другим всаживал в меня заклинания.

Я бросилась к нему через все поле. В груди полыхала ярость, ставшая еще сильнее, когда я увидела, что противник ухмыляется. Сейчас я сотру с его губ эту ухмылку.

Но тело вдруг потяжелело. Ноги не поднимались, словно увязли в болоте. Заклятие замедления!

Я использовала противодействующее, но оно только кое-как восстановило мою обычную скорость. И с ужасом увидела, как животновод читает «Черное безумие» — одно из самых опасных их заклятий. Опасное не уроном, а воздействием на разум противника, заставляет его пережить безумный страх, на какое-то время потерять рассудок.

Ничего предпринять не успела, только выставила вперед меч, по-детски пытаясь заслониться. В следующий миг выплеснувшееся на другом конце поля заклинание, похожее на слитный черный рой жужжащих мушек, настигло меня.

Кажется, я кричала. Не от боли, или боль я не запомнила, но в горле и легких поселилась надсадная резь, когда все закончилось. Только что я была в центре поля, а теперь стояла лицом к ограждению, словно пыталась убежать. Резерв был больше чем наполовину выпит, меч исчез, из-под ногтей текла кровь — кажется, я пыталась руками разодрать магическую ограду. Сидевшие рядом с ней зрители подались назад, их взгляды были полны восторженного ужаса.

Хагос! Я обернулась, призывая меч. Использовала разом три заклинания, повышая скорость, физические силы и энергетический запас, — пусть надорвусь, но не проиграю! Ринулась через все поле к противнику, тот отступал по кругу, не спуская с меня насмешливого взгляда, а мелкие назойливые огненные шарики беспрестанно атаковали меня, словно град, капля за каплей выжирая едва пополненный энергетический резерв.

И что хуже всего, животновод снова взмахнул рукой, призывая зверя.

В отчаянии скрипнула зубами. Неужели проиграю? Вот так просто, даже не сумев до него добраться?

Хранитель!

Обращаться к его силе с каждым разом становилось легче. Стоило позвать, как меч полыхнул алым, и я почувствовала, как восстанавливается энергия. Опутавшая меня чужая магия вспыхнула,

оплывая. Прибавив скорости, вновь атаковала — красавчик-животновод уже не улыбался. Метнулся было в сторону, но я нагнала его и пару раз ударила «молотом Аррага», одним из мощнейших боевых заклятий. Щит животновода лопнул, осыпаясь мелкими осколками.

Так тебе, паршивец! Хотела ударить еще раз, но меня снесла с ног, как показалось, каменная глыба — на самом деле это был черный пес.

Опрокинув меня на песок, взгромоздился на грудь, чуть не ломая мне ребра своим весом. Стиснув зубы, использовала укрепляющее тело заклинание. Горячее дыхание ударило в лицо, упали золотые капли слюны, с шипением прожигая кожу. Перед глазами мелькнули острые белые клыки.

Каким-то невероятным усилием скинула зверя с себя, вскочила, уже привычно взывая к Хранителю, сливаясь в одно целое с его яростным пламенем. Исполосованная чужими заклятиями, с почти полностью выпотрошенным энергетическим резервом, я словно сама стала пламенем.

Ненавистное смазливое лицо исказилось в испуге.

— Я сдаюсь!

Животновод отлетел, неуклюже проехавшись задницей по песку, выкинул руку вверх, прося пощады, — и запел рог, возвещая мою победу.

Вокруг орали, бесновались, топали. Над ареной в третий раз прогремело мое имя. Похоже, никто не ожидал увидеть столь яростную схватку, сражались всего-то первый и второй курсы.

Я выпрямилась. Дыхание вылетало из легких с хрипом и свистом, лицо и шея горели. Чтобы устоять, оперлась на меч, воткнув лезвие в песок. Его огненный блеск тоже потускнел, будто Хранитель тоже вымотался в этом бою.

Хагосов животновод... надеюсь, мне больше никогда не придется сражаться ни с кем из их ядовитого племени.

На поле выбежали целители, помогли встать моему противнику. Увели, попутно залечивая раны. Жалкий, грязный, хромающий, он ничуть не напоминал самоуверенного красавчика, каким был в начале боя.

Меня тоже атаковали целители. Умело прошупали, накиннули остужающую и обезболивающую магию, повели в комнату отдыха.

Выходя с поля, я едва не споткнулась, встретившись взглядом все с тем же темноволосым голубоглазым зазнайкой.

Он стоял неподалеку, на отгороженной площадке для служащих, сложив руки на груди, и неодобрительно смотрел на меня. Я вспыхнула: почему-то стало стыдно, что, обладая Хранителем, чуть было позорно не проиграла второкурснику. А еще на межакадемические собралась, дуреха.

Но в следующий миг проснулась гордость. Не проиграла же! Да, растерялась, но быстро собралась, и меч не подвел, и управляюсь я с ним легко. И нечего смотреть на меня с таким осуждением.

Фыркнув, прошла мимо, но его взгляд все равно продолжал буравить мне спину, аж лопатки сводило.

Целители вскоре меня отпустили, строго-настрого запретив перенапрягаться, если хочу и завтра быть в состоянии использовать магию.

Дома мы с Лидаией пообедали, отдохнули, а потом к нам пришел Ларн, и я почувствовала себя третьей лишней. Раньше в такие дни сбегала к Карину. Но я до сих пор не помирилась с ним, даже не видела его после нашей ссоры. На сегодняшнем турнире он тоже не появлялся. Видимо, еще не перегорел или решил таким образом заявить протест.

В общем, к Карину идти было нельзя, и я отправилась в зал.

Едва начало вечереть, с восточной стороны небо медленно завоевывала облачная мгла, на западе садившееся солнце окрасило территорию академии в багряные тона.

Я тихо насвистывала себе под нос — неумело, но старательно. Проходя мимо подсобки, бросила туда взгляд. Совершенно случайно, а не потому что надеялась встретить (скорее надеялась не встретить!) того темноволосого. И обалдела.

В приоткрытое окошко подсобки высунулась белая мордочка.

Увидев меня, ласка замерла, в черных глазках мелькнул совершенно человеческий страх, и она юркнула назад.

— Стоять!

Я бросилась за ней. Сначала к окну, но обнаружила, что оно на защелке, оставлена лишь маленькая щель, только зверьку и

прошмыгнуть. С силой налегла на раму снаружи, опуская ее, и окно с глухим щелчком закрылось.

Попалась!

И я бросилась в обход дома, к двери. Теперь маленькая негодница никуда от меня не денется.

Внутри было темно. Остановившись на пороге, заметалась глазами по комнате в поисках белого пятна, но вместо него заметила на диване человека.

Темноволосый парень, мой недобрый знакомец, медленно сел, не спуская с меня взгляда. Плед, которым он укрывался, сполз, явив наполовину расстегнутую рубаху и черный кожаный шнурок на крепкой шее.

Я поспешно отвела взгляд, в лицо дохнуло непрошеным жаром. А когда услышала тихий, но явственно различимый смешок, вообще стало невмоготу. Разозлившись, спросила с нарочитой грубостью:

— Ласку не видел?

И почти сразу пожалела: какой смысл расспрашивать, видно же, спал человек.

— Ласку?

Диван скрипнул, когда он встал. Тяжело вздохнули доски пола, отвечая чужим шагам.

Я напряглась, парень остановился рядом. От его близости и жара разгоряченного со сна тела, а еще какого-то удивительно родного и одновременно будоражащего запаха по телу побежали иголочки, кровь горячим вином заструилась по жилам.

Переборов себя, уставилась на парня. Смущаться он меня не заставит.

Кажется, это было ошибкой. Под моим взглядом усмешка медленно сползла с его губ, привычный лед в голубых глазах разломился, истаял, открывая что-то иное, бурлящее, затягивающее, словно горный поток, несущий меня в пропасть.

Тьфу ты, наваждение!

Я рванулась, будто пытаюсь убежать от самой себя. Нечего отвлекаться. Ласка наверняка где-то здесь, надо ее найти. Но сколько ни шарила по помещению, не обнаружила ни кончика хвоста, ни даже белых шерстинок. Я и под диван заглянула, и за шкафами проверила,

перебрала на полках. Ласка пропала, словно в воздухе растворилась. Как будто была не настоящим животным, а...

Я круто развернулась, меряя парня взглядом. Он по-прежнему стоял у двери, расслабленно сложив руки на груди, и безмолвно наблюдал за моими метаниями, будто его совсем не волновал внезапный визит. Даже не поинтересовался, что за ласку я ищу и почему здесь. Какое подозрительное равнодушие...

Ведь он же не животновод?

— Ты кто? — Парень только взглянул на меня насмешливо. — Покажи свое оружие!

Думала, он воспротивится. Ведь если ласка его фамилляр, то стоит ему достать магический шар, и это его выдаст. Если он и в самом деле следил за мной с ее помощью, то знает обо мне куда больше, чем я думаю. И про Хена знает, потому что я, идиотка, сама изливала душу зверюшке, хотя меня никто об этом не просил.

Но парень медленно, не сводя с меня глаз, вытянул руку. Вокруг широкого запястья затанцевали серебристые искры. Взлетели, словно подхваченные неощутимым порывом ветра, закружились в полумраке, создавая очертания меча, да не простого, а двуручника. Красивого, мощного, с двойной гардой, с магическими знаками вдоль отливающего ртутным серебром лезвия.

В душе проснулось невольное восхищение. Меч был чуть ли не с меня ростом, а парень играючи удерживал его в одной руке. Хотя нет, не совсем играючи, — вон как мышцы вздулись. Но кончик меча даже не вильнул, висел пряменько, будто его не человек держал, а воткнули куда-то.

В тишине раздалось насмешливое:

— Достаточно?

Я выдохнула. Не животновод. Хагос, да и что животноводу делать в нашей подсобке? И он не может быть связан с лаской. Полгода назад его и в помине не было.

Или был, просто я не знала?

А может, ласка следит и за ним?

То, что она исчезла из запертого помещения, может означать как то, что ее хозяин был рядом, видел меня и отдал приказ раствориться, так и то, что он, наоборот, находится слишком далеко, и связь между ним и фамиллярном естественным образом оборвалась. Иначе, если

повелитель сам был слит со зверем в единое целое, он был бы сейчас здесь. Нельзя оставить тело и передать фамильяру только сознание.

Но кто же этот хагосов хозяин? Готова поклясться, что в академии нет ни одного животновода, чей фамильяр — ласка. Впрочем, возможно, я просто не узнала ее, увидев в боевой ипостаси. Иногда боевая и мирная сущности отличаются сильнее, чем котенок и саблезубый тигр.

Чужой двуручник опал черно-серебряными лоскутами. Я сморгнула, прогоняя легкую зависть. Подумаешь... Мой меч не хуже, а то и лучше.

— Ты тренироваться пришла?

Вопрос застал меня врасплох. Я уж позабыла, зачем притащилась в зал. Кивнула, с запинкой ответила:

— Да... тренироваться.

— Позволишь взглянуть?

Еще один неожиданный вопрос. И непривычная вежливость, словно зазнайка вдруг решил завести со мной дружбу.

Вместо ответа дернула плечом, первой направилась к двери. Парень выпустил меня, аккуратно закрыл подсобку на ключ и пошел следом.

Тренировка началась в молчании. Было непривычно разминаться, ощущая следящий чужой взгляд. Поначалу смущалась, потом привычка взяла свое. Но все равно, повторяя монотонные движения, я невольно продолжала думать о подпиравшем стенку парне.

Интересно, почему он злился в нашу первую встречу? Неужели только потому, что мы с Ансом заняли зал?

Кинула взгляд украдкой. Мой единственный зритель вел себя тихо, не удивилась бы, заметь я, что он уже ушел. Но он стоял и смотрел. Смотрел так, что сердце пропустило удар, настолько жгучим и пристальным был взгляд. Темный, отчаянный, полный какой-то болезненной вины.

Это выбило меня из колеи, и я замерла, опустив руки, забыв о разминке. Сидела на коврикe, чувствуя, как пылают щеки, как что-то разворачивается внутри, запуская в душу коготки, словно проверяющая силу кошка.

Не знаю, сколько времени мы пялились друг на друга, может, прошло не меньше минуты, а может, длилось лишь миг, но

опомнились мы как-то вдруг, почти одновременно. Я смутилась, однако и в его глазах промелькнуло что-то вроде паники. Он отвернулся, вздохнул, будто пытаюсь успокоиться. Потом отлепился от стены и уверенным шагом пошел ко мне.

Я напряглась, не зная, чего ожидать. Но парень остановился рядом и потребовал:

— Покажи свой меч.

Ишь какой бесцеремонный. Впрочем, ладно.

Я встала, возвала к Хранителю. Взмахнула рукой, с непрекращающимся восхищением чувствуя, как сплетается магия, формируя стальное лезвие, узкую, под мою ладонь, удобную рукоять, как высекает защитные знаки.

Зал осветился алым, словно мы оказались в пасти дракона. Вытянув руку, удерживала меч, стараясь, чтобы лезвие не дрогнуло, как стоящий передо мной парень недавно делал со своим двуручником.

Он молча смотрел на него некоторое время, потом сказал:

— Тебе нужно научиться прятать его.

— В смысле?

— Ты очень неосторожна. Ты обладаешь сокровищем, способным любого свести с ума. Знающий человек с первого взгляда поймет, что это как минимум легендарный меч. И чтобы завладеть им, нужно всего лишь убить тебя. Перед таким соблазном устоит не каждый. Особенно когда противник — неопытная девушка.

В горле пересохло. Завладеть... моим Хранителем? Перед внутренним взором встали заполненные людьми трибуны. Сколько их видело мое оружие? Сколько из них подумали так же, как говорит этот парень?

Отступила на шаг, как будто он мог в любой момент наброситься на меня. Собеседник, кажется, это понял: губы тронула усмешка.

— Поздно. Я бы уже несколько раз успел убить тебя.

— Хранитель не пойдет к моему убийце!

— Думаешь? — хмыкнул он. — Магия уважает только силу. Ей недоступны понятия морали или привязанности. Наоборот, она с охотой станет служить тому, кто докажет, что он сильнее. Например, убив предыдущего владельца. Ты ведь знаешь, как мы добываем магические мечи? Мы убиваем тварей. И я никогда не слышал, чтобы сотворившая их магия попыталась отомстить убийцам.

Он был прав. Нет, может, и ошибался в Хранителе — я верила, что он никогда меня не предаст, даже после моей смерти, но в отношении моей неосторожности — о, тут он был прав с лихвой.

Мне вскружил голову тот факт, что Хранитель оказался у меня, что Хен не унес его с собой. Причем настолько, что я еще не дала знать родным, не написала отцу, чтобы остановил расследование. Хена все еще разыскивают за то, что он не совершал.

Немедленно напишу им. Или нет, дождусь, когда Вейс вернется, передам через брата. Только у него есть защищенный канал для сообщений.

Но одно меня обрадовало. Ту записку... ее не обязательно писал Хен. Это мог быть кто-то другой, кто тоже охотится за мечом. Впрочем, я тут же назвала себя дурочкой. Чему радуюсь? Тому, что потенциальных врагов у меня может быть несколько?

— Ты сказал «прятать»? — С надеждой взглянула на темноволосого парня.

Он кивнул.

Потребовалось немало времени, чтобы освоить эту науку, но стоило разок справиться, как стало выходить все лучше и лучше. Теперь, вызывая меч, с облегчением убеждалась, что он выглядит сильным и изящным, но не слишком отличается от обычных. Немного похожий на двуручник моего непрошеного учителя — длинный, красивый, отливающий ртутным серебром, но без алого пламени и огненных искр.

Наконец, выложившись так, что больше не смогла призвать оружие, я остановилась, запыхавшаяся, но довольная — внутри, как в яблочном сидре, булькали пузырьки восторга и торжества. Уж теперь-то никто не опознает Хранителя!

Правда, был один недостаток: на поддержание такой формы уходило довольно много магии, так что на сам бой оставалось где-то три четверти от реальной силы. Но я рассудила, что мне и этого вполне хватит. А если нет, то маскировку можно ненадолго снимать, прикрывая алое сияние каким-нибудь боевым заклинанием.

— Ты молодец.

Похвала застала меня врасплох. А еще взгляд наставника — словно он на самом деле мной гордился, как будто даже порывался

обнять, но в последний миг остановился.

Потянулось тягостное молчание.

— Ладно, мне пора. — Поспешно засобиравалась.

Хотела было достать швабру, чтобы пройтись по полу, но парень остановил:

— Оставь, я сделаю.

— Правда? Спасибо. — И прошмыгнула к выходу.

Хагос, лучше бы злился, как раньше. Когда он такой добрый, мне прямо не по себе.

На пороге остановилась.

Парень возил шваброй по полу. Я вспомнила Ферна, второкурсника, вечно попадавшего на отработки декана, и невольно фыркнула.

— Чего? — обернулся парень.

— Как тебя звать-то?

Он вдруг закаменел, будто вопрос поставил его в тупик.

— Ярен, — все же ответил через силу, и голос внезапно охрип.

Ярен. Я покатала на языке, не произнося вслух. Непривычное имя, даже не понять, красивое или нет. Но ему оно странно шло, короткое, округлое, как обкатанная морем галька. Интересно, откуда он.

Спрашивать не стала, кивнула и вышла. Но улыбка почему-то не сходила с губ.

* * *

Турнирная таблица, начерченная тушью на плотном листе бумаги, висела у входа на трибуны. Сверху вниз теснились имена, от них шли ветки, окрашенные зеленым (проигрыш) или красным (победа). Вот и мое имя с изломанной линией влево, к полуфиналу. А мой следующий соперник...

Вчера после животновода я так вымоталась, что даже не осталась посмотреть, как там другие. И зря. Линия, соединяющаяся с моей, вела к тщательно выписанному имени — Висперина Халлер.

Я зло щелкнула языком. Оказывается, эта дрянь тоже выстояла три боя. Интересно, честным путем? Или тоже применяла какие-то

хитрые заклинания, разве что осторожнее, чем болван Хаунд? Впрочем, сегодня я это выясню.

Предстоящей схватки не боялась. Пусть Висперина и ар-теранна, клановая, пусть целители сильные противники, но я слишком много тренировалась с Хеном, чтобы проиграть первокурснице. Тем более у меня есть Хранитель.

Предчувствие легкой победы горячило кровь. Я представляла себе злобную гримасу на мелком личике и чувствовала дрожь удовольствия внутри.

Висперина натравила на меня Хаунда, с легкой душой отдала приказ избить Вейна, пыталась и меня поймать целой командой. Небось, думает, что все сойдет ей с рук. Воображает, что я не знаю, кто за всем этим стоит? Она у меня попляшет!

Глянув на другую половину турнирной таблицы, с радостным удивлением отметила, что Вейн тоже продвигается вполне успешно. Этак мы с ним и в финале можем столкнуться, и это уже будет серьезный бой. Вейн не чета целительнице-неженке. Вспомнила, как проиграла ему в дуэли на луках. К счастью, сражаться я буду не луком, иначе шансов бы вообще не было.

— Сатьяна.

Обернулась и увидела Имсена. Он казался встревоженным. Поманил и, не дожидаясь меня, отошел в сторону. Когда я в недоумении приблизилась, протянул небольшой круглый медальон на цепочке. Золотой, с защитным знаком на крышечке и рубиново-алым камнем в центре знака.

— Что это? — Взвесила медальон в руке, он был легкий, но испускал довольно сильный шлейф магии.

— Просто подумал, что ты не прячешь свой меч, а ведь он не простая безделушка. Рано или поздно кто-нибудь обязательно заметит. Не нужно привлекать внимание. Артефакт поможет изменить облик меча, не меняя сути.

В первый миг, хотела сказать, что меня уже научили прятать настоящую форму Хранителя, но потом подумала, что маскировочный артефакт — это же очень удобно, смогу использовать меч полностью, со всей эффективностью, а не на три четверти. К тому же медальон был красивый и сразу пришелся мне по душе. Но, помедлив, вернула его, вздохнув.

— Спасибо, но я не возьму. Дорогой подарок.

Имсен покачал головой, накрыв мои пальцы ладонью, заставил сжать прохладный металл.

— Если хочешь, можем считать, что даю его взаймы. Как будущему члену команды.

Я еще некоторое время сомневалась, но от такой заботы на душе стало теплее. Я ведь пока не сказала твердо ни «да», ни «нет», а меня уже считают частью команды. И это не было навязыванием — выбор оставался за мной.

И я кивнула. Ладно, хотя бы испытаю артефакт, а потом его в любой момент можно будет вернуть.

К слову, сам Имсен выглядел так, что хотелось позаботиться как раз о нем: глаза лихорадочно блестели, под ними залегли синяки, словно он не спал всю ночь.

— Ты в порядке? Выглядишь не очень здоровым.

Парень вопросительно вскинул брови, потом кивнул:

— Да, всю ночь снилась какая-то ерунда. Ничего страшного. Я уже выпил укрепляющий настой.

Ну да, конечно, он же целитель. Если что, сам себя вылечит или попросит сокурсников. Я снова посмотрела на артефакт. Покачала, любуясь алым огнем в рубине.

— Как им пользоваться?

— Достаточно повесить на шею, он сам все сделает.

Варр аккуратно вынул из моих пальцев цепочку и через голову надел мне на шею. Поправил, потом, покачав головой, убрал под воротник куртки.

— Спасибо, — отозвалась я.

Медальон мгновенно согрелся и ощущался маленьким солнышком.

— Не стоит благодарности. — Имсен улыбнулся, глаза засияли теплым медово-карим светом.

— Сатьяна! — От резкого окрика вздрогнула, и тут же между мной и Варром вклинился парень.

Узнав Карина, я оторопела. Он-то что здесь делает?

Насмин мельком резанул целителя недобрым взглядом, схватил меня за руку и молча потащил за собой. Я пыталась вырваться, но он сжимал крепко, почти причиняя боль.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— А мне с тобой — нет! — крикнула, мгновенно загораясь обидой.

Карин, не реагируя, вел меня вдоль забора стадиона. Когда мы достаточно удалились от входа, остановился.

— Ты твердо решила? Пойдешь на межкакадемические?

Он все еще держал меня за запястье, и я дернула руку. На этот раз он отпустил, привалился спиной к забору и смотрел на меня — уже не зло и враждебно, а пристально, ожидая ответа.

Отвечать не хотелось, я все еще пылала обидой. И за Имсена, на которого ни с того ни с сего окрысились, и за себя — я не кукла, чтобы таскать меня туда-сюда за руку. Да и отголосок недавнего не забылся, когда Карин сказал, что из меня не выйдет лидера команды.

И тут я услышала неожиданно мягкое и с щемящими сердце нотками вины:

— Извини. Я был не прав.

Изумленно выдохнула: ожидала всего на свете, но только не извинений.

— Не возражаешь против моего участия? — Он покачал головой. — И не считаешь, что я слаба? — Подозрительно сощурилась.

— Не считаю, — Карин слабо улыбнулся, — и никогда не считал. Прости, я просто разозлился. — Он протянул руку. — Мир?

Не торопясь ее пожать, внимательно вгляделась в прозрачные зеленые глаза и спросила:

— И что, никаких условий?

Карин на миг отвел взгляд, потом снова уставился на меня.

— Раз ты сама об этом заговорила... Когда межкакадемические закончатся... поедешь со мной к нам? В клан? Познакомишься с моими родителями, другими родственниками.

Едва появившаяся улыбка сползла с моего лица. Закружило в водовороте паники. Домой к Карину? Я не готова. Мы ведь не настолько серьезно встречаемся. Вернее, не настолько долго, чтобы... и вообще это звучит как-то тяжело... Но ведь Карин извинился, пытается загладить размолвку. И не факт, что поездка к нему домой что-то значит. Не свадьба же, даже не помолвка. К тому же там будет

Вейн. Это просто визит к друзьям, зачем сразу воспринимать как нечто значимое. А до лета далеко, многое может случиться.

И я кивнула.

Карин просиял. Поймал меня за руки, притянул к себе и, кажется, вознамерился поцеловать. Я оглянулась по сторонам, не желая, чтобы кто-нибудь нас видел, и напоролась на знакомый голубой взгляд. Ярен стоял у ворот и смотрел, как назло, в нашу сторону.

Отпрянула от Карина, как от грозящей поглотить меня пропасти, сама не понимая, почему так сильно колотится сердце.

— Извини, меня, похоже, зовут. Скоро мой выход, — затараторила, сама подалась вперед, легонько целуя Карина в щеку.

Он попытался удержать, но я выскользнула из его рук и со всей скоростью помчалась — нет, не к воротам, рядом с которыми уже не было Ярена, а к флигелю для участников.

На поле боя Висперина появилась в платье в пол. В роскошном, бежево-золотистом, словно собралась на бал, а не на турнир. Длинные светлые волосы поддерживал венец с крупным сапфиром надо лбом. Явно какой-то артефакт.

Оторопев от ее облика, глянула вниз, на ноги. Наверное, увидев туфли на каблуках, не сильно бы удивилась. Но нет, на ней были сапожки на плоской подошве. Правда, тоже изящные, перетянутые ремешками и украшенные меховой оторочкой.

Вот это нарядилась!

Понятно, что многие целители предпочитают сражаться на расстоянии, атакуя заклинаниями, ведь и в реальном бою чем дальше они от цели, тем меньше вероятность попасть под удар. Но наряд Висперины походил на вызов: мол, уделаю тебя, не подпустив ни на шаг. Обычно маги на турнир одевались просто и удобно, наверняка придется хорошо побегать и покрутиться. Неужели так сильно недооценивает меня? Даже обидно.

Дали сигнал, и я сорвалась с места, когда последние ноты еще не успели отзвучать. Однако сразу споткнулась: ноги переплели темно-зеленые лианы. Целительская магия. Не паникуя, ждала, пока она развеется. Нет смысла тратить заклинания, эти чары держатся недолго. Пока стояла спутанная, Висперина сплела атакующее заклятие, кинула в меня. Целительская магия не очень сильная, похожа на магию

животноводов, так что я и ухом не повела. Только наблюдала за резервом, чтобы не обнаружить внезапно, что там уже на доньшке. Едва «трава» истаяла, снова бросилась в атаку, но не успела и пары раз взмахнуть мечом, как снова запуталась в лианах, а Висперина, отбежав, читала заклинание.

Безрезультатные перетягивания каната продолжались с минуту. Я подбегала, наносила урон, с удовольствием наблюдая, как искажается от боли крысиное личико. Потом стояла в «траве», пока Висперина лихорадочно лечилась. Атаковать она практически не успевала, каждый мой удар сносил ее защиту полностью, и все что она могла — лечиться и ставить новые щиты.

Потом мне это надоело, я увеличила скорость и, не давая ей подлечиться, оказалась рядом. Она прошипела что-то сквозь зубы и вдруг улыбнулась. Это было так неожиданно, что я напряглась. Грядет какая-то подлость?

И когда Висперина подняла руку с явным намерением использовать какую-то мощную магию, я подгадала под этот момент одно из своих самых сильных защитных заклинаний. И ничего не произошло. Для Висперины это, похоже, стало сюрпризом. Голубые глаза расширились, рот приоткрылся от изумления. Она повторила жест — и снова без результата.

Опомнившись, я бросилась в атаку.

— Нет! Стой! — завизжала противница.

Ну да, конечно! Серебряное лезвие взмыло в воздух. Ударило. Потом еще и еще.

Девушка изворачивалась, лечила себя, пыталась убежать, спутывала мне ноги, но было ясно, что бой за мной. Еще минута, и над полем прогремело мое имя.

От злости Висперина шипела что-то непотребное, а когда к ней подошли целители, оттолкнула парня, пытавшегося ей помочь, и на остатках резерва сама себя залечила.

Я же, позволив целителям хорошенько надо мной поработать, во время перерыва предавалась размышлениям. Что за заклинание пыталась применить Халлер? И почему не подействовало, ведь похоже, она делала ставку именно на него. Очередное смертельное заклятие? Я передернулась, вспомнив тарантула и ту дикую боль.

Но сейчас вряд ли. После эпизода с Хаундом выступающих проверяют тщательно, не пропускают артефакты с повышенным магическим уровнем. Кроме оружия, конечно, оно допускается без ограничений.

Так ничего дельного и не придумав, пожала плечами. Что бы Висперина ни пыталась предпринять, у нее не вышло. Вот и славно. Сделаю зарубку на память. Жаль, Вейн больше с Халлер не встречается, было так здорово иметь шпиона.

К слову, Вейн как раз выходил на поле. Его противником был Ристар, боевик со второго курса. На одиночном турнире он и еще один студент разделили первое место: по тринадцать побед из семнадцати схваток.

За боем Вейна и Ристара я следила, затаив дыхание. И понимала, что мне придется туго.

Ристар двигался отлично, почти не делал ошибок, но Вейн был лучше. Он не подпускал противника к себе, не давал шанса атаковать, умело расставлял ловушки, так что во время действия своих самых эффективных заклятий Ристар то застревал во внезапно выросшей под ногами цепляющей колючками траве, то дрых под наведенным сном, то под «черным песком» беспорядочно тыкал мечом в пустоту, не видя противника.

В груди нарастало предвкушение. Вейн победит, сомнений нет. Он и будет моим противником. Вот это схватка предстоит, настоящий финальный бой! Победитель и в самом деле сможет представлять академию на межакадемических.

Может, если я проиграю, Имсен возьмет в команду Вейна? Если так, с огромной радостью стану болеть за него!

Исход боя решился быстро, так, как я и предполагала. А после короткого перерыва объявили финал.

Когда я вышла на поле, Вейн уже стоял у другого края арены. Увидев меня, приветственно поднял руку. Он как обычно был весь в черном, и солнце играло на пряжке его пояса, на серебряном амулете на груди и на полированном древке лука.

Я расплылась в улыбке. Кровь побежала быстрее, пальцы потеплели от волнения. Вот бой, где можно не ожидать подлянки. Где необходимо выложиться полностью, а победит только тот, кто по-настоящему этого достоин. Без грязных приемов, без запрещенных

артефактов, без оскорблений. Бой с сильным противником, а не избивание младенцев.

Запел рог, разнося далеко над полем пронзительные ноты, и я ринулась вперед — знала, первым придет замедление. Лучники всегда стараются уменьшить скорость противника. Главное в бою с ними — вслед за замедлением не позволить накинуть на себя «запрет», иначе я целых двадцать секунд не смогу использовать магию. А для умелого лучника двадцать секунд — целая прорва времени, нашьпигует стрелами так, что не выдержит ни одна защита.

Вейн поступил, как и ожидала: «замедление», «черный песок» — вот сейчас будет «запрет»! И за миг до того, как он меня настиг, я использовала «святое избавление».

Есть! Заклинания нейтрализовали друг друга.

Хищно оскалившись, сбросила заранее подготовленным приемом чужие заклинания и устремила к противнику. Вейн отступал, поливая меня стрелами, но двигался не так легко, как всегда. Странно... Вот сделал ошибку, позволив мне приблизиться и метнуть «дротик Ариса», а вот пропустил другой магический удар, хотя наверняка мог увернуться.

Устал? Переволновался? Или я настолько хороша? Не верю!

Впрочем, размышлять в бою о посторонних вещах — прямой путь к поражению. Воспользовавшись очередной ошибкой противника, настигла его. Взмах, сияние лезвия... Припав на колени, Вейн попытался увернуться, но там, куда он дернулся, «врага» ждал мой воздушный щит. Оглушить резким ударом, сделать подсечку, добавить магией... Вейн растянулся на песке, мгновенно потеряв почти половину резерва. Вскочил, но я тут же притянула его «удочкой». «Молот Аррага», решающий удар...

И только глянув в широко раскрытые зеленые глаза, я наконец все поняла. И почему победила так легко, и причину стольких ошибок. И почему с Ристаром он показал себя блестяще, а со мной сдался так быстро и позорно.

Это был не Вейн. Я сражалась с Каринном.

Запел рог, объявляя конец боя. Снова кричали мое имя, но вокруг меня будто тугой кокон тишины образовался, и я не слышала ничего, кроме лихорадочного стука собственного сердца.

Губы еле вымолвили:

— Зачем?..

Карин выпрямился, опираясь на лук, — еще одно отличие, этого никогда бы не сделал Вейн. Отозвался хриплым сорванным голосом:

— Ты же сказала, что хочешь попасть на межакадемические.

— Я хотела сделать это своими силами!

Подоспели целители, меня омыла чужая магия. Перестали саднить многочисленные раны, ныть мышцы, ушла усталость. И, будто на контрасте, все глубже разверзалась рана в душе. Было так больно, словно меня скручивала и ломала неведомая сила. Так больно, что я с трудом удерживалась от слез.

Карин смотрел непонимающе.

— Теперь ты точно попадешь в команду. Ты же именно этого хотела!

Он не поймет...

Нас окружили, развели в стороны. Я шла как в бреду, механически переставляя ноги, краем глаза видя, как бушуют трибуны, в воздух взлетают магические цветы, и лепестки, кружась, осыпаются на песок арены, чтобы сразу растаять.

Как стыдно... Какое позорище, жалкий фарс. И это финальный бой, которого я так ждала? Который должен был стать украшением турнира? Стыдно перед болельщиками, жаждавшими настоящего зрелища, стыдно перед Бейном, которого Карин уговорил поменяться, почти наверняка заявив, что иначе у меня нет шансов. Возможно, это была правда, но я бы лучше двести раз проиграла сама, чем победить благодаря подмене.

Хагос, Карин, ну зачем...

Церемонию окончания турнира и чествования победителей я простояла, упершись взглядом в землю. Карин несколько раз пытался заговорить, но я игнорировала, и в конце концов он сдался. Правда, не полностью. Когда все закончилось, он шагнул ко мне и попытался взять за локоть. Он злился и намеревался утащить меня в тихий уголок для бурного выяснения отношений, а я не хотела ни ссориться, ни тратить время на бессмысленные вещи, так что быстро увернулась от протянутой руки и юркнула в толпу.

— Сатьяна!

Обернулась. Рядом с небольшой группкой старшекурсников стоял Имсен Варр и махал рукой, подзывая меня.

Нехотя подошла.

— Хочу представить тебе команду, — Имсен сиял, — ты ведь с нами?

Кивнула и с любопытством уставилась на компанию.

Их было трое, не считая капитана, — лучник, магичка и еще один парень с белыми знаками целительского факультета, но одетый в темно-коричневое и увешанный артефактами: на голове у него красовался цилиндр, целиком состоявший из вращающихся шестеренок, от ноздри к уху шла золотая цепочка. На нос он водрузил очки с половинками стекол, постоянно менявших цвет, мигавших, покрывавшихся письменами, — и как он что-то сквозь них видит?!

— Это Сатьяна, — объявил Имсен, открыл рот, собираясь представить мне членов своей группы, но странный целитель вмешался.

— Сатьяна Сантерн. Девочка, от которой сбежал муж, — сказал он с ухмылкой, и я подумала, что мы не подружимся.

Наступило неловкое молчание.

Знала, конечно, что слухи ходят разные. Кто-то видел, как я носила сережку, кто-то знал, что мы с Хеном жили вместе. У старшекурсников многие лекции и практические занятия не разделялись по факультетам, так что кое-какая информация могла просочиться и от братьев. Поэтому то, что он знает, меня не удивило. Но и приятным не было.

Магичка острым локтем ткнула парня в бок, лучник наступил ему на ногу, а Имсен укоризненно нахмурил брови:

— Райв, который раз повторяю, сначала думай, а потом говори.

Райв все с той же ухмылкой развел руками, а магичка крепко пожала мою ладонь.

— Не обращай внимания на этого придурка, он вечно как ляпнет... Удивляюсь, как я его до сих пор не прибила. Это Райв, наш артефактор. А меня зовут Иллейне. Приятно познакомиться, Сатьяна.

Меня заворожили ее живые карие глаза с необычным фиолетовым оттенком. Внешне Иллейне не красавица, но эти глаза с лихвой искупали и длинный нос с горбинкой, и тонковатые губы. Фигурка магички — с тонкой талией, затянутой ремнем, и длинными

стройными ногами тоже была привлекательной. Ногам я особенно позавидовала: мои собственные всегда казались мне слишком короткими.

Впрочем, внешность оценила мимоходом, куда больше меня заинтересовали слова.

Артефактор! Вот почему Райв так странно одет. Артефакторы, как и зельевары, только формально были приписаны к факультету целителей и носили их цвета, а на деле отличались от однокурсников, как небо от земли.

Артефактор в боевой группе — редкость. Я окинула Райва уже другим взглядом. Видимо, очень силен, раз его оставили в команде. И поведение парня теперь казалось более понятным — артефакторы были слегка не от мира сего. Неудивительно, когда большую часть жизни общаешься не с людьми, а с предметами.

— Я Лиссен, — следующим пожал мне руку лучник. Он был не очень высок и как девчонка узок в плечах. — Учусь вместе с Ласом. Слышал о тебе.

Имсен легонько хлопнул меня по плечу, ободряя. Иллейне встала рядом, словно собиралась взять под руку, — она оказалась немного выше меня, но не так сильно, как Лидайя.

— Ну что? — весело сказала она. — Как насчет того, чтобы смотаться в город и отметить знакомство?

— Отличная мысль, — подхватил Имсен. — Сатьяна?

— Не возражаю, — улыбнулась немного растерянно.

Было неожиданно, но приятно вдруг ощутить себя частью сплоченной команды. Тем более приятно, что их, кажется, не беспокоила мысль, которая постоянно снедала меня: что я первокурсница, младше их на два года и что у меня почти нет опыта.

Тут Иллейне округлила губы и глазами показала Имсену на что-то за моим плечом. Тот обернулся, поморщился, будто увиденное его не обрадовало. Протянул:

— А-а...

— Надо, наверное, и Сатьяну с ним познакомить, — сказала Иллейне.

Я тоже оглянулась, но мы стояли в толпе, люди сновали туда-сюда, и за чужими спинами непонятно, о ком речь. А в следующий

момент рядом раздался голос, от которого по коже хлынула волна мурашек.

— Вижу, команда в сборе?

Ярен уже стоял рядом с Варром, засунув большие пальцы рук за пояс, хмурился, поглядывая свысока. По мне мазнул мимолетно, но даже от одного этого взгляда по позвоночнику словно острым гребнем провели.

— Да, — нехотя буркнув, Имсен повернулся ко мне. — Ну... вот и последний член команды, если так можно сказать. Наш тренер, Верес Даг.

Ярен кивнул, поздоровался сухо, как незнакомец. Я смотрела на него во все глаза, ничего не понимая. Какой еще Верес Даг? Разве его зовут не Яреном? И... Хагос, он наш тренер?!

Для посиделок мы выбрали харчевню, известную среди студентов: во-первых, своим близким расположением, во-вторых, дешевизной и, в-третьих, огромными порциями.

А моя команда, как успела выяснить, обожала пожрать. Благодаря этому я сразу почувствовала себя как рыба в воде. Что-что, а в клане Сантерн набить брюхо тоже любили. Помимо еды почти все парни налегали на пиво, Иллейне, к моему удивлению, им не уступала, и только мы с Имсеном скромно цедили шипучий сидр. Капитану, похоже, все еще было не по себе, глаза болезненно блестели, он то и дело тер лоб. Но когда я спросила, все ли с ним хорошо, виновато улыбнулся и развел руками.

— Извини, что порчу веселье. Думаю, уже завтра все будет в порядке. Если нет, пойду к нашему декану, и она вставит мне по первое число, что сам не смог себя вылечить.

Он засмеялся, я из вежливости улыбнулась. Но потом Имсен откинулся на стенку и прикрыл глаза, будто задремав. Решила его не беспокоить, если всю ночь не спал, ему даже крики и шум в зале не помешают сейчас заснуть.

В сторону Ярена, названного Вересом, старалась не смотреть, но постоянно ощущала его присутствие. Он сидел с другой стороны стола наискосок от меня, так что, как ни старалась, в поле зрения попадали то его широкое, охваченное ремешком амулета запястье, то пальцы, скользящие по толстостенной глиняной кружке с пышной шапкой

пены. Попутно прислушивалась к разговору, да и сама участвовала по мере сил.

Выяснилось, что Вересу двадцать два, он сам не так давно закончил одну из академий в соседней земле и собирается стать преподавателем. А пока ему предложили место тренера у нас. От таких предложений не отказываются, вот он и приехал. Живет в общежитии для приглашенных команд и контрактных преподавателей.

Сидр взял свое, я расслабилась и наконец позволила себе уставиться на тренера в открытую, недоумевая, почему он назвался другим именем? Может, их вообще двое, как Карин с Вейном? Или у него двойное имя, хотя у нас они не приняты? Наверное, проще всего было бы спросить напрямую, но мне не хотелось ни выдавать нашего знакомства, ни называть его Яреном при всех. Почему-то казалось, его это не обрадует.

А он, разговаривая с другими, тоже то и дело на меня косился. Каждый такой взгляд покалывал кожу, заставлял беспричинно улыбаться. Я прятала улыбку за кружкой и отводила глаза. Внутри зарождалась дразнящая щекотка, волнение горячило кровь.

Когда сидр потребовал выхода, едва выползла из-за стола. Вроде и выпила не много — или мне так казалось, но комната почему-то кружилась перед глазами. Я засмеялась, чуть не свалила стеклянную башню из пустых кружек на соседнем столе. Сзади тоже захихикали, Райв отпустил дурацкий комментарий, и я решила, что дело так не пойдет и гордо распрямила плечи. Послышался скрежет ножек стула по полу, кто-то вполголоса бросил: «Я прослежу». Почему-то стало тепло, по спине промаршировали мурашки. Безотчетно захотелось убежать, но так, чтобы догнали.

Впрочем, требовательный позыв тела тут же напомнил, зачем вообще встала, и я устремилась к дамской комнате. А выйдя оттуда, обнаружила, что меня караулят. В коридоре стоял Верес, расслабленно привалившись к стене, одна нога прямая, другая, согнутая в колене, упирается в стенку. Он уставился в пространство, но, услышав скрип двери, повернул голову.

Память сыграла дурную шутку, наложив картинку из прошлого, только вместо Ярена был Хен. Тупо заболело в груди, но... Странно, раньше такие воспоминания скручивали в бараний рог, а сейчас только сердце сжалось до невозможности дышать — и отпустило.

— Все в порядке? — Ярен окинул меня внимательным взглядом.

Хмель еще не отступил, я чувствовала себя смелой и на все способной. Наверное, поэтому без вступления заявила:

— Ты меня обманул! — Он настороженно молчал. Шагнула к нему, свирепо ткнула пальцем в грудь: — Ты сказал, что тебя зовут Ярен! А тебя зовут Верен Дас! Венер Дар! Вернер...

— Верес Даг, — поправил он с легкой улыбкой. — Верес — имя, Даг — фамилия.

Слова пропустила мимо ушей, впервые увидев, как парень улыбается — по-настоящему, а не усмехаясь, — и застыла, рассматривая необычное зрелище. Лицо смягчилось, в глазах появился человеческий блеск, Ярен мгновенно стал ближе и как-то роднее. Почему он не улыбается всегда? Если бы он знал, какое действие оказывает, даже спал бы с улыбкой.

— Хагос, ты набралась, — насмешливая реплика вернула меня в настоящее.

— Вовсе нет!

— Вовсе да, — передразнили меня.

Я гневно фыркнула, намереваясь снова ткнуть его в грудь, но он перехватил мой кулак и мягко отвел. И продолжал смотреть на меня с улыбкой, а в глазах плясали искры того же хмельного безумия, что владело и мной. Отпустил мою руку и коснулся теплыми, чуть загрубелыми пальцами лица. Я затаила дыхание. Касание было удивительно нежным, как будто парень сам боялся того, что делал. Смотрела на него и не понимала, что со мной творится. Одно лишь осознала, что, кажется, хочу, чтобы он меня поцеловал.

И он будто поймал это желание, втянул ноздрями воздух, словно ему нечем было дышать. Глаза потемнели, я падала в них, и эта пропасть была бездонной.

И тут из шума и гама общего зала выглянул Имсен.

— Все в порядке?

Я отпрянула от Вереса, как от огня. Припала к стене, приложила руку ко рту, нервно засмеялась. Тренер бросил на меня быстрый взгляд, повернулся к Имсену.

— Да. Сатьяна немного перебрала, но я присмотрю за ней.

Капитан втянулся обратно.

Замотала головой, все еще трясясь в нервном хохоте. Хагос, это какая-то ерунда. Я и правда набралась, да так сильно, что странные вещи стали мерещиться. Например, что Верес хочет поцеловать меня.

Он шагнул ко мне, желая помочь отлепиться от стены. Выставив перед собой руку в жесте отрицания, с трудом промямлила:

— Наверное, ты прав. Пойду-ка лучше домой.

— Провожу тебя.

Тон не предполагал возражений, я и не стала зря тратить время, только пожала плечами: мол, делай как знаешь.

Харчевня находилась близко от академии, и мы решили идти пешком. Вернее, я настояла. Недолгая прогулка поможет проветрить голову, а темнота и теснота кабинки извозчика — плохие друзья для девушки, которая по пьяни чуть не набросилась на парня с поцелуями.

И у меня вообще-то есть Карин.

Запоздалое раскаяние отрезвило почти сразу, и пятидесяти шагов не успели пройти. Точно, хагосовы твари, Карин. Нельзя заглядываться на всяких дурацких голубоглазых парней. Сначала нужно поговорить с ним. Поговорить и сказать... что хочу расстаться.

Погрузившись в невеселые мысли, почти забыла, что иду не одна. Вздрогнула, когда ночную тишину прорезал голос Вереса:

— Хочу тебе кое в чем признаться. — Такое начало насторожило. Подозрительно глянула на спутника, а он продолжал: — На самом деле... меня правда зовут Ярен. Здесь я под чужим именем. Только об этом никто не должен знать.

Даже в темноте, которую ничуть не рассеивали редкие фонари, было заметно, сколь пристально он смотрит. Согласно покивала, хотя признание ошарашило. Хагос, и этот притворяется кем-то другим? Но хотя бы обман направлен не на меня.

Блеснула догадка.

— Это как-то связано со шпионом?

— Подробнее сказать не могу, но да, связано.

Внутри что-то довольно заурчало. Значит, не соврал. Даже наоборот. Только мне сказал правду, тем самым отличив от всех. Доверился. Это было до мурашек приятно.

— Хорошо, не буду расспрашивать, — изрекла великодушно.

Он тихо усмехнулся:

— Премного обяжешь.

Некоторое время шли молча. Я думала о Ярене, о том, что он скрывает, почему вынужден так поступать. А потом мне захотелось чем-то ответить на его откровенность. Наверное, сидр не до конца выветрился из головы, потому что единственным, показавшимся подходящим, стало признание:

— Я была замужем.

Ярен не удивился, и у меня неприятно заныло сердце. Так и думала, что он в курсе. Какие еще слухи обо мне ходят? Впрочем, Хагос с ними, не хочу этого знать.

— Какой он был? — тихо спросил Ярен. — Твой муж.

Какой? Вопрос смутил. А еще казалось странным рассказывать о Хене кому-то. Тряхнула головой.

— Не знаю. Дело в том, что все, что я знала о нем, оказалось неправдой.

Грудь стиснуло от застарелой обиды. Трудно говорить о сокровенном и засевшем так глубоко внутри. И вообще зря я начала. А если Ярен попросит рассказать подробнее?

Но он после недолгой паузы спросил:

— Ты его ненавидишь? Злишься?

Еще один нелегкий вопрос. Ответила, медленно подбирая слова:

— Знаешь... сначала ненавидела и злилась, потом поняла, что просто была наивной дурочкой, было бы странно не воспользоваться. Так что некого винить, кроме себя.

Он ничего не ответил, смотрел в сторону. Потом вдруг протянул руку, нашел мою ладонь, крепко сжал. Остановился, заставив и меня притормозить, и серьезно сказал:

— Ты заслуживаешь куда лучше, чем он.

От прикосновения меня опять кинуло в жар, побежали мурашки. Я зажмурилась, чтобы не смотреть в лицо, потому что бездна его глаз затягивала меня с головой.

— Хагос!

Теплая рука разжалась, оставив смутное чувство потери. Я открыла глаза и увидела перед собой широкоую спину, а в небе — силуэты сотканых из беззвездной тьмы гончих.

Их было шесть, по трое с каждой стороны. Огромные, медленно плывущие по воздуху, окутанные шлейфом тоски, ужаса и отчаяния.

Они не торопились, уверенные, что загнали добычу в ловушку.

Это были не просто твари, а одни из самых опасных, охотящихся стаей, действовавших как единый организм.

В лицо дохнуло леденящим запахом смерти.

— С двумя справишься? — резко спросил Ярен.

— Да.

Сердце забилось сильнее, но усилием воли я заставила себя успокоиться. Подумаешь, твари в городе, завтра будем выяснять, как они здесь очутились, как прорвались через защитный барьер. Сейчас нужно их уделать. Я знаю, как с ними сражаться, изучала, их слабые места — живот и шея. Я в курсе, что смертелен любой их укус, и знаю, как этого не допустить.

И со мной мой Хранитель.

Взмахнула рукой, призывая его.

Только вместо отклика на меня навалилась глухая чернильная пустота. словно между реальностью и миром Хранителя возникла непреодолимая стена, и мой призыв бьется в нее, не в состоянии пробить.

Хагос, что за!..

И тут я вспомнила. Такое уже было.

Было, когда на меня напали в зале, вызвав под предлогом встречи с Хеном... Когда пытались убить. Значит, и эти твари здесь неспроста. Их натравили на меня — и тот, кто натравил, позаботился о том, чтобы я не могла воспользоваться Хранителем.

Меня бросило в озноб, выступил ледяной пот. Безоружная, против двух тварей... Не только не смогу помочь Ярену, я утащу его на дно. Пусть некоторое время можно отбиваться магией, но без меча силы быстро кончатся. Единственный выход — бежать. Если мы бросимся в разные стороны, возможно, они растеряются. Возможно, кто-то один из нас выживет.

— Меч! — обернувшись через плечо, крикнул Ярен страшным голосом.

Его собственный меч полыхал во мраке, бросая отблески на лицо.

Я закричала в ответ:

— Не могу призвать его! Надо разделиться!

Теперь он повернулся полностью, а вокруг нас закручивался вихрь, создавая плотную стену. Твари бросались на нее и, взвизгивая,

отлетали. Я узнала одно из защитных заклинаний, но надолго его не хватит, это лишь отсрочка.

— Не знаю, в чем дело, — старалась перекрыть рев ветра, — будто глухая стена!

Ярен выругался сквозь зубы, глянул на небо — твари выстраивались клином. Кажется, решили пожертвовать одной псиной, чтобы проникнуть к нам. Вот чем опасен общий разум: ему не страшно лишиться составной части, он живет, пока жива последняя из них. Впрочем, если они подождут еще немного, им даже жертвовать никем не придется: защитный вихрь истончался на глазах.

Хотела повторить, что надо разделиться, но не успела. Ярен схватил меня за руку и сорвался с места.

Я приложила все силы, чтобы не отставать. Бежала со всех ног, хоть и недоумевала зачем. Ладно если бы была людная улица — но мы на горной дороге с редко расставленными фонарями, по обеим сторонам лес и лишь кое-где попадались полуразвалившиеся сараюшки. Если мы и заберемся в такое укрытие, никто нам не поможет. Даже наоборот, резоннее оставаться на дороге, есть шанс, что появится какая-нибудь загулявшая компания студентов.

Но Ярен целеустремленно слетел с дороги и, безжалостно разрубая путавшую ноги траву, бросился к темной коробке заброшенного дома. Ногой проломил дверь, ввалился в обнимку со мной и буквально в последний момент поставил щит. Первая из гончих с глухим воем ударилась о золотистую полупрозрачную стену, следом подоспели другие. Черные морды грызлись, пытаясь попасть внутрь, но защита пока держалась.

Внутри было темно. Я зажгла светляк, и мрак отступил к стенам безжалостно пожранного сыростью и плесенью помещения, давно оставленного людьми. Прогнивший пол держался на честном слове, а кое-где и не держался: из зияющих черных дыр доносилось попискивание крыс.

Но зато я поняла, почему Ярен притащил нас сюда. На открытом пространстве мы были беззащитны, тут же гончие не могут напасть на нас всей кодлой. Окна забиты досками, единственная дверь затянута защитой. Но рано или поздно защита лопнет, и рассчитывать придется только на себя. Если Хранитель так и не ответит на призыв, временное укрытие станет ловушкой.

Ярен повернулся ко мне:

— А теперь выкладывай. Что ты пила, ела? Что от кого принимала в подарок или взаймы? Участвовала в каких-нибудь ритуалах?

Я замотала головой. Сжала руки, чувствуя глубинную нервную дрожь. Без меча ощущала себя улиткой, потерявшей раковину: голой, с дрожащим желе вместо тела.

— Ничего такого не было... ела и пила то же, что и все. Днем все было нормально.

Гончие визжали и бесновались снаружи. У двери остались двое, остальные, видимо, облетали дом в поисках отверстия, чтобы пробраться внутрь. В оконную щель просунулись оснащенные кинжальными когтями лапы из беззвездного мрака. Я отпрыгнула, машинально воззвала к мечу и... снова уткнулась в глухую пустоту.

— погоди, стой смирно, дай проверить.

Ярен, опустив сияющий серебром меч, приблизился, из его левой ладони полился золотистый свет. Целительская магия? Да нет, он же боевик. Но я не знала такого заклинания у боевиков, больше всего оно походило на диагностику.

Сделала себе зарубку на память — спросить, что это за чары. Если мы, конечно, выживем. Но парень действовал спокойно, не проявляя страха, и мне стало казаться, что он обязательно что-нибудь придумает. С отчаянной надеждой уставилась в его сосредоточенное лицо.

Рука, из которой лился золотой поток, остановилась напротив моей груди. Ярен нахмурился, и в следующий миг я вскрикнула от боли: висящий на шее амулет раскалился, засиял алым сквозь одежду. Поспешно сдернула медальон с шеи и вздрогнула, увидев, как из него черными змейками струится мрак.

Ярен выдернул артефакт из моих пальцев, подбросил в воздух и поймал кончиком меча. Цепочка скользнула по лезвию, остановилась у гарды. Приблизив покачивающийся амулет к глазам, парень нахмурился.

— Это он? — спросила прерывающимся голосом.

Кожу на груди, где ее касался медальон, все еще жгло.

Ярен только хмыкнул, сбросил амулет на пол и с размаху вогнал в него меч. Лезвие прошило его насквозь, словно не металл, а теплое

масло. В ушах завизжали тысячи душ, мрак брызнул от медальона, рассыпаясь в никуда. Снаружи взвыли гончие.

— Попробуй еще раз.

Ясно было, что речь идет о Хранителе. Перевела дыхание и, обмирая от страха, что меч все-таки не появится, осторожно позвала. Знакомый прилив сил вернее прочего сказал мне, что теперь все будет хорошо. От радости я забыла про маскировку, и вырвавшийся алый свет ослепил, запрыгал зайчиками по доскам, закружился искрами.

Даже Ярен вдруг улыбнулся. А гончие за стенами дома словно сошли с ума: выли, царапали крышу, стены трещали от ударов их тел.

— Готова? — Ярен перехватил свой меч поудобнее.

Я кивнула.

Из дома мы выкатились как два безумных смерча.

Первая пара гончих сдохла мгновенно. Потом Ярен бросил заклинание «ярости», и я остолбенела, глядя, как к нему разом метнулись четверо оставшихся, будто пиявки к брошенному в воду куску мяса. Вот это настоящий лидер. Пока он держал оборону, мне оставалось только наносить удары, так просто, как на тренировке с деревянными мишенями.

Несколько минут, и с врагами было покончено. Впрочем, я понимала: не будь у меня Хранителя, за время действия магии и одну гончую убить не успела бы. Еле переводя дыхание, остановилась рядом с парнем. Он выглядел как всегда спокойным и невозмутимым.

Составлявшая гончих магия развеялась, добычи у нас не осталось, но в наше оружие втянулось несколько мерцающих черных пылинок. Я с удовлетворением подумала, что Хранитель стал еще капельку сильнее.

Ярен в отличие от меня и при нападении не растерялся, и сейчас не выглядел расслабленным. Все та же собранность, словно нас в любую минуту могли атаковать снова.

— Кто дал тебе этот амулет? — резко спросил он.

Я не ответила, вспомнив измученное лицо Имсена и теплоту в его голосе, когда он принес мне медальон.

Небеса... Неужели Варр хочет меня убить?

— Сатьяна!

Вздрагнула как от удара хлыстом. Ярен впервые позвал меня по имени, и его голос слился в сознании с голосом Хена. Странно, меня

называли по имени тысячу раз, но раньше я никогда не вспоминала Хенная так явно. А сейчас будто окунулась в прошлое, как наяву увидела перед собой встревоженные синие глаза, падающую на лоб белую челку... Хагосов Хен! Когда же он меня оставит!

Ярен не унимался:

— Не молчи. Кто дал тебе амулет?

Я выдохнула, а потом резко, как с обрыва в омут, призналась:

— Имсен.

Ярен сжал челюсти. По непроницаемому взгляду было непонятно, что он думает, но, судя по всему, ничего хорошего.

— Имсен не виноват, — сказала твердо, — это какая-то ошибка. Или он сам не знал, что это за штука, кто-то обманул его.

Кажется, мне удалось зародить сомнение. Парень ничего не ответил, по-хозяйски взял меня за руку и повел к дороге. Я шла, путаясь в траве, и старалась не думать о том, что мне нравится ощущение его ладони — широкой, крепкой, какой-то надежной.

По пути молчали. Наверное, Ярен подозревал, что нападение повторится, и держался настороже, не убирая меч. Я тоже старалась следить за тенями, но думала о случившемся.

Кто-то охотится за Хранителем. Среди подозреваемых, во-первых, Имсен, вручивший под видом маскировочного амулет, глушащий магию призыва. Во-вторых — тот, кто воспользовался именем Хена и пытался убить меня в зале. Он использовал ту же или похожую глушащую магию, потому что тогда я тоже не смогла вызвать меч.

А еще есть Анс с его непривычно черными глазами и интересом ко мне, и ходят слухи об имерийском шпионе в академии. И есть Ярен...

Тайком взглянула на его профиль — такой суровый, словно вылитый из льда. Сладко екнуло сердце. Хагос, Сатьяна! Не влюбляйся, не совершай ту же ошибку: ты ничего о нем не знаешь. Может, и он охотится за твоим оружием?

Сладкая боль сменилась ноющей, а потом растворилась, когда я поняла, что ошибаюсь. Если бы Хранитель был нужен Ярену, он бы уже убил меня. В заброшенном доме ему представился подходящий случай.

— Этот амулет мне дали, чтобы убить меня и завладеть Хранителем, верно? — заговорила вслух, чтобы положить конец

мучительным сомнениям и переборам подозреваемых.

Спутник покосился на меня и снова стал наблюдать за окрестностями.

— Скорее всего, — бросил сквозь зубы.

— Но, чтобы завладеть им, убийца должен быть поблизости, разве не так?

— Он и был поблизости. — Мое сердце пропустило удар, а Ярен продолжал как ни в чем не бывало: — Скорее всего, наблюдал, оставаясь невидимым. Прятался среди деревьев или сидел в «тени», если он из какого-нибудь ночного клана.

— Но... — я остановилась, — Имсен не успел бы... он же остался с ребятами.

— Завтра узнаю, — жестко ответил Ярен. — Если выяснится, что алиби у него нет...

Прозвучало зловеще.

Я медленно тронулась с места, продолжая размышлять.

Значит, кто-то позаботился о том, чтобы я надела амулет. Призвал гончих. Следил за мной, выжидая, когда представится удобный случай. Скорее всего, хотел застать меня в одиночестве. Наличие спутника должно было спутать ему карты, но неизвестный все равно решился напасть. Видимо, на территории академии сделать это сложнее, раз он посчитал, что стоит рискнуть, не откладывая на следующий раз. Ну да, защита в академии мощная, вряд ли твари могут туда проникнуть. Значит, тот человек знал, что мы сегодня отправимся за пределы ее территории.

Неужели и впрямь Имсен?

Миновав ворота академии, мы оба расслабились. Я вздохнула свободнее, Ярен растворил меч, но руку мою не отпустил, будто забыл, что сжимает ее. Может, мне следовало высвободиться самой, но не хотелось привлекать внимание. Вдруг подумает, что мне неприятно?

А мне не было неприятно, наоборот: от сомкнутых ладоней шло тепло, горячило щеки, будоражило кровь, одновременно успокаивало и волновало. Странное ощущение...

Вспомнив про золотистый свет, лившийся из его ладони, спросила, пряча стеснение:

— Когда на нас напали гончие... ты диагностику проводил. Это же целительская магия, а ты боевик.

— А-а, — улыбнулся Ярен, — моя бабушка была целительницей. Меня воспитывала она, так что первые лет десять был уверен, что стану целителем.

— А почему стал мечником?

— Мечником была моя мать.

Меня насторожило слово «была».

— Она... умерла? Погибла?

На лицо парня нашла тень.

— Д-да, — ответил он с запинкой. — На деревню, где мы жили, напали твари... На диких землях. Я был еще совсем мелким. Они с отцом вышли на защиту селения. Не вернулись.

Он говорил ровно и спокойно, и только когда закончил, челюсти крепко сжались, выдавая его чувства.

Промолчала, не зная, что сказать. Слова соболезнования казались неуместными. Неуместным был бы и рассказ о моих родителях и проблемах с взаимопониманием.

Показалось здание общежития. Я запоздало вспомнила, что Ярен живет здесь же, и неуместно обрадовалась. Не придется расставаться у дверей, можно поговорить еще немного... или даже позвать его к нам на чай. К тому же надо решить, как будем вести себя, докладывая ли о нападении ректору, что будет с Имсеном...

Но все планы полетели в бездну, когда от дверей общежития навстречу нам черным маятником качнулся Карин.

Поначалу он обрадовался, увидев меня, но в следующий миг в его глазах появилось потрясение, потом злость. Я поспешно выдернула руку из ладони Ярена, но, боюсь, сделала только хуже.

Карин сжал кулаки. Я физически почувствовала исходящую от него волну темного, жаркого гнева. На меня он не смотрел — только на Ярена. И процедил сквозь зубы:

— Ты кто еще такой? Убери лапы от моей девушки!

— А по морде не хочешь? — отозвался тот низким, вибрирующим от ярости голосом.

Я остолбенела. Они оба походили на готовых сцепиться молодых зверей, глаза сверкали, зубы оскалены — вот-вот бросятся. Хагос, что

происходит?! Ладно Карин, я понимала его чувства. Но этот-то чего в драку рвется?

Торопливо метнулась между ними, положила руку Карину на грудь, сама повернулась к Ярену:

— Спасибо, что проводил! Теперь все будет хорошо. Увидимся.

Он зло щурился, но мои слова, похоже, дошли до его разума. Встряхнулся, как собака, уставился на меня. Глаза — острые, голубые — аж до печенок пронзили. Упрекали, требовали. Но я не могла ответить ни на требование, ни на упрек. У меня есть обязательства, пока что я еще встречаюсь с Кариним.

А тот стоял за моей спиной, я чувствовала, как бешено вздымается его грудь под моими пальцами.

Ярен кинул еще один быстрый взгляд на Карина, посмотрел на меня — и ушел, передернув плечами. Почему-то стало невыносимо плохо на душе, готова была побежать следом, остановить, сказать, что он неправильно понял, что на самом деле все не так...

Хлопнула дверь. Я выдохнула, повернулась к Карину и, не дожидаясь его слов, твердо глядя в зеленые глаза, сказала:

— Прости. Я хочу расстаться.

— Что?.. — теперь остолбенел Карин. Моргнул, непонимающе глядя. Только что пылал гневом, а теперь его переполняли сомнение и страх. — Что ты такое говоришь?

— Прости, — повторила.

Смертельно хотелось отвести взгляд, внутри все горело, сама себе казалась отвратительной. Но лучше так, лучше оборвать сразу, одним ударом, чем долго лгать и притворяться.

Карин схватил воздух ртом, кадык отчаянно дернулся. Парень смотрел и будто не верил глазам. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он глухо пробормотал:

— Не понимаю... Ты обиделась? Я... извини. Я просто сорвался.

Его глаза блестели страхом. А я чувствовала себя жалкой и слабой: и потому, что медлю, и потому, что не могу подобрать слова, и потому, что вынуждена делать ему больно. Потому что была так глупа и когда-то дала согласие.

— Карин, прости... Мы вообще зря начали...

— Не зря!

Что-то в нем переменялось. Понял, что не шучу и не испытываю его. Шагнул ко мне, сжимая кулаки. Я с трудом подавила желание отступить. Не то чтобы боялась, что ударит меня, но, когда над тобой нависает парень на голову выше тебя, чувствуешь себя неудобно.

Карин схватил меня за плечи, всмотрелся в лицо. Обычно прозрачная зелень его глаз потемнела и была полна отчаянной решимости.

— Ты его любишь? — спросил резко.

Я отрицательно мотнула головой.

— Я тебе противен?

Хагос, да он совсем с ума сошел. Снова покачала головой.

В глазах парня блеснула надежда, пальцы сильнее сжались на моих плечах.

— Тогда дай мне шанс, — зашептал он лихорадочным шепотом. — Сатьяна, пожалуйста. Я люблю тебя.

Меня заворожила глубина отчаяния в его глазах. Что скрывать, возможно, мне даже льстили чувства Карина. Раньше я не понимала, как сильно он влюблен, и осознание кружило голову. Самолюбие шептало: согласишься, скажи «да», смотри, он на все готов ради тебя. Зачем делать больно человеку, когда можно осчастливить одним словом?

Но, собравшись с духом, я положила ладони ему на грудь и мягко оттолкнула. Не выдержав жгучего взгляда, опустила глаза.

Мой безмолвный ответ.

Пальцы Карина соскользнули с плеч, оставляя смутное чувство потери. Ничего. Так надо.

Недолгая пауза, и он снова заговорил, но уже по-другому, зло выплевывая слова, будто они его ранили:

— Ты же согласилась быть со мной. Не заметил, чтобы тебе это было неприятно. Позволяла себя обнимать, отвечала на поцелуи. Куда это все подевалось? Стоило из ниоткуда появиться неизвестному хмырю — и все, Карин не нужен? Прощай, Карин, отставка? Как удобно!

В груди всколыхнулись гнев и обида, но я заставила себя промолчать. Ему просто нужно выговориться. Нет смысла отвечать ударом на удар.

Кажется, я поступила правильно. Карин замолчал, в тишине раздавалось только его бурное дыхание. Еще немного, и оно начало успокаиваться. Тогда я подняла взгляд. Сказала, с трудом выталкивая слова через непослушные губы:

— Я не собираюсь оправдываться. И не хотела бы тебя терять... как друга. Ты мне очень дорог.

Губы Карина твердо сжались.

— Как удобно, — повторил он.

Ничего не ответила. Только вырвался глубокий вздох, и сами собой опустились плечи. Бесполезно, мы не пойдем друг друга. И никогда не сможем вернуться к прежним отношениям. Что ж, значит, это будет моей ценой за сделанную ошибку.

— Я пойду, — тихо сказала и, не дожидаясь ответа, скользнула к зданию общежития.

Уже коснулась двери, как сзади окликнули:

— Сатьяна.

Обернулась. Карин стоял на прежнем месте, в полутьме глаза его блестели, как изумруды.

— Я не сдамся, — жестко сказал он. — Я тебя не отдам.

Я не нашлась с ответом. Прошептала:

— Спокойной ночи, — и юркнула в теплую темноту дома.

Поднимаясь по лестнице, думала о Карине. Его упорство одновременно и злило, и восхищало. Обойдись кто-нибудь со мной так, как я с ним, я бы не то что сдалась — постаралась бы вообще на глаза не показываться. А он продолжает бороться, прямо заявляет о своих намерениях, собирается возобновить осаду.

С другой стороны — было бы лучше, если бы он смирился. В академии полно девушек, любая обрадовалась бы, если бы Карин обратил на нее внимание.

Мысли вылетели из головы, когда на площадке второго этажа увидела сидящую на подоконнике крупную мужскую фигуру. Чуть не вскрикнула от испуга, но в следующее мгновение человек повернул голову, уличный свет попал на его лицо, и я узнала Ярена. Сердце ускорило ритм.

Хагос бы его взял, что он здесь делает? Думала, давно ушел к себе на пятый этаж, что он забыл на втором?

В темноте послышался смешок. Почему-то от него меня пробрало, точно к горлу кинжал приставили, а не всего лишь усмехнулись тихо и зло. А следом вопрос:

— Помирились? — И в нем тоже была залихватская веселая злость, пусть и направленная не на меня, а на кого-то другого.

Стало не по себе. Тут что ни скажи, все прозвучит не так, как нужно.

Ярен поднялся. Не видела его лица, но чувствовала всем телом: он не отрываясь смотрит на меня. Дыхание сбилось, чуть не кашлянула, пытаюсь избавиться от смущения. Все было странно, неправильно... И то, что Ярен оказался здесь, и его вопросы, и мое волнение. Изнутри поднимался густой плавающий мысли жар.

— Видел ваш нежный примирительный поцелуй.

Реплика на мгновение отрезвила, заставила непонимающе вздернуть брови. Какой еще, к Хагосу, поцелуй?

Потом дошло. Наверное, он видел момент, когда Карин схватил меня за плечи, и решил, что тот меня целует. Пожала плечами: не видела смысла оправдываться. И вообще пора было сворачивать странный разговор.

— Ладно, я пойду.

Хотела было шмыгнуть мимо, но Ярен поймал меня за руку. От прикосновения его пальцев по коже хлынула волна мурашек, ноги вдруг ослабли, словно меня настигло вражеское заклинание. Не думаю, что помутнение рассудка продлилось бы долго, но Ярен прижал меня к стене, придавил своим телом, поймал и вторую руку, лишая возможности сопротивляться, — и поцеловал.

Поцеловал дико, страстно, как оголодавший безумный зверь. С откровенным яростным напором, проникая языком в рот, заставляя меня задыхаться от ощущений. Кровь шумела в ушах, тело стало необыкновенно чувствительным, и самые разные ощущения слились воедино: шершавость грубой стены, к которой были прижаты мои руки, жесткая хватка на запястьях, тяжесть чужого тела, запах, вызывавший какое-то глубинное желание.

Все это продлилось не дольше пары секунд. Я пришла в себя, вспыхнула возмущенно: да как он смеет?

— Ты с ума сошел?

Призвав силу, оттолкнула парня и заехала ему коленом в пах — в последний момент он поставил блок. Что самое невероятное — этот наглец ухмылялся! Я стояла спиной к окну, так что видела эту полную торжества ухмылку во всей ее беззастенчивой красе.

Не спуская с меня глаз, Ярен с удовлетворением бросил:

— Это чтобы твой парень не напрасно ревновал.

Ах он!..

Я прыгнула с места, желая двинуть по наглой роже, а он рванул вверх по лестнице, точно на пятки ему наступал сам Хагос.

Гнаться не стала, только пнула стену так, что весь дом сотрясся. И поспешно, пока не начали выглядывать в коридор разбуженные соседи, сбежала к себе. Но когда я захлопнула дверь, настигло воспоминание о жадном поцелуе. По телу прокатилась запоздалая дрожь, ноги снова стали ватными, так что я осела на пол прямо в прихожей.

Дотронулась до горячих, чуть припухших губ. Они еще хранили вкус поцелуя.

Наутро меня поднял с постели громкий и бесцеремонный стук в дверь. Из спальни раздался протестующий стон Лидаи, и я поспешно зашевелилась:

— Спи, сама открою.

Почему-то казалось, стук имеет ко мне самое непосредственное отношение.

Спала я в любимой пижаме, мягких шортиках и маечке, а стук продолжался, так что на переодевание тратить время не стала. Вид домашний, но вполне позволительный для того, кого будят в... Нигос, да сейчас всего половина седьмого! Кого принесло в такую рань?!

Впрочем, открывая дверь, я уже догадывалась, кого именно, и интуиция меня не обманула. В коридоре, по-свойски привалившись плечом к стене, скрестив руки на груди, ждал Ярен. Невозмутимый как всегда, и только в глубине прозрачных голубых глаз поблескивали нахальные огоньки.

Окинул меня долгим взглядом, задержавшись на груди, потом на ногах. Когда взгляд вернулся к лицу, с трепетом отметила, что нахальные огоньки уступили место затягивающей глубине. Невольно захотелось прикрыться, отступить, скрываясь от этого взгляда, от Ярена и от себя самой.

В этот момент ранний визитер заговорил:

— Я иду к Имсену. Ты со мной?

Почувствовала себя глупо. Вот зачем он пришел! А я из-за вчерашнего все не так воспринимаю. Конечно, нужно выяснить, зачем Имсен дал мне амулет, понимал ли, что вручает.

— Подожди здесь, я сейчас.

Слава Нигосу, Ярен не стал отпускать никаких замечаний по поводу моего вида, но его жаркий пристальный взгляд я чувствовала спиной. И немного тем, что ниже.

Сбежав в комнату, быстро переоделась. Позаботилась о том, чтобы в зеркале не отражалось ничего ненужного, памятуя, как за мной подглядывал Хен.

Через десять минут мы шагали по улице. Солнце еще не взошло, но небо уже посветлело, на востоке зажглась плотная жемчужно-розовая завеса.

Ярен молчал, я тоже.

Изредка поглядывала на спутника. Почему он вчера поцеловал меня? Я полночи не могла уснуть, думая. Он как будто разозлился, словно пытался что-то доказать себе или мне. Может, из него просто пиво не выветрилось? И сегодня он уже ничего не помнит? Судя по невозмутимому поведению, вполне возможно... Но во мне такая мысль вызвала глухую обиду.

Когда мы вошли в студенческое мужское общежитие, из плотной дымки соткался охранитель, сформировав смутные очертания человеческой фигуры. Ярен сказал ему:

— Мы к Имсену Варру. Не предупреждай о визите.

Начертил в воздухе круг, в нем засиял знак работника академии — и охранитель сразу развеялся, уступая дорогу.

Я с уважением покосилась на Ярена, сообразив, что тренер — почти преподаватель. Обладает привилегиями, в том числе и входить без предупреждения в комнаты студентов.

Впрочем, постучать в дверь он все же удосужился.

Через минуту — постучать пришлось еще пару раз — Имсен открыл. Растерянный, зевающий, лохматый. Я напряглась, готовая поймать любой проблеск испуга. Но испуганным Варр не выглядел.

— Что такое? — Он потер лицо и отступил, давая нам пройти. — Только не говорите, что уже пора на тренировку. У меня голова раскалывается.

Он поморщился и приложил пальцы к вискам. Полился ласковый золотой поток, лицо парня на глазах посветлело.

— Вопрос к тебе, — начал Ярен, едва захлопнулась дверь. — Амулет, что ты ей дал. Где ты его взял?

Имсен наморщил лоб, взглянул на меня.

— Что-то случилось?

— Отвечай.

Ярен наступал, Имсен пятился, но явно начал тревожиться. Я следила за выражением его лица, но Варр не паниковал, не пытался никуда убежать. Выглядел как человек, не понимающий причины переполоха.

Ярен, похоже, подумал так же.

— Сядь, — скомандовал он, по-хозяйски взял стул, заставил Имсена опуститься на сиденье. — Закрой глаза, расслабься.

Целитель просьбу выполнил, правда, перед этим вопросительно взглянул на меня, и я развела руками.

Проверка длилась довольно долго. Мне надоело торчать у двери, и я присела в ногах разложенной кровати. Имсен сидел спокойно, расслабившись, даже посапывать начал, а над его головой сосредоточенно водил руками Ярен.

Некстати поймала себя на том, что люблюсь им. Он был похож на Хена. Не внешне, а внутренне — спокойной тихой силой, скупой уверенностью движений. Хотя, наверное, мне так кажется из-за того, что сейчас он пользуется целительской магией.

— Проклятье. — Высказанное в сердцах ругательство заставило меня очнуться.

Имсен тоже поднял голову и озадаченно хлопал глазами.

— На него воздействовали, — пояснил Ярен одновременно нам обоим. — Грубое внушение, чтобы он передал амулет. От кого ты получил его, помнишь?

Варр медленно покачал головой, оторопело произнес:

— Погодите, ничего не понимаю. Какой амулет? Маскировочный, который я вчера дал Сатьяне? С ним что-то не так?

Ему вкратце объяснили и про барьер, мешавший призвать меч, и про нападение гончих, однако Имсен поверил не сразу, несколько раз переспрашивал: и где это было, и точно ли мы уверены, что на нас напали, и как выглядели гончие, и на самом ли деле был виноват амулет. А когда убедился, схватился за голову.

— Даже не помню, где взял медальон. Такое ощущение, будто он всегда был у меня. И в то же время не припоминаю, чтобы у меня вообще было что-то подобное.

Ярен с размаху сел на кровать рядом со мной. Я чуть отодвинулась, чтобы не соприкоснуться с ним бедрами. После вчерашнего даже такая малость меня смущала.

К счастью, он на мои маневры внимания не обратил, выглядел разочарованным и расстроенным. А я в отличие от него даже немного обрадовалась: на душе стало спокойнее, когда я поняла, что Имсен, скорее всего, не виноват.

— На тебя воздействовали, — повторил ему Ярен. — Прямой приказ, дали тебе амулет, велели вручить его Сатьяне и забыть об этом.

Имсен вскочил и зашагал по комнате. Периодически запускал руки в волосы и бурно их ерошил. На лице его были шок и неверие.

— Кто может такое сделать? — спросила я. — Целитель?

— Целитель — нет. Животновод.

— Но у меня же стоят блоки! — воскликнул парень, резко остановившись и развернувшись к нам. Карие глаза перебежали с меня на Ярена и обратно. — Я сам ставил. Все возможные блоки на психическое воздействие. Снять мог только целитель, животноводу это не под силу.

— То есть работали парой? Целитель взламывал, животновод отдавал приказ? — нахмурился Ярен.

— Хагос, ничего не помню, — бросил с отчаянием Имсен, разведя руками. — Вообще ничего. Как белый лист.

— Надо доложить ректору. — Ярен встал.

— Доложи. А я сбегая в наш корпус, попрошу мастера Ивьеру посмотреть, не осталось ли следов от взлома. Может, удастся вытащить какие-нибудь зацепки.

— Хорошее дело.

Ярен бросил взгляд на меня, будто недоумевая, почему продолжаю сидеть. А я, забыв о недавнем смущении, схватила его за

руку.

— Амунд, — сказала, глядя в голубые глаза, — животновод, с которым я сражалась на турнире победителей. Его фамильяр — черная псина.

Я еще вчера подумала, что образ гончих мне смутно знаком. А ведь животноводу легче всего управлять тварями, которые родственны его собственному зверю!

Ярен сжал кулаки, сощурился и медленно кивнул. Повернулся было к выходу, но я добавила:

— А целитель — Висперина.

Это было просто, как дважды два. Теперь я наконец поняла, на что она рассчитывала на турнире. Хотела уже тогда воспользоваться амулетом, чтобы с легкостью победить. Но, похоже, сообщник перехватил управление, вот она и обомлела, когда ничего не вышло.

Но как они осмелились?! Впрочем, если бы мы погибли, их никто и не заподозрил бы.

— Ты со мной? Или пойдешь с Имсеном?

Интересно, ему даже не приходит в голову мысль, что у меня могут быть свои дела. Похоже, меня вообще не собираются оставлять в одиночестве, только под чьим-нибудь присмотром. Но я не стала заострять на этом внимание.

— С тобой.

На миг на его лице появилась торжествующая улыбка, и я не выдержала, двинула ему кулаком в плечо. Проигнорировала жалобное «За что?» и вытолкала из комнаты.

— Давай быстрее к ректору, — сказала, очутившись в коридоре.

— Да он спит еще.

Я замерла, уставившись на парня. Он был абсолютно прав, семь утра — слишком рано для визита. Можно вытащить из постели меня, капитана команды, но с ректором такие шутки не пройдут.

Некоторое время мы смотрели друг на друга, потом Ярен осторожно поинтересовался:

— Может, пойдём потренируемся? Пару часов. А потом сразу к ректору.

Я расплылась в улыбке. Хорошая тренировка — разве может быть лучшее начало дня?!

Позже поняла, какими беспечными мы были. Надо было сразу же, не медля, лететь к ректору, будить его, поднимать тревогу. Но мы думали, в академии нам ничего не грозит: тварям сюда хода нет.

Нам, может, и не грозило. Только до того, как мы успели попасть к ректору, по академии разнеслась страшная весть: студент-второкурсник животноводческого факультета Амунд Ире был обнаружен на стадионе. Мертвым.

* * *

Я давно не бывала в кабинете ректора, а уж сидеть на диванчике для посетителей, в то время как глава академии, заложив руки за спину, шагает туда-сюда с мрачным лицом, и вовсе не приходилось.

Темный костюм с двумя рядами пуговиц, поблескивавших тусклым золотом, и белая рубашка подчеркивали аристократические черты лица Шеля Магруса, суровый орлиный нос и глубину острых глаз. Вышитый шелком жилет сидел как влитой, обтягивая тонкую талию. В общем ректор прекрасно гармонировал с собственным кабинетом: и с темно-зеленой обивкой стен, и с огромным дубовым столом, вздымавшимся над паркетом, как приготовившаяся к атаке тварь.

— ...Так что прости, Сатьяна, но ты, кажется, оказалась в центре событий, — подытожил ректор, обратив на меня тяжелый взгляд. — И все же для меня полнейшая неожиданность то, что ты владеешь одним из Пяти Оружий. Но оно само тебя выбрало, и ты, без всяких вопросов, этого достойна. — Невольная похвала из уст самого Магруса опалила щеки жаром смущения, и я потупилась. — Не могу сказать, что не строю на тебя планы, — он мельком усмехнулся, — но это в любом случае подождет. Сейчас на первом месте другое. Мы должны во что бы то ни стало выявить убийцу Амунда и напавшего на тебя в зале.

Он был прав.

Личность преступника пока не установили, хотя прошли уже сутки после того, как нашли тело. Всем было ясно, что это не несчастный случай — парня задушили. Причем руками, не используя магию, так что не удалось даже выяснить, какая специальность была у

напавшего. Скорее всего, мужчина — или сильная высокая женщина, боевик или целитель, потому что они могут увеличивать свою физическую силу или уменьшать силу противника. И, как назло, никто не видел, с кем встречался на стадионе Амунд.

Ниточка от взлома ментальных щитов Имсена тоже никуда не привела.

Участие Висперины так и не доказали. Следов взлома не нашли. Вернее, нашли, но такие тонкие, ювелирные, что не удалось понять, ни кто действовал, ни как.

Единственной зацепкой оказалась я. Ректор и Ярен считали, что Амунда убил сообщник по охоте за Хранителем, как только стало ясно, что покушение не увенчалось успехом. И этот сообщник обязательно появится рядом со мной снова.

— Так что ты у нас теперь чрезвычайно ценный объект.

«Приманка», — угрюмо прокомментировал внутренний голос.

— Охранитель общежития, к моему вящему счастью, согласился следить за твоими гостями и примет меры, если кто-то будет настолько глуп, чтобы напасть на тебя. Так что дома можешь чувствовать себя в безопасности. А что касается вне дома... — ректор бросил короткий взгляд на Ярена, — вне дома за тобой будет присматривать Верес, слушайся его во всем.

Новоявленный телохранитель насмешливо зыркнул на меня.

— Слыхала? Слушайся во всем, — повторил довольно.

Я не успела огрызнуться, потому что ректор скомандовал:

— А теперь выйди, нам нужно поговорить.

Поднялась нехотя — невзирая на мою якобы ценность меня собирались использовать вслепую. Вот о чем они собираются секретничать? Если дело касается меня — а оно почти наверняка касается меня, разве я не должна это услышать?

— Посиди в приемной, подожди меня, — бросил Ярен мне вслед.

Тихо фыркнула, ничего не ответив. Вышла, осторожно прикрыла дверь. Хотела оставить щелочку, но под строгим взглядом секретаря ступевалась и как послушная девочка прошла через приемную и устроилась на кресле для ожидающих.

Но мне повезло.

В приемную заглянул один из преподавателей и застрочил требовательной скороговоркой:

— Ар-теран Вимт, на кафедре зельеварения кончились запасы цветянки и сухозима! Я же предупредил, что необходимо закупиться заранее, ведь сухозим в это время уходит в невероятных количествах!

— Как кончились? — встрепнулся секретарь. — Я сам отправлял приказ о дополнительной закупке. Вот, — он зарылся в документы, некоторое время перебирал их, наконец торжественно вытащил один, украшенный печатью академии, — вот копия!

— Ну, я не знаю, — преподаватель развел руками, — но сухозима нет как не было, и снабженцы утверждают, что никакого запроса не получали.

— Не может быть! Подождите, я разберусь.

Секретарь бросил на меня короткий взгляд и, видимо, решив, что бед я не натворю, убрал бумаги в ящик стола, запер его и вышел вместе с преподавателем.

Еле дождавшись, пока затихнут их шаги, подскочила и беззвучным кошачьим шагом подкралась к двери в кабинет ректора. Не осмелившись ее приоткрыть, приникла ухом к едва заметной щели у косяка.

Раздался голос Магруса:

— Ну а ты-то как? Никто не догадывается?

Сердце пропустило удар. Я вжалась в стену еще сильнее.

— Думаю, нет, — тихо хмыкнул Ярен.

— И ей не сказал?

Ответ прозвучал неожиданно жестко:

— Не думаю, что она обрадовалась бы. В прошлое не вернешься.

Внутри все болезненно сжалось, словно по нежной плоти провели острым кинжалом. Кто эта «она», которой Ярен должен был что-то поведать? Точно не я, речь идет о прошлом, а мы с ним знакомы всего ничего.

— Ну-ну, — непонятно протянул ректор. Помолчал некоторое время и спросил: — А по нашему вопросу? Удалось что-нибудь выяснить?

— Пока новостей нет. Проверяю, но кандидатов слишком много. Нужна будет ваша помощь.

— Даже если...

В коридоре раздалась шаги. Мгновение — и я уже смиренно сидела на прежнем месте, меня могло выдать только неровное дыхание.

Секретарь не должен заметить.

Но вместо помощника в приемную заглянул Анс. Я округлила глаза — и он тоже, не ожидая увидеть меня, озадаченно приподнял брови.

— Мечница! Какая встреча! А где ар-теран Вимт?

— Отошел, думаю, скоро вернется.

— Его ждешь?

Неопределенно пожала плечами. Анс расспрашивать не стал, метнул взгляд на дверь кабинета ректора, взлохматил волосы на затылке.

— Собственно, я у него кое-что узнать хотел... А у тебя есть пара минут?

Растерявшись, тоже посмотрела на дверь. Мне строго-настрого запретили передвигаться по академии вне надзора Ярена, но ведь мы в двух шагах от кабинета ректора, вряд ли мне что-то грозит. Успею крикнуть, если что. Да и не верится, что Анс замешан, это же он сказал мне про Хранителя.

— Ладно. — Я встала, и мы вышли из приемной.

Анс подхватил меня под локоть и завел в оконную нишу за кадку с пышной итрийской пальмой. Привалился к стене и с полминуты буравил меня взглядом, ничего не говоря. Мне показалось, он немного смущен.

— Прямо не знаю, с чего начать, — сказал наконец. — У тебя сейчас есть парень?

Как пыльным мешком по голове ударил. Такого вопроса я не ожидала.

Парень? В принципе, наверное, уже нет, с Карином мы расстались. Но зачем Ансу эта информация?

Он ждал, и я покачала головой. Последовал другой вопрос:

— Ты в кого-нибудь влюблена?

Перед внутренним взором всплыло невозмутимое лицо Ярена. Замотала головой с двойным усердием. Уж в кого, а в него точно не влюблена.

— Отлично! — Анс просиял, вдруг становясь на одно колено и взирая на меня снизу вверх. — Тогда, дорогая Сатьяна... со всем трепетом моей души я прошу тебя стать моей женой.

Я смотрела на него в полном обалдении. Это что, шутка? Но в таком случае пауза затягивалась: Анс продолжал стоять на одном колене, глядя на меня, и, кажется, со всей серьезностью ждал ответа.

— Ты спятил? — Сомневаюсь, что моя реплика была тем, чего он ждал, но ничего более подходящего на ум не пришло. — С чего вдруг мне выходить за тебя замуж?

«Жених» хохотнул, поднимаясь.

— Не выгорело, — констатировал без малейшего сожаления. — А ведь надежда была. — Встал передо мной и взял меня за руки. Черные глаза загадочно мерцали. — Ну... буду начистоту. Нам, — он кашлянул, будто хотел прогнать внезапное смущение, — нужен сильный мечник, а ты... ты же из клана Сантерн, верно? Твои родные не хотели бы породниться?

Я молчала. Его слова неожиданно царапнули, засадили где-то глубоко в душе. Ладно, выяснил, что я Сантерн. Это несложно. Удивило то, что он вообще знает о нашем клане. Все-таки на западе мы не особо известны. Но и это все ерунда. Главное то, что я больше не имею отношения к клану.

Я осторожно отстранилась, вынула ладони из чужих рук. Внимательно вгляделась в парня.

— Почему вдруг я? Если дело в клане, тебе лучше подыскать незамужнюю сестру и выдать ее за одного из моих братьев.

Мне не хотелось рассказывать о Хене, о том, что я вышла из клана. Похоже, Анс решил, что фамилия Тайсен — всего лишь способ сохранить инкогнито. Или тоже думает, что я незаконнорожденная?

Анс на миг прикусил губу, потом расплылся в ослепительной улыбке.

— Твой меч... Ты знаешь, что это одно из Пяти Оружий? — В желудок словно тяжелый камень ухнул. Я замерла, а Анс продолжил: — Мне кое-что показалось сомнительным, я не сразу уверился. Сначала пришлось связаться с кланом, проверить магически... — Замолчал и вдруг уставился на меня с подозрением: — А ты-то сама в курсе?

— Какая разница? — Я не узнала свой голос, какой-то деревянный.

Вот еще один человек, который знает о Хранителе. Хагос, да сколько их было, тех, кто за время турнира успел увидеть, заметить —

и понять? И захотеть воспользоваться?

— Ну... поправь, если я ошибаюсь, но, по-моему, тебя к такому не готовили. Иначе ты бы не махала мечом во всей его красе, показывая направо и налево. Ты фактически выставила себя легкой добычей. Беззащитной жертвой. Не знаю, о чем думают в твоём клане, но это опасно. На кону твоя жизнь, Сатьяна.

Я опустила голову. Слова звучали жестоко и беспощадно, но самым безжалостным было осознание: он прав. И ректор, и Ярен твердили о том же, разве что куда мягче.

— Если станешь частью нашего клана, мы защитим тебя.

Вот в чем дело. Им нужен не клан Сантерн. Им нужна я. Точнее — Хранитель, которым я обладаю. Но хотя бы предложили честно, а не устроили за мной охоту.

Я вспомнила Хена: как он звал меня идти с ним, обещал «рассказать обо всем, если ты станешь нашей». Он это делал потому же, почему и Анс предлагает мне руку и сердце... и покровительство своего клана. Чтобы заполучить Хранителя, если не напрямую, то через меня.

Лишнее доказательство, что Хен меня не любил. Ему нужен был только меч.

— Сатьяна?..

Анс ждал ответа. На миг я потерялась в непроницаемой черной бездне его глаз. Интересно, как он отреагирует, если вдруг спрошу, не связан ли он с Имерией? Вернее, его клан... на самом ли деле он — Архалла?

Впрочем, пусть он хоть сто раз Архалла, это не основание выходить замуж. Даже ради защиты — хотя, конечно, в сильном клане было бы куда спокойнее. Но...

— А как же чувства? — усмехнулась.

Во взгляде Анса что-то переменилось. словно под непроглядной чернотой, где-то глубоко проплыл опасный зверь. Это была не угроза, скорее неясное обещание — и у меня невольно захватило дух.

— Ты мне нравишься.

Под его обжигающим взглядом усмешка сползла с губ. Анс подступил ко мне вплотную, твердые пальцы сжали плечи. В лицо хлынул непрошенный жар. Раньше я не смотрела на Анса как на

потенциального парня, но этот ясный язык тела, такой недвусмысленный призыв любую бы заставил смутиться.

— Ты мне нравишься, — повторил он. — Ты вообще с первого взгляда мне понравилась. Ты же милашка, такую только брать в охапку и тащить к себе в нору. И при этом отлично дерешься. Так что... в какой-то мере мое предложение — это попытка убить двух зайцев. Я буду рад, если смогу назвать тебя своей женой. Ну и тебе нужна защита. Клянусь, я буду очень внимательным мужем. И нежным. Я тебе совсем не нравлюсь?

От его напора я растерялась, а Анс все держал меня за плечи, и его черные глаза приближались.

Хагос, да он же меня сейчас поцелует!

Но прежде чем я успела воспротивиться, по нервам хлестнул ледяной голос:

— Я, кажется, просил меня дождаться.

Анс выпрямился, пальцы соскользнули с моих плеч. По лицу прошла тень досады. Он развернулся, а я чуть не вскрикнула, когда увидела Ярена, внешне совершенно спокойного, но создавалось впечатление, что внутри бушует настоящий шторм, еще немного, и он сорвется. Прозрачные голубые глаза яростно сверкали, воздух звенел от напряжения.

Анс не осмелился ничего сказать, хотя обычно за словом в карман не лез.

Ярен медленно, в хрустальной тишине отпечатывая каждый шаг стуком каблуков, подошел ко мне. Встал сзади, положил руки на плечи, привлек к себе. Теперь я не видела лица, но чувствовала спиной напряженное тело.

Анс молчал, только недобро сощурил глаза и отвел чуть в сторону руку, будто готовился призвать меч.

— Еще один охотник за приданым? — Голос над моей головой прозвенел сталью. — Смотрю, на тебя летят, как пчелы на нектар.

Я вспыхнула. Реплика явно предназначалась мне. И удивительно точно! Ярен походя определил мою истинную ценность — Хранитель. Значит ли это, что и он...

— О, — Анс улыбнулся, но от его улыбки стало жутко, — так вот в чем дело. Ты тоже в курсе. Мы, значит, вдвойне соперники. Ну что ж...

У меня закружилась голова. Словно безудержный водный поток засасывал под землю, в черную тьму, откуда нет выхода, нет спасения. Да, вот в чем дело. Ярен тоже знает о Хранителе, потому и заботится обо мне, надеется затащить меня в свой клан или род. Спасибо, что не убить, но... Хагос и его твари, неужели все вокруг готовы на все ради одного из Пяти Оружий?

— Предупреждаю последний раз: увижу рядом с ней — пожалеешь, — снова раздалось над головой.

Анс осклабился. Такую неприятную ухмылку на его лице видела впервые и малодушно порадовалась, что она предназначена не мне.

— Всегда рад хорошей драке. Можем в любой момент выяснить отношения, не впутывая в это Сатьяну.

— Можем, — через короткую паузу согласился Ярен.

Я опомнилась.

— Вы оба с ума сошли? Прекратите немедленно, слушать противно! Как два пса вцепились в кость! И отпусти меня наконец!

Вырвалась из мужских рук, остановилась поодаль, чтобы видеть обоих одновременно: Анс насмешливо улыбался, Ярен пристально, неотрывно смотрел на меня.

— Не попадайтесь мне на глаза! Пожалуйста!

Не дожидаясь реакции, развернулась и зашагала прочь. Внутри бурлила злость, кристально чистая, непримиримая. Злость на обоих, а больше всего на себя саму.

На полпути заметила, что Ярен идет следом. Сначала хотела прогнать, потом махнула рукой: как же, такого прогонишь. К тому же он может сказать, что всего лишь выполняет приказ ректора не спускать с меня глаз. Или просто идет к себе — живет-то в том же общежитии.

Он, слава Нигосу, желания приблизиться не проявлял. Так и дошли до дверей — сохраняя неизменную дистанцию.

Зато на втором этаже Ярен свернул за мной. Я стиснула зубы. Сделав вид, что не замечаю его, спокойно дошла до своей двери. Хотела юркнуть внутрь и захлопнуть ее перед самым его носом, но парень негромко позвал меня по имени, и от одного этого на меня вдруг накатило.

Судорожно, часто дыша, замерла перед дверью. Я слишком слаба, не справлюсь. Я не могу так, в одиночестве, одна против всех, как загоняемая добыча. Подступили слезы, мне казалось, какая-то малость, и я не удержу эту лавину. Толчком могло стать что угодно.

Но Ярен, словно почувствовав, молчал. Не трогая меня, не пытаюсь перехватить приоткрытую створку, ждал за спиной.

Справившись с собой, открыла дверь шире, бросила через плечо:
— Хочешь зайти?

Сама не знала, почему приглашаю, зачем вообще говорить с ним. Больше всего хотелось остаться одной, и в то же время не могла оставаться в одиночестве. Казалось, я заледенею, покроюсь непроницаемой толстой коркой, которую ничто и никто не будет в состоянии разбить. Наверное, мне лихорадочно требовалось тепло, пусть даже самый тусклый, самый слабый огонек.

Молча прошли в комнату. Лидаи не было, уехала с Ларном на весь день, а может, и ночь.

Я остановилась в центре комнаты. Показалось, будто на плечи обрушилась неизмеримая тяжесть, и я покачнулась. Выправились, почувствовав спиной тепло чужого тела. Ярен меня не касался, просто встал сзади. Я слышала его дыхание, и это почему-то меня успокоило. Когда заговорила, голос звучал как обычно:

— Ты сказал, что нельзя доверять. Но я устала никому не доверять. Это как жить во тьме, каждую минуту опасаясь удара. Не могу больше... Наверное, мама права, лучше всего мне вернуться домой, в клан, под ее руку. Выйти замуж за кого она скажет и спокойно доживать жизнь, не выходя за пределы поместья.

Зло усмехнулась, вспомнив о Дейне. За спиной почудилось движение, словно Ярен хотел обнять меня, но не посмел.

— Ты тоже? — спросила, не оборачиваясь. — Тоже охотишься за Хранителем? Носишься со мной, потому что хочешь затащить в свой род?

Он все-таки обнял меня — схватил за плечи и развернул к себе. На одно долгое мгновение впился взглядом в лицо, потом протянул руку и осторожно стер слезы со щеки.

Но это не помогло, плотина уже дала трещину, слезы просачивались сквозь нее, медленно, капля за каплей набухая на глазах и выкатываясь... Пока Ярен не нагнулся и не собрал их губами.

Бережно, придерживая ладонью затылок, чтобы я не отступила, не увернулась, поцеловал веки, щеки, губы. Это был целомудренный поцелуй, но я все равно замерла, внутри все сжалось от этой нечаянной, непрошенной ласки. Зачаток истерики растворился, словно ничего не было. Я вскинула взгляд — и утонула в чужих глазах.

В них было все: и неизбывная, накрывающая с головой нежность, и жгучее ненасытное желание, и вина, и решимость. Бурная, порожденная смешением этих чувств волна нахлынула и затопила, а в следующее мгновение Ярен поцеловал меня. Показалось, я умираю, сгораю в неистовом пламени. Словно на миг все барьеры между нами оказались сметены, и все потеряло важность. Все, кроме жадного прикосновения губ, кроме движений языков, нашего дыхания, нашего стремления навстречу друг другу.

Всего на миг...

Потом ко мне вернулась способность рассуждать. Вспомнила, что он не ответил ни на один мой вопрос, ничего не сказал ни о своих планах, ни о чувствах, если они вообще были, эти чувства. Как и Анс, он всего лишь пытается перетянуть меня на свою сторону, используя любые, даже самые низкие способы.

— Не трогай меня! — Оттолкнула его, попятилась.

Приложила тыльную сторону ладони к губам — унять бешеный жар, свою собственную страсть, которая до сих пор зудела под кожей. Бесполезно.

Ярен смотрел на меня молча, грудь его ходила ходуном, глаза были темнее ночи. Рванул на груди рубашку — дрожащие пальцы не справились с застежкой, раздался треск, и верхние пуговицы отлетели. Я отступила еще на шаг, но, не отводя взгляда, следила за скользящей вниз тканью, открывающей поджарое тело, черный шнурок с серебряной подвеской в виде знака «сорн» на бурно вздымающейся груди. Взгляд, очертив широкие пластины грудных мышц, пресс, устремился вниз, к охватывающему талию широкому ремню.

Нигос... что он делает? Зачем раздевается? Впрочем, я тут же поняла, что ошиблась.

Ярен вскинул руку вверх, отозвалась сила, и в его ладони, словно ледяной шип, вырос длинный зазубренный кинжал.

Широко раскрытыми глазами наблюдала за происходящим, почему-то ни на миг не испугавшись, будто зная, что мне не причинят

вреда.

Так и вышло — кинжал блеснул в пальцах, переворачиваясь, и сияющее лезвие легко, будто играючи, пропороло длинную алую, на глазах вспухающую кровью полосу на гладкой коже груди напротив сердца. Миг, и к этой полосе прибавились еще две, обрисовывая круг и заключенный в нем крест.

В воздухе остро и зло пахло кровью. Кто-то вскрикнул — лишь через мгновение поняла, что это был мой возглас, — все тело Ярена покрылось светящимися письменами. Они были повсюду: на груди, шее, на руках, животе — даже на лбу и щеках сияли неизвестные знаки. Это продлилось всего миг, а когда все пропало, исчез и нарисованный кровью круг с крестом. Осталась чистая гладкая кожа, словно мне привиделось.

Ярен шагнул ближе, я невольно отступила еще, лопатки уперлись в стену. Больше отступить было некуда. Но парень всего лишь взял меня за руку. Мягко сжал пальцы, заставив их замысловато выгнуться, но я тут же узнала привычный знак активации всех чар. Непривычным было только то, что круг на груди Ярена тут же вспыхнул, а сам он болезненно поморщился и сказал тихо и отстраненно:

— Сделай так, если решишь, что я тебя предал. Тогда мое сердце остановится.

* * *

Первый бой на межакадемических соревнованиях закончился ошеломляюще быстротечно нашей безоговорочной победой.

Может, за это следует благодарить богиню удачи, сделавшую нашим первым противником не самую сильную команду, может, упорные тренировки с утра до вечера в течение предыдущих семи дней — один на один, два на два, три на три, после каждого боя анализ ошибок, обсуждение наилучшей стратегии. Как бы то ни было, мое первое сражение в роли лидера группы завершилось неожиданно быстро.

Когда мы впятером выходили на поле в цветах академии — темно-зеленый низ, золотистый, с зеленой полосой, верх, и ее эмблема на груди и спине, — я волновалась. Но лишь раздался сигнал, как-то

мгновенно собралась и успокоилась. Стратегию обговорили давно: Иллейне занимается вражеским целителем, попутно нанося урон атакующим; я принимаю на себя основной удар и мешаю противостоящим магам усыпить Имсена; остальные методично выводят из строя противников одного за другим.

Удивительно, но за каких-то семь дней мы отлично сработались. Конечно, все члены команды сработались задолго до моего появления, но я вошла в отлаженный механизм, как давно недостающий винтик.

А еще за это время узнала с новой стороны Ярена — как рассудительного лидера и хорошего стратега. Он разбирался в умениях и заклинаниях любой специальности, даже артефактору Райву ухитрялся давать дельные советы.

Вот только... после того, что произошло в моей комнате, между нами словно выросла невидимая стена. Мы вместе выходили по утрам и вместе возвращались, он по-прежнему провожал меня, но больше не заходил ко мне домой, не позволял себе лишнего и вообще старался молчать.

А меня с каждым днем все сильнее к нему тянуло. И все пуще копилась обида и недоумение. Почему он ничего не делает? Я ему не нравлюсь? Но почему он тогда меня поцеловал?

Может, для него это ничего и не значило, но у меня от воспоминания о том поцелуе внутри разгорался огненный шторм.

После боя мы всем составом перешли в огороженный пятачок — импровизированную ложу, предназначенную для нашей команды. Здесь можно было понаблюдать за другими участниками, оценить возможных соперников, продумать стратегию и тактику следующих схваток.

Рядом со мной села Иллейне, с другой стороны — молчаливый Лиссен, за спиной — Имсен и Райв. Ярен, сложив руки на груди, стоял позади нас всех, привалившись к перегородке. Мне казалось, я чувствую его взгляд, но, наверное, это было воображение.

— О, команда из академии имени Халда Великого, — оживилась Иллейне, когда на поле вышли новые участники. — Вон тот парень, высокий, говорят, он из клана Архалла. Красавчик.

Анс и впрямь выглядел шикарно. Он стоял впереди, в черной с алым форме их академии, фасон мундира подчеркивал его широкие

плечи, узкие бедра и длинные ноги. Словно почувствовав мой взгляд, парень посмотрел на меня. Улыбнулся, помахал рукой.

Иллейне восторженно взвизгнула и принялась махать в ответ.

— Ты видела? По-моему, он на нас смотрел!

Я поежилась: снова показалось, что по спине, по затылку пробежал внимательный цепкий взгляд. С трудом подавила желание обернуться.

Анс... нет, он не шпион. Слишком многие знают, что он Архалла. Если бы это было ложью, товарищи по команде давно бы его выдали. А Архалла слишком далеки от границы с Имерией, нет смысла засылать туда шпионов.

А если не он, то кто? Подслушанный в приемной ректора разговор смущал меня и пугал. Судя по нему, больше всего на эту роль подходил Ярен. Но если он и впрямь шпион, зачем дал мне такое оружие против себя?

Вспомнила показанный им жест, сочащийся кровью круг на его груди и передернулась. Мне потом несколько ночей снились кошмары, и я просыпалась от видения, будто случайно складываю руку в том жесте, и Ярен умирает. Понимала, конечно, что одного жеста недостаточно, необходим импульс, необходимо, чтобы человек был рядом, но спящему сознанию плевать на логику, и оно раз за разом подсовывало мне посеревшее, покрытое крупными каплями пота лицо, застывшие голубые глаза, обнаженную мускулистую грудь, которой больше не суждено дышать.

Рев зрителей отвлек меня от размышлений, как раз вовремя, чтобы увидеть блистательную работу Анса и мага из его команды: первый притянул к себе «удочкой» всех противников сразу, а маг в ту же секунду навел на них сонные чары.

Вот это синхронизация! Отработано до мелочей. Надо и нам попробовать что-то в таком духе. Только я, первокурсница, вряд ли смогу притянуть одновременно пятерых.

Прерывая поток мыслей, в перегородку застучали — неожиданно сильно, аж фанерные стенки затряслись. Обернувшись, с изумлением увидела через щели в перегородке Ласа. Поймав мой взгляд, тот замахал рукой:

— Сатьяна! Родители приехали! Выходи!

Подскочила, словно меня ушатом холодной воды окатили. Родители? Здесь?!

И впрямь, они сидели под навесом на седьмом ряду. Отец, мать и — неожиданно — Вейс. Я остановилась, растерянная, не понимая, как себя вести. Было так странно увидеть их после полугода разлуки. Не то чтобы они сильно изменились, отец и Вейс были такими же, какими я их помнила, разве что мать, кажется, чуть пополнела, лицо стало круглее и спокойнее.

— Вот и мы! — громко объявил Лас.

— Сатьяна! — Первым вскочил папа.

Кинулся мне навстречу, но тут же остановился, словно вспомнил о чем-то, наклонился к матери, бережно придержал ее за локоть, помогая встать.

И когда она выпрямилась и улыбнулась мне рассеянно, машинально поглаживая округлившийся животик, я замерла.

По телу прошла дрожь, меня охватило странное ощущение. Непривычное и в то же время удивительно знакомое. Будто теплый ветер ерошит макушку, на кухне остывают бабушкины пироги, и пахнет нагретой солнцем клубникой. И матушка берет меня на колени, что-то рассказывает, ее голос журчит, и я жмурюсь, как довольная кошка.

— Нигос, мама... папа...

Глаза почему-то стали мокрыми, в носу засвербело. Шагнула навстречу, еще толком не понимая, что сказать, но ничего и придумывать не пришлось.

Родители сразу поняли, куда устремлен мой взгляд. Папа смущенно заулыбался, мама поймала мою руку и положила себе на живот. Сказала гордо и благодушно:

— Уговорил ведь! Мало ему пятерых детей, еще одного давай, говорит, на старости лет!

Я засмеялась сквозь слезы. Какая старость! Матери едва за сорок, а обладающие силой стареют позже.

Мамин живот под тонкой тканью платья был неожиданно тугим и твердым, как барабан, и от мысли, что внутри спит мой новый братик или сестренка, на глаза снова наворачивались глупые слезы.

Спустя полчаса мы сидели на террасе одного из кафе на торговой улице академии. Папа оживленно рассказывал, как мама проедала ему плешь, пока он не согласился отвезти ее в Отрай, в академию, какой капризной она стала с началом беременности и как ему приходилось каждое утро мотаться на рынок, чтобы принести матери свежее молоко. Ей, видите ли, во что бы то ни стало требовалось свежее и чтобы приносил его именно папа.

Мама вставляла язвительные комментарии, но периодически замирала, будто прислушивалась к тому, что происходит внутри. В такие моменты лицо ее становилось удивительно спокойным и красивым. Я стеснялась смотреть на нее, но все равно то и дело ловила себя на том, что пялюсь во все глаза.

Интересно, когда она носила меня, у нее было такое же вдохновенное лицо?

— Ну вот мы и приехали. Пробудем до конца соревнований... или хотя бы до момента, как ты не вылетишь, — закончил отец.

— Как же, вылетит она, дождешься от такой, — с непривычной теплотой сказал Вейс.

Он сидел на кресле, вытянув ноги, и рассматривал меня так, будто никогда не видел.

Я тоже обвела глазами родных. Папа, мама, Вейс, Лас... все, кроме мамы, с одинаковыми копнами светлых волос с примесью розовых прядей. А у мамы были мои серые глаза. Точнее, у меня мамины. Было странно и удивительно осознавать, что хоть я и вышла из клана, наша связь никуда не делась.

И тут я вспомнила одну очень важную вещь, о которой родители еще не знали.

— Пап, мам... — от волнения засосало под ложечкой: как-то они воспримут новость? — Хранителя не похитили. Я только недавно узнала об этом, но... все это время он был у меня.

Наградой за смелость стали одновременно отвисающие четыре челюсти.

Потребовалось не меньше получаса, прежде чем родные поверили. Пришлось осторожно, предварительно попросив братьев создать скрывающую завесу, показать меч, рассказать, как я узнала об этом, как научилась работать с ним и маскировать.

И когда ошеломление на лицах моей семьи сменилось еще полной сомнения, но все же верой, папа хлопнул меня по плечу.

— Моя дочь! Говорил тебе, она будет отличным боевиком! — Он торжествующе обернулся к матери. — Глянь-ка, сам Хранитель признал!

— А что ты на меня смотришь, я и не сомневалась никогда. Просто все эти ваши мечи, сражения на переднем плане — разве дело для девушки? Это опасно. Естественно, что я беспокоюсь. А так я вовсе и не удивляюсь, Сатьяна вся в меня.

Я мысленно хмыкнула. Пожалуй, при матери не стоит говорить, что на меня ведется охота. Особенно сейчас. Потом посоветуюсь с отцом отдельно.

А папа спросил осторожно:

— Может, в клан вернешься? Сатыан, возвращайся. Бабушка с дедушкой наказали нам вернуть тебя во что бы то ни стало.

В горле пересохло. Взгляды родных сосредоточились на мне, я почти физически чувствовала, как важен им мой ответ.

Только сама не знала, что сказать.

Да, мне хотелось вернуться — под родную крышу, там не страшно, там защитят, обогреют, утешат. И в то же время что-то претило мне так поступить. Полгода я жила сама себе хозяйкой — сложно уже представить, что нужно подчиняться главе клана. К тому же это сейчас мама размякшая и добрая, а как только окажусь дома, сразу возьмется за свое, и прощай мечты о самостоятельности.

Ну и... я должна справиться со всем сама. Вернуться, спрятаться никогда не поздно.

И я, так ничего и не ответив, аккуратно сменила тему. Видела, что родные разочаровались, но никто и слова упрека не сказал.

Только последний на сегодня гвоздь в мой гроб еще не был забит. Минут через десять над ухом раздался знакомый голос:

— Мечница!

Вздвогнув, подняла глаза, уже зная, кого увижу. Хагос, надо было упросить братьев оставить скрывающую завесу!

Рядом с нашим столиком стоял и улыбался во все тридцать два его ар-теранство великолепный Анс Архалла. И, что хуже всего, окинув взглядом сборище, он явно понял, с кем имеет дело. Сразу подал руку моему отцу. Тот растерянно принял с недоумением на лице.

Анс и бровью не повел.

— Рад познакомиться! — сообщил он, крепко трясая папину руку. — Я Анс Архалла. Ухаживаю за вашей дочерью. Замуж зову, но она пока не соглашается. Не повлияете?

— Хагос, Анс! — Я ткнула его под ребра и застыла, пригвожденная к месту выражением лиц родителей.

По-моему, в ушах у них запели небесные девы. Потом у матери в глазах заблестели воображаемые золотые монетки, а у отца, кажется, свитки с секретами самого сильного на западе боевого клана, которые он непременно узнает, если Сантерн породнится с Архалла.

Хагос! Мучительно хотелось накрыть лицо руками и притвориться, будто ничего не было. А лучше вообще сбежать, пока родители не ухватились за дурацкие слова Анса и не начали всерьез обсуждать наш возможный брак.

Спасение пришло откуда не ждали.

Над столиками прокатился жестяной голос магического оповещения:

— Сатьяна Тайсен! Сатьяна Тайсен! Прошу проследовать в кабинет ректора, немедленно!

Я мчалась, лавируя между студентами, чувствуя на себе чужие взгляды: и равнодушные, и удивленные, и заинтересованные. Родители порывались пойти со мной, но я их успокоила, мол, ничего особенного. На самом деле в груди нарастала тревога.

В прошлый раз, когда меня вызвали к ректору, там ждала мама. А сейчас что случилось? Нашли покушавшегося на меня?

Но, когда я влетела в дверь, в приемной было тихо и спокойно, секретарь в одиночестве перебирал бумаги.

— А, пришла, — скучным голосом приветствовал меня. — Артеран Магрус ждет тебя в корпусе «А», лаборатория 11.

— Меня?

— Тебя-тебя. Если у нас, конечно, нет другой Сатьяны Тайсен. А ее нет, насколько мне известно, благословение Нигосу. Иди уже, у меня дела. Вот, пропуск возьми. Без него студентам в лаборатории хода нет.

Пожав плечами, приняла сложенный вдвое листок и вышла.

Странно, почему в лаборатории? Неужели и впрямь что-то нашли? Что-то опасное или подозрительное, такое, что необходимо мое

присутствие. Может, нужно что-то или кого-то опознать?

Сердце забилося сильнее. А вдруг сейчас узнаю, кто именно на меня охотился? Что если это окажется кто-то хорошо знакомый?

Я спешила, не особо глядя по сторонам, и тут меня схватили за руку, останавливая. Передо мной стоял Ярен.

— Куда?

От неожиданности вздрогнула, а сердце екнуло, одарило жаркой волной.

— Ректор вызвал, — буркнула, прикладывая все усилия, чтобы невзначай не покраснеть под пристальным взглядом.

— Ректор? Он же уехал вроде. И почему вдруг тебя?

— Видимо, вернулся.

— Я с тобой.

Пожала плечами. Со мной так со мной. Не думаю, что мне грозит что-нибудь в учебном корпусе, но с Яреном спокойнее. Вернее, надежнее — спокойной в его присутствии я себя чувствовать не могла.

Навстречу попадались студенты и преподаватели. Я кивала и улыбалась тем, кого знала, украдкой поглядывая на Ярена. Лицо у него было какое-то сумрачное, на меня он не смотрел и казался не отстраненным, как в последнее время, а будто злившимся на что-то. Но это меня даже обрадовало. Лучше злость, чем равнодушие.

Впрочем, спросить о причине я не осмелилась.

Лаборатории корпуса «А» располагались внизу, в подземельях. Повезло, что со мной отправился Ярен, одна бы я плутала здесь до скончания века. А он, похоже, знал дорогу: шел уверенно, прихватывал меня за локоть, когда норовила повернуть не туда.

На входе в нижние этажи стоял охранник, увидев пропуск, молча посторонился. И Ярена не остановил: то ли знал, что он тренер, то ли в пропуске не указывалось количество персон.

Шум снаружи как отрезало: за толстой железной дверью плыла тишина. Под потолком горели синие магические лампы.

Глянула на висевший рядом со входом план. Нужная лаборатория оказалась в самом низу, на минус третьем этаже. Ничего себе, я даже не ожидала, что академия на такую глубину продолжается. Еще больше удивилась, когда коридор, по которому мы шли, вильнул и уткнулся в глухой тупик.

Вернее, никаких створок, проемов, вообще ничего похожего на дверь не обнаружилось. Сплошь глухая стена с железной виньеткой в виде переплетенной древесной арки, рядом с ней, один под другим, были нарисованы два узора. Под верхним стояли цифры 6-10, под нижним — 11.

Я растерялась, а Ярен невозмутимо начертил в воздухе нижний узор. Линии засияли мертвенно-синим, медленно растаяли, и на стене перед нами начал разгораться голубой туман.

— Сейчас разогреется. Он медленный, но другого способа попасть вниз нет.

О, портал?

Проход и впрямь отворялся очень медленно. Синие блики поползли по виньетке, окрашивая металл, не пропуская ни листика, ни веточки. Ярен молчал, я тоже. От нечего делать следила, как неторопливо продвигается огонь, неожиданный вопрос застал меня врасплох.

— Ты вроде с лохматым встречалась. Что, уже за другого замуж собралась?

«Лохматый» — Карин. После нашего расставания он пару раз пытался встретить меня после тренировки, но я постоянно была с сопровождающим, и Карин потухал, отступая, только взглядом провожал. Думаю, подошел бы, если бы дала ему хоть малейший повод, но я старалась даже не смотреть в его сторону. Ничего, нам просто нужно это пережить.

А «за другого замуж» — это об Ансе, что ли? Ярен услышал, как он моим родителям представлялся?

— Ты что, был там? — смутилась.

Ярен дернул плечом. Значит, был. Странно, что не заметила, обычно его присутствие, его взгляд я ощущала на каком-то глубинном уровне.

Впрочем, то, что не заметила, — не беда. И то, что слышал разговор, тоже. Беда скорее в том, что я его не понимала. То он — как сейчас — будто ревнует, то целует так, что сердце в пятки уходит, то мрачен и не проявляет никакого желания сблизиться, то снова задает странные вопросы.

Виньетка наконец разгорелась полностью, и в стене распустился сияющий овал.

Ярен подтолкнул меня, я оробела, но шагнула внутрь. В лицо дунул холодный сухой воздух, на миг закружилась голова, но неприятные ощущения сразу пропали. Вокруг были те же стены, даже показалось, портал не сработал, но потом заметила, что лампы под потолком горят не синим, а зеленым.

Следом из перехода появился Ярен, и тут же все погасло: и сам овал, и виньетка, и даже узор на стене рядом.

— Что такое? — Мой спутник почему-то встревожился.

Провел рукой по узору, начертил в воздухе знак. Ни виньетка, ни стена цвета не поменяли.

Ярен вполголоса выругался, огляделся.

— Работает только на вход. Странно. Пойдем найдем ар-терана Магруса.

Он хотел уже двинуться в путь, и я решилась. Положила руку на его локоть и сказала, глядя прямо в глаза:

— Вообще-то с Кариним я рассталась, а Ансу вообще никогда ничего не обещала. И ни с кем не встречаюсь.

Рука под моими пальцами напряглась, глаза впились в мое лицо. Я не отводила взгляда, хотя сердце стучало как сумасшедшее, и внутри разрастался колющий ледяной комок страха. Ведь с моей стороны это было фактически прямым признанием. Знак «дорога открыта». Если я тебе нравлюсь — вперед.

Взгляд Ярена резал не хуже острого кинжала. Наконец он бросил сквозь зубы:

— Лучше бы встречалась.

Дыхание перехватило, словно со всего размаха ударились о несокрушимую ледяную стену. Лицо горело, будто Ярен залепил мне пощечину. Вот как. Признание оказалось ненужным. Я сама ему не нужна, назойливая, нескромная... Зачем вообще заговорила об этом, надо было молчать.

На глазах вскипали непрошеные слезы. Я отвернулась, но Ярен мгновенно схватил меня за плечи, разворачивая к себе. Он выглядел взволнованным, даже немного испуганным, и готовое вырваться рыдание застыло в горле.

— Ты неправильно поняла, — начал он, но сразу осекся. По лицу прошла тень. — Хагос... да почему же все так...

Он легонько встряхнул меня, будто пытался привести в чувство. Снова заговорил, пытливо всматриваясь в мое лицо:

— Я не вправе... не могу тебе что-нибудь обещать. Ничего не могу дать, кроме проблем и неприятностей.

Взгляд его изменился, стал мрачным и злым. Я уже видела такое выражение: злость и отчаяние, направленные скорее внутрь, чем наружу. На себя самого.

Вопрос сам сорвался с губ, даже подумать не успела:

— Кто ты? Что ты скрываешь?

В глубине глаз метнулось отчаяние, Ярен стиснул челюсти. Ничего не ответил.

Протянула руку, желая дотронуться, провести по складке между бровями, разгладить, согнать с лица это выражение. Внутри щемило до боли, и я сама не понимала, от жалости это или от мучительного притяжения.

Ярен поймал мою руку, не позволив коснуться, и мы застыли, пожирая друг друга взглядами.

Я понимала, что он не говорит мне даже половины правды. Понимала, что все запуталось в тугой неразрывный узел: чужие мотивы, желания, цели. И что в тайнах Ярена можно утонуть с головой, и почти наверняка в этом замешан и Хранитель. И в то же время знала, видела, чувствовала, что Ярена тянет ко мне, как и меня к нему. Тянет безумно, невыносимо, на грани невозможного.

И я верила ему. Даже не потому, что он вручил мне свою жизнь, не потому, что ему доверял ректор. Просто верила, иррационально и глупо. И сейчас, здесь, внизу, вдали от мира мне смертельно хотелось забыть обо всем. Притвориться, что на свете не осталось никого, кроме нас, что больше нет недомолвок и секретов, что все потеряло значение, все, кроме того, что мы рядом, только он и я.

И снова сорвалось с губ своевольное, непрошеное, потаенное:

— Поцелуй меня.

Парень резко втянул воздух, зрачки его расширились, и от одного этого у меня томительно засосало под ложечкой.

Не спуская с меня глаз, Ярен отпустил мое запястье. Коснулся талии, спины, провел ладонью вдоль позвоночника, а потом — резко, сильно, нетерпеливо — вдавил меня в себя. Другой рукой погладил затылок, провел по голове, разделяя пальцами пряди. Это движение

было одновременно властным и таким нежным, что я издала невольный стон.

От его близости темнело в глазах, а он, как назло, как нарочно, медлил, склонившись к моим губам и не касаясь их. Я чувствовала его дыхание, чувствовала, как напряглось его тело, чувствовала его нетерпеливое желание.

Он поцеловал меня сначала нежно, едва касаясь языком, губами. Отодвинулся и взгляделся в мои глаза, будто проверяя, что не отвернусь. Снова коснулся губами рта, и опять так осторожно, что я не выдержала и жадно подалась навстречу. И тогда он сорвался. Мы оба сорвались.

Нас накрыло с головой, и не осталось ничего, кроме яростных поцелуев, горячего дыхания, требовательных ненасытных губ. Кроме запаха, от которого меня скручивало яростным желанием, кроме сильных, жадных рук, забравшихся под одежду, гладивших обнаженное тело, сжимавших до синяков, до сладкой боли. Я теребила жесткие волосы под моими пальцами, упивалась прерывистым дыханием, слышала чей-то тихий стон — то ли просьба остановиться, то ли требование продолжать. Теряла рассудок от поцелуев. Меня никто никогда так не целовал, так отчаянно и нежно, так неистово и бережно.

Не знаю, сумели бы мы остановиться сами или нет, но внезапно раздавшийся над нашими головами металлический голос вмиг вытянул нас из безумного дурмана и вернул в тоскливо-серые стены лаборатории.

Голос — и смысл бесстрастных слов:

— Тестирование начато. Выпускаю экспериментальные образцы.

Ярен отреагировал мгновенно. Отскочил от меня и подобрался, как готовый к схватке хищный зверь. В руке блеснул меч.

— Тестирование? — повторила растерянно.

Поначалу я не восприняла оповещение как угрозу: ну занимаются чем-то в лабораториях, наверное, проводят эксперименты. Но поведение Ярена и меня заставило насторожиться.

— Оружие, — бросил он через плечо.

Послушно призвала Хранителя. Стоило почувствовать в ладони его рукоять, как сразу стало спокойнее.

— Экспериментальные образцы — это твари, — пояснил Ярен, не сводя глаз с конца коридора, тонувшего в полумраке. — Усиленные, ускоренные, улучшенные магией твари. Хотелось бы надеяться, что досюда не доберутся, но это вряд ли. Старайся не высовываться. И сними маскировку с оружия.

По спине поползли холодные мурашки. Снять маскировку — значит, потребуется вся мощь Хранителя. Значит, реальная опасность куда сильнее тех гончих, с которыми мы сражались в лесу.

— Думаешь, они нападут на нас? А ректор?

— Скорее всего, нас обманули. Нет здесь никакого ректора. Но как они ухитрились это сделать, будем разбираться потом.

Мне стало страшно. Обманули? Это ж надо было как-то проникнуть в святая святых, ведь секретарь ректора ничего не подозревал. Или он тоже замешан? В таком случае наш противник опаснее, чем я думала. А может, в этом замешан и сам Магрус? Если да — нам конец! Что мы можем против главы академии, если он всерьез откроет на нас охоту?

Ярен, словно почуввав мою нарастающую панику, обернулся и сказал более мягко:

— Все будет хорошо.

В тот же миг с железным лязгом поднялись двери в конце коридора. Мгновенно похолодало, в лицо повеяло морозом. Я стиснула зубы и сосредоточилась. Мы справимся. Обязательно справимся, вернемся и узнаем, что происходит.

Помня гончих, бессознательно ждала чего-то похожего: пусть с оскаленными пастьями, с общим разумом, чрезвычайно опасное, но нечто в звериной форме. Поэтому, когда по стенам хлестнули ледяные отростки, не сразу поняла, что это и есть тварь. Сообразила, только когда Ярен метнулся наперерез, отрубая несущееся к моему лицу щупальце. И, перехватив рукоять Хранителя, тоже ринулась в бой.

Снятие маскировки помогло не только увеличением мощи. От вида алого пламени сразу стало легче и даже как будто теплее.

Невидимая пока тварь стреляла льдом. По стенам хлестали острые, покрытые шипами ледяные отростки, норовили пронзить нас, пригвоздить к стенам, пожрать. Может, это был лишь обман чувств, но мне казалось, ледяная тварь чудовищно голодна, а мы, теплые, с горячей кровью, живые — для нее самое изысканное лакомство.

Поначалу мы отбивались вполне успешно. Ярен взял на себя середину и правую сторону, я занималась левой, и мы рубили, резали, кололи растущие мгновенно, как ледяные щупальца, ветки. Но холод проникал все ближе к сердцу, онемели держащие рукоять пальцы, я перестала чувствовать ступни. Пот тек градом, и от этого становилось только хуже. Я держалась лишь потому, что от Хранителя шла мощная ласковая волна согревающего тепла, да иногда Ярен помогал целительской магией.

Но сколько мы ни рубили ледяные ветки, они отрастали снова. Уже казалось, я вычерпала до дна весь свой источник, выложились полностью, казалось, что мы давно должны были умереть. Мы пропускали атаки, и острые холодные шипы больно ранили, но сила Хранителя и магия напарника помогали устоять. Ярен не раз поглядывал на меня так, словно был изумлен, что я еще держусь.

Отростков становилось все больше.

— Хагос, — бросил Ярен сквозь зубы, обрубая очередные, и рывком притянул меня к себе.

Выдохнув, я из последних сил подняла одеревеневшие непослушные руки.

Это конец. Сама смерть скалилась нам в лицо. Никто не придет на помощь, никто не знает, что тут происходит. А тот, кто пробрался в лаборатории и выпустил тварей, теперь, быть может, смеется, наблюдая за нами из безопасного места!

Горячая злость чуть-чуть помогала, пока одно из ледяных щупальцев, миновав слишком поздно поставленный блок, не вонзилось в грудь. Я вскрикнула от острой, лишаящей сознания боли. В глазах потемнело, по жилам хлынул смертельный холод. Алые искры Хранителя взметнулись вокруг, рассыпаясь, уходя: я не могла больше удерживать концентрацию. Вот и все...

Мощный поток силы смел вцепившиеся в меня ветви, с треском ломая их, заставляя тварь взвыть на пределе слышимости. Боль схлынула, ощущение ледяного прикосновения еще оставалось, но и оно постепенно таяло. Я обернулась — и обомлела.

Никогда раньше не видела никакого другого из Пяти Оружий, но сразу поняла, что это оно. В руках Ярена сиял такой же ослепительно яркий, как Хранитель, меч — разве что окутывающее его пламя было

голубым. Через пылающее зарево проступало лицо парня — спокойное и сосредоточенное.

Он вскинул руку, крикнул заклинание. Оно прокатилось волной, умноженное силой меча, и последний острый шип словно выдернули из моей груди. Омыло ласковым теплом, вдохнуло жизнь и энергию. Цепляясь за стену, я поднялась, призвала Хранителя. Встала рядом с Яреном. Вдвоем мы, окутанные не смешивающимся между собой огненным маревом двух цветов, прошли весь коридор, прорубая себе дорогу, сжигая тварь пламенем, уничтожая ее магией и сталью.

И тварь дрогнула. Ледяные отростки, которые мы еще не успели отрубить, зашипели, поползли прочь, с каждым мгновением увеличивая скорость. Вот последние из них втянулись в дверные проемы и с шуршанием растворились во тьме, а из меня словно вытащили стержень.

Нахлынула чудовищная слабость, ноги подломились — я бы упала, если бы Ярен не подхватил меня. Он и сам, покачнувшись от усталости и моего веса, съехал по стене. Я хотела подняться или хотя бы откатиться в сторону, чтобы ему было легче, но он не пустил. Прижал к себе, стиснул так крепко, что мне стало нечем дышать. Потом поймал заледеневшие руки, накрыл своими, отдавая остатки тепла.

— Все... все хорошо, все уже кончилось, — прошептал он мне в волосы.

Прекратив слабые попытки вырваться, я молча растворялась в его запахе и тепле тела. Под ухом гулко и яростно билось его сердце.

Ярен испугался за меня. «Все кончилось» — это не мне он твердил, а себе. Себя успокаивал, потому что успел снять маскировку лишь в последний момент, не сразу поняв, что дело швах, едва не промедлил. И я бы погибла.

А ведь он не мог не понимать, как усилит его оружие магия Хранителя, если я умру. Это был такой шанс — почти невозможный, один на миллион — завладеть частью оружия, которое так же сильно, как его собственное. И Ярен им не воспользовался.

А я, кажется, наконец начала понимать.

Легонько уперлась в его грудь ладонями, подняла голову, чтобы видеть лицо. И спросила, чувствуя, как мое сердце забилося быстрее:

— Хен? Это ведь ты?..

Ответом мне стал испуг в его глазах. Он промелькнул так быстро, что, если бы не всматривалась пристально, могла бы и не заметить. Вслед за испугом пришла тишина. Ярен молчал, не отводя взгляда, не пытаясь снять меня с колен, не изображая непонимание. И это тоже означало, что я права.

— Нигос и все его святые, — прошептала, утыкаясь носом в его плечо.

Сильные руки обвили меня вокруг, прижимая меня еще крепче.

Странно, но гнева не было. Наверное, я изжила их — и гнев, и боль, и обиду — за эти полгода. А потом Хен вернулся... вернулся под новой маской и оставался рядом, наблюдая, защищая, охраняя.

Теперь я понимала, почему он не хотел нашего сближения. Боялся, что рано или поздно все равно его узнаю и второго обмана не прощу. Боялся, что больше не смогу ему верить.

Может быть, он даже не ошибался.

Я сама не понимала, что сейчас чувствую, готова ли прощать, смогу ли верить. В голове царил сумбур. Наверное, я должна была отпрянуть, закричать, возможно, наброситься на него с мечом, но вместо этого нежилась в его объятиях, плавилась в тепле его тела, чувствуя себя совсем обессиленной и почему-то защищенной.

— Ненавидишь меня?

Мы сидели в обнимку так плотно, что почувствовала слабую вибрацию от его голоса в собственной грудной клетке. Хмыкнула вместо ответа.

— Ты уже спрашивал.

В ту ночь, когда на нас напали гончие. То-то я думала, почему он интересуется моим мужем! Он интересовался моим отношением к нему самому, а я, балда, как обычно вывалила все начистоту.

— Как ты поняла?

Я не вырывалась, не спешила начать убивать его, поэтому он немного расслабился. По крайней мере, спросил с почти детским любопытством и легкой обидой, мол, где же я прокололся?

— Не знаю. Просто картинка сложилась.

Множество мелких деталей встали на свои места, и меня как осенило. О Пяти Оружиях мне первым рассказал именно Хен. Он охотился за Хранителем. И он боевик, который умеет лечить. Еще тогда, на привале, когда мы только ехали в академию, впервые увидев,

как Хен сражается с братом, я подумала, что он боевик, что он двигается как боевик. И обучал он меня как боевик, знающий все приемы изнутри.

Боевик-целитель, всегда рядом, владеет одним из Пяти Оружий, следовательно, хорошо знает, что это такое. А еще...

Он мог поменять лицо, голос, привычки, манеру говорить. Даже запах как будто чуть-чуть изменился.

Но целовал он меня по-прежнему.

Ох... по телу прошла спирающая дрожь. Если бы я хоть на миг допустила такую возможность, раньше бы догадалась.

Хагосов Хен!

И все-таки ткнула его кулаком под ребра. Выпрямилась, посмотрела обвиняюще.

— Что тебе от меня нужно? Хранитель? Украсть не вышло, теперь решил добром взять? Так и быть, возьму меч вместе с девушкой?

— А ты бы пошла? — Он рассматривал меня, будто никогда раньше не видел, и по губам этого извращенца блуждал призрачный слабый улыбки.

— Нет! — ответила враждебно, пытаюсь отодвинуться еще дальше.

Хен не позволил, за бедра притянул назад, так тесно, что я залилась краской, сообразив, на какой части его тела сейчас сижу. Однако все лишние мысли мгновенно выбила из головы его следующая фраза.

— Вот и хорошо... Потому что мне некуда тебя вести. Я предал свой клан, и, как только это вскроется, меня убьют.

Прозвучало столь буднично, что не сразу поняла. Машинально повторила онемевшими губами:

— То есть как убьют?

Его руки исчезли с бедер, вызвав неприятное чувство потери. Коснулись ворота рубашки, быстро пробежались, расстегивая пуговицы.

Я молча наблюдала, подозревая, что дело не в том, что ему внезапно стало слишком жарко.

В проеме раскрытой рубашки показалась твердая мужская грудь. Руки Хена двигались все ниже, я увидела плотные мышцы пресса,

несколько тоненьких складочек кожи на животе, появившихся оттого, что он сидел ссутулившись.

В лицо полыхнуло жаром, я облизала пересохшие губы. Смертельно захотелось коснуться, провести пальцами по тугим мышцам, изучить их, наслаждаясь теплом гладкой кожи. Может, я даже осмелилась бы, но...

Хен сосредоточился, и я почувствовала движение магической энергии. На его теле засияли знаки. О да, еще и знаки — я ведь видела часть этих татуировок на Хене раньше, полгода назад, только их было меньше, и они не сияли, лишь обвивали черным узором его торс. В прошлый раз не опознала, но смутное ощущение уже виденного добавилось в копилку, чтобы вырваться сегодня.

— Вот, — Хен положил ладонь на синюю вязь на груди, под самым горлом, — такой же заговор на смерть, как я тебе показывал. Только этот действует на расстоянии. Клановая метка. Как только там узнают, что я перешел на другую сторону, мне конец.

Вздрагнула и подняла на него глаза.

— На другую сторону?

О какой стороне он говорит? Я бы поняла, если бы речь шла о войне между кланами, но ведь Сантерн ни с кем не воюют. Воюют Морвенна с Имерией, да и то сейчас вроде перемирие.

— Я имериец, малыш. Имериец и двойной шпион.

Он сказал это спокойно, как ни в чем не бывало. Таким же тоном, каким мог попросить передать ему блюдо с печеньем. Только руки снова легли мне на бедра, как будто он собирался не дать мне сбежать.

Имериец.

Я окаменела, забыв, как дышать. Новость оказалась чересчур невероятной и страшной. Ведь Имерия — исконный враг Морвенны, война длится вот уже которое десятилетие. И я столько слышала о том, какие имерийцы звери. Как они беспощадны, как уничтожают наших, нарушают границы, устраивают партизанские вылазки, захватывают и разоряют деревни и даже мелкие города.

— Я думала, ты из Вендая.

Хен покачал головой.

— Из Вендая были мои дед и бабушка. Я родился уже в Имерии. Мать была имерийкой.

— Ты говорил, что родители погибли в сражении с тварями...

— Да. А до того на деревню, где мы жили, напали люди Морвенны. Наши отбили нападение, но не успели восстановить защиту поселения. А в следующую ночь нахлынули твари. Бабушка утверждает, что действовали ваши животноводы. Не смотри так, сам я ничего не помню. Мне было-то два года.

А я продолжала смотреть. В груди разрастался болезненный ком. Хагос, становилось трудно дышать, стоило представить маленького Хена, представить, сколько людей погибло... Ради чего? Чтобы откусить кусочек от вражеской территории, а потом потерять примерно такой же кусочек своей?

— Сатьяна...

Я выдохнула. С усилием заставила себя сглотнуть подступивший к горлу ком. Это прошлое. Сейчас у нас перемирие, никто не умирает, не теряет родителей и друзей. И, может быть, это перемирие станет вечным. И имерийцы перестанут быть врагами, перестанут быть пугалом для маленьких морвеннских детей.

Почувствовав, что успокаиваюсь, спросила:

— Подожди, я не понимаю. Ты говорил, в академии есть имерийский шпион. Это не ты?

— Здесь как минимум еще один человек из Имерии. Это я знаю точно. Подозреваю, именно он заманил нас сюда. Перехватил способ, которым ректор связывается с академией.

— И ты не знаешь, кто он?

— Не знаю. К счастью, и он не знает, кто я, вернее, под какой личиной.

На некоторое время мы замолчали. Потом я спросила:

— А какая твоя личина настоящая?

Хен повел рукой. Вокруг плеснула знакомая серебристая пелена, затягивая нас в кокон, заставляя теснее прижаться друг к другу. Отвод глаз. Я видела, как заклинанием пользуются Вейн и Карин, разве что они наводили чары на все помещение, а Хен — только на нас двоих. Теперь наблюдатель увидит безобидную картину и ничего не услышит. А ведь защита от прослушивания уже стояла, сейчас я поняла это. Видно, Хен поставил ее с самого начала разговора.

Не отрывая от меня взгляда, улыбаясь кончиками губ, он провел по лицу рукой. Следуя за ее движением, черты плавились, перетекали, и сквозь них просвечивали другие.

Хен... Тот Хен, которого я помнила, и Ярен, которого узнала недавно, словно слились воедино. Настоящее лицо моего фальшивого мужа походило одновременно и на того, и на другого, как если бы он был их родным братом. Нос — от Ярена, прямой, с едва заметным утолщением в середине переносицы. Глаза — скорее от Хена, полные пронзительной синевы. Губы... губы не знаю чьи, но кончики пальцев закололо от желания к ним прикоснуться.

— Так странно... — шепнула, не отводя глаз, не переставая смотреть, впитывая всё своим существом знакомо-незнакомые черты.

Подбородок, крепкая шея, широкие плечи... Снова вернулась к лицу — высокий лоб, на который падают волосы цвета стали. Не белые, как у вендайцев, и не черные, как у имерийцев. Скулы... По ним тоже хочется провести пальцами, очертить линию сильной челюсти. Спуститься ниже...

— Не смотри на меня так, — хрипло сказал Хен.

— Как?

Не в силах перестать рассматривать его, снова вернулась к глазам и чуть не утонула в грозовой бушующей синеве.

Он не ответил. Просто взял меня за затылок, притянул к себе, поймал губы, запечатывая их жадным требовательным поцелуем. Я не сопротивлялась. Наверное, вздумай он зарезать меня сейчас, я бы и то не сопротивлялась, только прильнула бы теснее. Хагосов Хен...

— А как... тебя... зовут по-настоящему?

Когда мы оторвались друг от друга, дыхание у меня было тяжелым и сбивчивым, а внизу живота яростно пульсировал огненный шар.

— Яреннар, — шепнул Хен. — Яреннар из рода Белой Змеи.

Я обомлела, но только хотела засыпать новыми вопросами, как он положил палец мне на губы.

— Давай об этом в следующий раз. Скоро здесь будет очень шумно.

— Почему?

— Потому что наверху обязательно заметят, что механизм выпуска тварей внезапно сработал ни с того ни с сего. Еще и попытаются навесить вину на нас, но это не беда, я все улажу. В любом случае сейчас тут будет столпотворение.

Я растерялась, а Хен провел ладонью перед лицом, возвращая себе холодные светлые глаза Ярена. И только если всмотреться, можно было заметить, что там, в глубине, полыхает тот же огонь, что бушевал и во мне.

— Зайду к тебе вечером. Можно?

Кивнула и сама потянулась к его губам.

На самом деле я еще ни капельки его не простила. Еще злилась, не понимала, негодовала — за то, что исчез на целых полгода, за то, что был рядом и не признавался. За то, что не давал о себе знать. За то, что ушел так легко.

Но сейчас куда важнее было, что он здесь, отвечает на мои поцелуи, что он вернулся... и, кажется, и правда испытывает ко мне что-то... Что-то особенное.

Ярен... Хен — мне нравилось мысленно называть его именно так, именем, под которым я его узнала, — во всем оказался прав. В лабораториях и впрямь поднялась тревога, с верхних этажей хлынула толпа работавших там зельеваров и артефакторов. Сначала нас отчитали, потом начались выяснения, нападки, допросы. Хен несколько раз объяснял, что мы ни при чем, пока наконец не выяснили, что в момент срабатывания механизма мы находились слишком далеко, чтобы привести его в действие, так что обвинения с нас сняли.

С парой человек Хен говорил отдельно, и эти люди с непроницаемыми лицами сразу куда-то подевались. Остальные размахивали руками и пытались спихнуть ответственность друг на друга. В итоге сошлись на том, что механизм сработал по нелепой случайности. Половина толпы отправилась выяснять, как избежать таких случайностей в будущем, другая — писать докладные, а нас с Хеном наконец отпустили.

Он довел меня до общежития и испарился, еще раз повторив, что заглянет вечером. Поднявшись к себе, упала на диван. С кухни тянуло аппетитными запахами, Лидайя готовила, напевая себе под нос. Она пыталась разговорить меня, делилась наблюдениями за другими командами, хвалила нас... Я слушала вполуха, тупо уставившись в потолок.

Хен вернулся... вернулся ко мне. Все никак не могла поверить, вернее осознать. Все было таким ненадежным, зыбким, непрочным. А

если он опять мне лжет? Или так же умело не договаривает, как прежде?

Доверие... Я так сильно обожглась в прошлый раз, что сейчас никак не могла поверить до конца. С одной стороны — его откровенность, клятва, постоянное присутствие рядом, помощь и защита. С другой... Раньше я тоже верила ему и не сомневалась. И он тоже казался честным, и помогал мне, и был рядом.

Вляпаться снова было слишком страшно.

Странно, буквально пару часов назад я была в шоке от внезапного появления родителей и даже не подозревала, что впереди меня ждет потрясение куда сильнее. На его фоне и приезд родных, и беременность мамы — все потускнело, оставив в сознании единственную мысль, пульсирующую в такт биению сердца: Хен... Хен... Хен...

Время до вечера тянулось томительно. Мы с Лидаией поели, поболтали — хотя я отвечала немного невпопад, позанимались. Я даже успела немного вздремнуть. За окнами давно сгустилась темень, а Хен все не шел.

От грызшего внутренности беспокойства начала метаться по комнате.

Вот опять он заставляет ждать. Я многого не успела спросить, я ведь только сейчас поняла, что это он, неужели не ясно, что вообще не хочу с ним расставаться? Почему он мотается один Хагос знает где, разве не должен спешить ко мне со всех ног? А если что-то случилось? Вдруг его поймали? Раскрыли? Убили?

Наверное, еще минут пятнадцать, и я, наплевав на все — покушения, запрет передвигаться по академии в одиночку — отправилась бы на поиски, но в дверь наконец-то постучали.

Сердце замерло, потом пустилось в пляс. Бросилась в нашу маленькую прихожую, предупредив Лидаию:

— Я открою!

Подруга валялась с книгой у себя и только проводила меня вопросительно-недоуменным взглядом.

Поворачивая ключ, уже знала, что за дверью Хен. Просто чувствовала, как будто его аура проникала сквозь стены. Перехватило дыхание, подрагивали кончики пальцев. Испугалась, а вдруг выгляжу как-то странно или нелепо, а я даже в зеркало не посмотрела.

Но стоило увидеть гостя, как дурацкие мысли вылетели из головы. Хотя правильнее было бы сказать, что из головы вылетели вообще все мысли, я стояла безмолвной статуей и пялилась на Хена.

Он переоделся: свободный серый свитер, широкие штаны. Взлохмаченные волосы влажные — душ принимал, что ли? Парень тоже застыл, пожирая меня взглядом. Положил руку на дверь, будто боялся, что вдруг закрою, стоял и молчал. А я все торчала на пороге, не давая ему пройти.

— Кто пришел?

Слава Нигосу, голос Лидаи привел меня в чувство. Я отшатнулась, освободила проход. Оказавшись в прихожей, Хен бросил взгляд в сторону комнаты, и я сообразила, что при Лидае мы не сможем поговорить начистоту. Хагос, что же делать, не выгонять же ее из дома на ночь глядя?

Сейчас Хен скажет, что зайдет в другой раз. Я сжалась, готовясь к боли, — ужасно не хотелось, чтобы он уходил. Даже до завтра. Даже на несколько часов.

Но Хен молча поймал меня за локоть, притянул к себе, другую руку положил на поясницу, отчего я невольно прогнулась в талии и прильнула к нему еще теснее. По телу хлынул жар, сердце как сумасшедшее запрыгало в груди. Ой-ой-ой, что же сейчас будет!

И все равно я не противилась. И не могла бы. Чувствовала себя мягкой, как подтаявшее масло, сил хватило только упереться рукой в широкую грудь и шепнуть:

— Лидайя...

— Что Лидайя? — Хен наклонился ко мне близко-близко.

Смешок пощекотал ухо, горячее дыхание обожгло. Хотелось закрыть глаза, обвить шею Хена руками и позволить ему все на свете.

— Сатьян? — Моя соседка, так и не дождавшись ответа, выглянула в коридор. — О... здравствуйте.

— Это Яре... ар-теран Верес, наш тренер, — чувствуя, как густая краска заливает лицо и уши, я обернулась — насколько это было возможно, стоя вплотную к Хену. Старательно делая вид, что не происходит ничего такого — подумаешь, тренер и первокурсница обнимаются в полутьме, сказала Хену то, что он и так знал: — Это Лидайя. Моя подруга.

— Приятно познакомиться. — И улыбнулся как ни в чем не бывало.

— Мне тоже, — ответила Лидаёя вежливо, как и подобает первокурснице. Посмотрела на нас с любопытством. Нашу позу она не прокомментировала, но взгляд был многозначительный. — Ой, вспомнила, я же к Ларну собиралась пойти! Не буду мешать, давайте, пока.

Она мигом, будто давно готовилась, сдернула с вешалки пальто, вдела ноги в ботинки и пропала за дверью. Послышались быстро удаляющиеся шаги.

Все произошло так стремительно, что совершенно меня ошеломило. Потянулась густая тягучая тишина. Мы как дураки продолжали в обнимку торчать в прихожей.

— Хочешь чаю? — спросила одревенело.

— Хочу, — улыбнулся Хен.

Я с облегчением высвободилась из его рук и юркнула на кухню. Пока наливала воду и ставила чайник на огонь, одним глазком наблюдала, как он ходит по комнате. Мне было странно и удивительно — понимать, что он здесь. Что это правда Хен. Сладкий ужас и предчувствие боли — он здесь, родной, любимый... вот только ему грозит смерть.

— Чайник кипит.

Пока я плавала в густом меду чувств и коротеньких мыслей, Хен успел подойти и теперь стоял с другой стороны от кухонной стойки. Смотрел на меня и снова улыбался.

— А-а! Да...

Погасила огонь, достала чашки. И чуть не уронила их — руки Хена легли по обеим сторонам моего тела, щеку пощекотали его волосы. Я застыла, чувствуя, как по позвоночнику несутся мурашки. Запах мужчины забил ноздри, вскружил голову, опьянил.

— Так и не научилась готовить? — Хен тихо усмехнулся мне на ухо.

— Н-нет... — Не выдержав напряжения, повернулась в его руках.

Тут и он перестал улыбаться. И я не могла оторваться от его глаз, зачарованно наблюдая, как медленно они темнеют, как его взгляд скользит ниже, к губам, как дыхание учащается, как он снова смотрит мне в глаза.

Хен медленно и осторожно подался вперед, провел кончиком языка по губам, будто пробуя их на вкус, только обозначая намерения. Я закрыла глаза. Закинуть руки ему на шею постеснялась и только сжала складки свитера у него на боках, притягивая в себе, плаваясь в ощущениях. Нигос, как жарко... и пронзительно...

Поцелуй углубился, превращая что-то внутри меня в тягучую лаву, заставляя ее взламывать плотную скорлупу, вынуждая меня саму дышать часто и прерывисто, словно я была готова взорваться.

Почему каждый поцелуй с ним — как пламя? Как обжигающий бешеный жар, сносящий все барьеры, все оковы, все запреты?

Хен наконец отстранился, уперся лбом в мой лоб, по-прежнему обнимая. Некоторое время мы молчали, успокаивая дыхание. Хагос, так нельзя. В следующий раз мы не остановимся. Я бы и сейчас не возражала, если бы...

Следующая мысль поразила меня своей пугающей правильностью.

В любой момент один из нас может умереть, так почему бы не сделать то, о чем я все равно никогда не пожалею?

Ох, кажется, пока что лучше не думать об этом. Чай! Да, конечно. Чай...

Предложила Хену сесть за стол, поставила перед ним чашку. Потом вспомнила, что с нашего ужина что-то осталось. Вытащила кастрюлю из холодильного угла, заглянула. Суп, в сковородке лежат котлеты, где-то была еще вареная картошка.

— Хочешь поесть?

— Ты готовила? — уточнил он с насмешливыми нотками.

— Лидайя, — буркнула я.

— Тогда хочу, — и заржал, негодяй.

Ел он с аппетитом, аж за ушами трещало. Я сидела напротив, попивала чай и беззастенчиво пялилась. Ужасно хотелось попросить его снять маскировку. И стоило Хену доесть, я так и сделала.

Просьбу выполнил без вопросов. Поставил защиту от прослушивания и наблюдения, и из-под черт Ярена проступили его родные. С полминуты я просто смотрела, точно пытаюсь запечатлеть в памяти каждую мелочь. Потом спросила, и в голосе помимо моей воли плеснул упрек:

— Почему ты пропадал полгода? Почему не вернулся сразу?

Хен глянул на меня с насмешливым изумлением. Отставил тарелку, поднялся.

— Спасибо, было очень вкусно.

Я молча ждала ответа, но он ушел в комнату, остановился, долго и со вкусом потягивался. Наконец сел на диван и похлопал рядом с собой.

— Все расскажу, если придешь сюда.

Невольно фыркнула. Нашелся шантажист. Составила посуду в раковину, активировала знак воды, чувствуя, как Хен гипнотизирует взглядом мою спину. Его нетерпение можно было резать ножом, так что губы сами расплывались в улыбке. Не хочет рассказывать сразу — пусть подождет.

— Потом домоешь, — он не выдержал первым.

Улыбка сделалась торжествующей. Я нарочито неторопливо погасила знак, вытерла руки о полотенце и с делано безразличным видом прошествовала к дивану. Хен сидел, расслабленно расставив ноги, положив руки на спинку, но стоило подойти, сцапал меня в объятия.

— Попалась, — довольно проорчал мне в волосы.

— Рассказывай. — Повинуясь его рукам, я устроилась между расставленных коленей, чувствуя себя кошкой, пригревшейся на солнце.

— М-м, — протянул Хен, — собственно... Вернулся домой с пустыми руками, зря потратив почти полгода, не только не достав то, за чем отправлялся, но и невольно поспособствовав пробуждению Звезды Сантерн... Уйма денег, подготовка, время — все пошло к Хагосу. Так что, думаю, ясно, что дома мне не обрадовались.

Я выцепила из его монолога слова «Звезда Сантерн». Так вот как они называют Хранителя! Неожиданно красиво и поэтично.

— Если честно, надеялся, что они отступятся. Но ваш меч был единственным из Пяти Оружий, о котором мы знали точно, и единственным, к которому могли подступить. Лук Морвенны, я уже говорил, давно утерян, посох и шар у нас были, оставались ваш меч и кинжалы Ерриосов, но до кинжалов добраться практически нереально... Так что мне вставили по первое число и отправили обратно.

— Сюда? Сразу?

— Нет, не сразу. Ты переоцениваешь наши возможности. — Хен невесело усмехнулся. — Несколько месяцев ушло на создание новой легенды. И то я торопился как мог, потому что боялся... за тебя. — Я сидела, уткнувшись носом в его ключицу, но при этих словах приподняла лицо. Хен тоже посмотрел на меня, серьезно и строго. — Я знал, что здесь есть еще один человек из наших. Пока у меня все шло хорошо, он не вмешивался. Но когда я погорел, он в любой момент мог перейти в наступление. Особенно если выяснилось бы, что меч и правда у тебя.

— Вы не знали?

— Была вероятность, что это не так. Ты могла не удержать магию, могло быть кратковременное помешательство.

— Поэтому ты меня... не убил? — Внутри все болезненно сжалось.

Я будто снова очутилась там, в домике на заставе, и незнакомец, притворявшийся моим мужем, сидя в ногах кровати, смотрел на меня молча и отчужденно.

Хен, словно что-то почувствовав, крепче сжал руки, возвращая меня в настоящее.

— Я бы не смог, — хриловато сказал после паузы. Чуть дернулся кадык на горле. — Я уже говорил тебе: самый сильный твой враг — ты сам. Я проиграл. Себе... тебе. — Он зарылся лицом в мои волосы, вдохнул так яростно, словно от этого зависела его жизнь. — Я люблю тебя, Сатьяна.

Не сразу осмыслила его слова. Ошарашенная, вынырнула из крепкой хватки. Хен смотрел на меня прямо, с каким-то отчаянием. Так, как смотрит побежденный, вручивший победителю свой меч и ожидающий, когда острое коснется его груди.

— Ты пробралась мне в душу, как какое-то наваждение, проклятие. Знала бы ты, сколько раз снилась мне. Разная. Нежная, милая, смелая, решительная... развратная, соблазняющая. Я вообще не должен был тобой увлечься. Но ты... ты взяла меня своей... настоящестью. Я бы сказал «искренность», но это немного другое. Ты — как моя противоположность. Там, где я действую исподтишка, обманом, ты рубишь напрямую. Ты была моей целью, способом подобраться ближе, я не имел права допускать хоть какие-то чувства... Но ты... — он не договорил, бессильно усмехнулся, покачал головой.

Мои щеки пламенели, я чувствовала это, но взгляда не отводила. Стеснения не было, был только смутный внутренний жар, стремившийся вырваться наружу, вылиться или в слова, или в действия, но ни слов, ни действий не находилось.

Хен скользнул пальцами по моему затылку, стиснул, накрыл ртом мои губы. Поцеловал коротко, но жадно, отпустил со вздохом.

— Я не собирался снова наступать на те же грабли, — сказал тоном ниже, всматриваясь в мои глаза. — Хотел быть рядом, охранять, но... не выдержал. Вокруг тебя постоянно крутятся какие-то идиоты. Ты приманиваешь их, как мед муху!

Его большой палец рассеянно поглаживал мою шею под волосами, рождая миллионы щекотных мурашек. Голос был недовольным, лицо хмурым, а прикосновения — нежными-нежными, так что хотелось зажмуриться и замурлыкать.

— В общем, прогорел как младенец. А ты довольна? Маленькая змейка, — прозвучало почти добродушно, и я, хихикнув, снова уткнулась носом в складки его свитера.

Потом, кое-что вспомнив, подняла голову.

— А как бы ты его взял, Хранителя? Ведь у тебя уже есть сильный меч. Хранитель не пошел бы к тебе. Или тогда было другое оружие?

— То же. — Хен покачал головой. — Есть способ собрать энергию в сосуд. Помнишь, ваш меч изначально хранился в камне. Таким способом оружие можно передать. Но это знание — из числа наших клановых секретов. Именно так моя бабка выкрала посох Денортов.

Кивнула, но в то же время что-то в его рассказе меня царапнуло, и через миг я поймала эту нестыковку.

Я знала, что оружие может менять форму при смене хозяина. То есть если меня убьют, магия пойдет к тому, кто окажется поблизости, вне зависимости от его специальности, и он, если приручит ее, получит то оружие, которое ему нужно. Но в случае Хена сначала я видела его посох, а теперь у него меч. И он утверждает, что это то же оружие. Значит, оно может меняться, даже будучи в руках у одного и того же человека?!

Когда я спросила, Хен улыбнулся, словно хваля за наблюдательность.

— Да, оружие может меняться. Но не от балды, а только при смене специальности. Я ведь говорил тебе, что сначала собирался стать целителем. Бабка обучала меня обоим специальностям. Иногда ночным приходится путать следы... Умение сменить род деятельности — большое преимущество. Я стал целителем перед тем, как отправился сюда, и снова превратился в боевика, когда вернулся домой. Но это не делается на раз-два. Необходима перестройка организма, обычно на нее уходит не меньше недели, а то и двух. А так, пока я боевик, могу пользоваться только минимальной целительской магией.

— И это тоже клановый секрет?

— Угадала, — хмыкнул Хен. Снова усмехнулся. — Думаю, так как меня все равно казнят за предательство, секретом больше, секретом меньше...

Я ткнула его кулаком в плечо. Нечего так беззаботно упоминать о своей неминуемой смерти. У меня от этого каждый раз сердце пронзает, а с Хена все как с гуся вода.

Пылающая синим огнем метка снова встала перед внутренним взором.

— Неужели с этим ничего нельзя сделать? А ректор?

Хен сразу понял, о чем я.

— Нет, малыш, Магрус тут не поможет. Метку невозможно снять, пока я принадлежу клану.

— А выйти из клана?

Он ответил не сразу, пару секунд как будто взвешивал мысль. Потом с сожалением покачал головой.

— Отречься от клана можно. Но тогда метка сразу сработает.

Я закусила губу. Хен помедлил, не сводя взгляда с моего лица, потом протянул руку, провел большим пальцем по лбу, будто разглаживал складочку.

— Давай не будем об этом. Сам виноват. Нужно было предусмотреть это, потратить больше времени на подготовку. Но у меня были причины торопиться, так что я ни о чем не жалею.

Мы долго молчали. Я упрекала себя: причина поторопиться — ведь он из-за меня торопился. Боялся, что тот, другой, перейдет в наступление. Боялся, что опоздает, что меня убьют. И из двух зол выбрал то, которое грозит смертью ему самому.

Тут я вспомнила еще кое-что.

— Так это ты следил за нами, когда на нас напала Висперина со своими шавками. То-то мне казалось, что во время боя меня кто-то подлечивает!

Хен расплылся в улыбке, чмокнул меня в нос.

— Я следил за тобой постоянно, — сообщил с явным самодовольством.

— Надеюсь, не подглядывал, когда была в душе...

В его глазах засияли предвкушающие огоньки. Он чуть не облизнулся, как лис, увидевший неосторожно покинувшую загон курочку. Поспешила задать новый вопрос, пока лис не набросился на меня.

— А зачем вам вообще Пять Оружий? Продать?

Хен покачал головой. Ответил с щемящей нежностью:

— Чтобы покорить Морвенну, наянэ. Моя бабка — правая рука жреца Имерии и ненавидит Морвенну священной ненавистью. В принципе, неудивительно, она потеряла мужа и сына по их вине. Про моего отца ты знаешь, а деда убили те самые Денорты. Так что украсть их посох стало для нее смыслом жизни. Мечь... А потом она сбежала в Имерию вместе с моим отцом, тогда еще ребенком. Но — так бывает — посох ее не принял. Он хранился в клане, сколько себя помню. В виде артефакта, точь-в-точь как ваш меч. А когда родился я, мы как-то нашли общий язык. — Он рассмеялся, словно сам недоумевал, как это у него вышло.

Представила, как маленький Хен, как и я в детстве, обнимает светящийся камень и жалуется на свои обиды. Хен наверняка не питал ненависти ни к Денортам, ни к самому посоху — может, тот это почуял?

Несколько минут мы молчали, прильнув друг к другу: Хен обнимал меня, уткнувшись твердым подбородком в мою макушку, а я — удобно устроившись в теплых объятиях, вдыхала щекочущий ноздри запах, рассеянно поглаживая ткань свитера. Потом вспомнила записку, переданную от его имени, и вывернулась, поднимая голову.

— Ты оставлял мне записку, когда я была в лазарете?

— Какую записку? — нахмурился Хен.

— С просьбой о встрече той ночью, в зале. Когда на меня кто-то напал и пытался задушить. Ты тогда ворвался и помешал.

Лицо Хена потемнело.

— Нет, никаких записок я не писал. Видел тебя в лазарете, убедился, что все в порядке, на этом все. А что за записка?

— погоди, ты видел меня в лазарете? — Не припомню, чтобы он заходил.

А я бы запомнила, ведь тогда он еще не был нашим тренером. Впрочем, возможно, тогда я спала.

Хен почему-то смутился, загадочно хмыкнул, будто вопрос поставил его в тупик. Потом спросил:

— А где записка? Сохранилась?

— Да, лежит где-то. Мы сличали с твоими конспектами, думали, выясним, твой ли это почерк, но так и не поняли.

— Покажи.

Через нежелание выбравшись из теплых объятий, нашла записку. Хен рассмотрел ее, нахмутив брови, перевернул, изучил обратную сторону.

— Скорее всего, писал тот, второй из клана, о котором я говорил. Пытался убить тебя, чтобы завладеть мечом. Только клановый мог знать имя, под которым я здесь был. Я заберу ее, хорошо? Может, что-нибудь выясню. Шанс мал, но вдруг...

— Конечно.

Хен запихнул листок в задний карман. Повисла неловкая пауза. Я сделала попытку отойти.

— Еще чаю?

— Нет. — Он поймал меня за руку, усадил обратно на колени и по-хозяйски обнял.

Я затихла, украдкой улыбаясь. Мне было уютно в его объятиях, спокойно и тепло, словно наконец-то очутилась там, где и должна была быть всегда. По-моему, Хен чувствовал то же самое.

Я настолько разомлела, что вопрос застал меня врасплох:

— Сразу с ним встречаться начала?

Попыталась повернуться, но Хен не дал, объятия стали неожиданно жесткими. Я смирилась, пожала плечами, и хватка немного ослабла.

— Ты про Карина?

— А ты не только с ним встречалась? — в голосе звучали ревнивые и злые нотки.

Мне вдруг стало весело.

— Ревнивый муж вернулся? Полгода пропал, теперь претензии предъявляет?

Он не сразу отреагировал, только после паузы слегка расслабился, хмыкнул:

— Резонно.

Разговор снова издох, но атмосфера изменилась. Я пыталась задавить желание в свою очередь поинтересоваться, как он провел эти полгода и много ли девушек поменял. Настроение испортилось, и, чтобы не злиться втихомолку, я заговорила:

— Я на Карина поначалу тоже сильно сердилась. Он знал, что ты ночной, и ничего мне не сказал. А встречались мы не больше пары недель. И то жалею, что согласилась. Надо было сразу сказать, что ничего не получится.

Если в начале моего монолога тело Хена окаменело, но теперь ощутимо расслабилось. Он прикоснулся губами к щеке, сказал негромко:

— Я не возражаю. Никаких претензий. Я не имею права возмущаться и требовать, чтобы ты до смерти хранила мне верность. Просто меня до остервенения раздражает мысль, что кто-то к тебе прикасался.

Вот как ему удастся так просто изменить мое настроение на противоположное? Улыбка снова поселилась на лице.

Помучить еще немного или признаться?

— Если хочешь знать, у нас не было ничего серьезного. — Выбрала-таки второй вариант — эх, Сатьяна, какая ты все-таки мягкотелая!

— Он не затащил тебя в постель? Вот тьюфяк.

Самодовольный тон меня разозлил.

— Вообще-то, и ты не затащил. И в целом, — сделала попытку вырваться, — я сама могу решить, с кем, когда и как.

Хен хмыкнул, теперь задумчиво. Прижал меня крепче, явно не собираясь выпускать.

— Тс-с, сиди. Извини. Я увлекся. Просто... слегка ревную.

Ничего себе слегка! Но извинения были приняты. Однако вскоре Хен снова взялся за свое:

— А второй хмырь? Черноглазый. Замуж тебя звал. Пойдешь?

— Это было чисто деловое предложение, — ответила, уже с трудом сдерживая смех. — Они хотят Хранителя, взамен предлагают защиту клана. С Ансом у меня ничего нет, он просто развлекается.

— Пусть Хагоса в задницу поцелуют.

Было непривычно слышать, как он выражается, прямо и грубовато. Но меня это не раздражало, даже наоборот, чем-то нравилось. Было такое ощущение, что он наконец дорвался до своей добычи и рычит на любого самца в поле видимости.

— А ты чем занимался эти полгода? Сколько девушек соблазнил? — спросила и сжалась, сразу пожалев, что слова сорвались с губ. Я не хотела слушать о его девушках, много их было или мало. Поспешно добавила: — Хотя не говори, мне не интересно.

Хен рассмеялся, снова провел губами по щеке, по скуле, на миг прижался сильнее, оставляя отпечаток поцелуя.

— Маленькая ревнивица. За мной, в отличие от тебя, никто не бегал. И вообще мне в эти полгода было не до девушек. Одна только...

Одна... но одна, значит, была.

В сердце словно впиалась огромная игла. В принципе, понятно... взрослый мужчина. Между нами все было кончено, с какой стати хранить мне верность? И все равно тупая боль внутри только разрасталась, заливая грудь расплавленным оловом.

— Молчишь? Не ревнуешь? — Хен снова тихо засмеялся. — Да, только одна... засела в голове так, что ничем не вытащишь. Каждый Хагосов день за эти полгода... и ночь. Постоянно перед глазами стояла одна и та же. Ты.

Я повернулась, на этот раз Хен не мешал. Недоверчиво уставилась на него.

— Хочешь сказать, у тебя никого не было? За все пять месяцев?

— За кого ты меня принимаешь, — разулыбался он. — Я что, похож на мужика, пытающегося затащить в постель все что движется? Разве я давал основания так думать?

Вместо ответа я его поцеловала. Взяла лицо в ладони и поцеловала как следует, чтобы из дурной головы выветрились все глупые шуточки.

Хен ответил, руками прошелся по моей спине снизу вверх, сильно, словно хотел меня всю вдавить в себя. Было удивительно

приятно, и я зажмурилась, чуть откидываясь назад. Пальцы легли мне на затылок, и инициативу в поцелуе у меня с легкостью перехватили.

Целовал Хен так ненасытно, точно хотел пометить, оставить свой знак, доказать всем и в том числе мне самой, что я принадлежу только ему. Я молча подчинялась, отвечала, раскрывалась навстречу.

С ним всегда это было как-то особенно. Только от его поцелуев внутри все дрожало, ноги становились как кисель, и в голове билась одна мысль: хочу большего. Развернулась к Хену лицом, оседлала его бедра, чувствовала, что он меня хочет, — и это вызывало не страх или отвращение, а только невероятное, с головой накрывающее желание.

Я тоже хочу оставить на нем свой знак, чтобы каждая знала: он мой. Чтобы он сам помнил об этом каждую секунду.

Оторвалась с неохотой. Хен останавливаться не хотел, и я шепнула в настойчивые губы:

— Лидайдя скоро вернется...

Хен все же поцеловал меня, прежде чем ответить хриплым задыхающимся шепотом:

— Да не вернется она.

— Почему?

Он тихо хмыкнул:

— Потому что Лидайдя — девушка наблюдательная... и понимающая. В отличие от некоторых.

Я покраснела, шлепнула парня по плечу. А он, не сводя с меня охмелевших затуманенных глаз, вдруг предложил:

— Хочешь, поднимемся ко мне?

Я замерла. Ведь он не просто в гости меня зовет. Это означает совсем другое. Вот только хочу ли я этого?

В ту же секунду ответ сам толкнулся изнутри.

Хочу.

Хочу безумно и знаю, что не пожалею.

Выделенная Хену квартирка оказалась почти такой же, как наша, только не была обжита. Зато здесь пахло Хеном, и так сильно, что я невольно сглотнула. Соскучилась по этому запаху. Даже не столько по запаху его самого, сколько связанной с ним обыденности. Спокойной тихой повседневности.

Хен не дал мне долго наслаждаться. Закрыв дверь, приник ко мне, жадно целуя. Поднял, кажется, хотел вскинуть на руки, но я, как обезьянка, обвила ногами его талию, руками шею и запустила пальцы в непослушные волосы.

Продолжая целоваться, мы оказались в спальне. Хен бережно опустил меня на покрывало и навис надо мной, всматриваясь в глаза.

Мне не понравилось, что он только смотрит и ничего не делает. Губы мои припухли и стали ужасно чувствительными, но все равно хотелось целоваться. Потянула за свитер, но вместо того чтобы продолжить приятное занятие, Хен одним движением стянул его с себя.

При виде гладкой обнаженной кожи, туго обтягивающей сильные мышцы, внутри прошла сладкая дрожь, внизу живота сжалось томительным огненным кольцом. Чуть не застонала от непривычно сильных ощущений. Было одновременно безумно волнующе и немного страшно. Неужели сегодня это все же случится? Так быстро... внезапно... по-настоящему...

Хен вернулся ко мне и приник к губам. Продолжая целовать, освободил меня от одежды. Отстранился и замер, изучая долгим неотрывным взглядом.

Я лежала перед ним полностью обнаженная, чувствуя, как горят от смущения щеки. Взгляд Хена, его неприкрытое восхищение еще сильнее разжигали пожар внутри. Не выдержав, протянула руку, кончиками пальцев несмело провела по мужскому плечу. Ощутила под кожей упругую силу и шумно вздохнула от восхищения. Тело Хена было не похоже на мое: поджарое, сильное, без капельки лишнего жира, и при каждом движении его мышц у меня внутри все замирало. А когда увидела его без ничего, опаляющий щеки жар вовсе стал невыносимым.

Хен долго целовал меня, изучал мое тело губами и руками, исторгая из меня тихие всхлипывания и стоны, даря новые, доселе не испытанные ощущения. Довольно быстро перестав смущаться, покорялась всем его действиям, всем движениям. Видела, что он хочет меня так же сильно, как и я его. Только он терпел, продолжая ласкать меня, не переходя к делу, а я больше терпеть не могла. Притянула его к себе, обвила ногами бедра, сама впилась поцелуем в раскрывшиеся навстречу требовательные губы.

Больно не было. Было странное растягивающее ощущение, потом показалось, что меня пытаются проткнуть насквозь, появился дискомфорт. Тогда Хен отстранился, шепнул заклинание и одновременно резко и сильно двинул бедрами. Я ахнула, чувствуя его внутри себя и не испытывая боли. С запозданием поняла, что он применил целительскую магию.

А ведь целитель, пусть даже наполовину, отличный партнер для первого секса... Я чуть не улыбнулась, но все лишние мысли тут же улетучились, потому что Хен начал двигаться, и мне показалось, я схожу с ума.

Это было ни на что не похоже. Странно, непривычно, чудесно, безумно. Я тонула в глазах Хена, уплывала от его поцелуев, комкала пальцами простыню, чтобы не застонать в голос. Он тоже не владел собой, опустив голову, целовал мою шею, прихватывая кожу зубами. Легкая боль добавила остроты, и внизу вдруг зародился, стремительно охватывая все тело, огненный шторм. Хен сдавленно выдохнул, стиснул челюсти, его пальцы вцепились в мои волосы.

— Не могу, — протолкнул сквозь сжатые зубы.

Но я уже ни на что не обращала внимания, потому что тело сотряс невероятный, лишаящий дыхания спазм. Я разлетелась во вспышке огненных искр, на мгновение перестала существовать. А когда пришла в себя, мир почему-то был на месте, хотя мне казалось, он должен был разбиться на кусочки.

У Хена были довольные темные глаза. Он все еще жарко, бурно дышал... и все еще был во мне. Я шевельнулась, сильнее оплела его ногами и удовлетворенно прошептала:

— Мое.

Давно я не просыпалась так чудесно — в уютной неге, абсолютно счастливая. Сладко потянувшись, улыбнулась, не открывая глаз.

С кухни доносился запах омлета и свежеподжаренных хлебцев, значит, Хен уже встал и готовит. Пошарив по левой стороне кровати, убедилась, что и впрямь нахожусь в одиночестве. Глаза открывать не желала, хотелось лежать, блаженствовать, слушая, как Хен звенит посудой, как шипит закипающий чайник, как скворчит масло на сковороде. Хотелось притвориться, словно весь мир принадлежит нам. Что впереди только безоблачное безопасное будущее.

Стук во входную дверь показался неуместным в это домашнее утро. Кого принесло в такую рань? Впрочем, Хен этим займется.

Я перевернулась на бок, обнимая подушку, зарылась в нее лицом, вдыхая волнующий запах. И тут же примерзла к постели — из прихожей раздался глуховатый голос Карина.

Подскочила как ужаленная, все еще сжимая подушку. Что он здесь делает? Каким-то образом узнал, что я у Хена? Пришел разбираться?

Прислушиваясь к голосам, принялась искать разбросанную одежду. Странно, вчера казалось, меня раздевали вполне аккуратно, но почему-то вещи валялись по всей комнате.

Из прихожей доносился неразличимый бубнеж, но, похоже, постепенно разговор накалялся. Послышался насмешливый голос Хена:

— И что?

Я наконец нашла шорты, быстро напялила их и осторожно подкралась ближе к прихожей. Услышала обрывок фразы:

— ... все было хорошо, пока ты не явился.

— Может, она тебя просто не любит? — с холодным превосходством осведомился Хен. — Такая мысль в голову не приходила?

— Иди в бездну.

— Нет, ну ладно. Допустим. И что ты предлагаешь?

По голосу слышно, что Хен насмеяется, но Карин воспринял вопрос всерьез.

— Ты ведь только забавляешься, — сказал он. — Хочешь ее в постель затащить. Запудрил ей мозги. Понимаю, почему она на тебя купилась — ты старше, почти преподаватель, престижно, и деньжата небось водятся.

Я чуть не зашипела от злости. Он что, совсем рехнулся? Хочет сказать, что я выбрала Хена из-за его положения или денег?

— А тебе не кажется, что такое предположение в первую очередь ее оскорбляет? — Он словно прочел мои мысли.

Повисла пауза, потом Карин спросил:

— Что ты хочешь за то, чтобы сгинуть отсюда? Деньги? Я достану. Сколько? Или хочешь чью-то протекцию? Скажи, я устрою.

Хен тихо засмеялся, хотя сквозь смех слышались угрожающие стальные нотки. А меня словно кипятком захлестнуло яростной

волной гнева. Затрясло, руки сами сжались в кулаки. Не помня себя от злости, выскочила в прихожую.

Не видела ничего, в фокусе было только лицо Карина. Он, набычившись, смотрел на Хена, но, бросив взгляд за его плечо, увидел меня — и лицо вмиг залила растерянность. А потом и испуг. Я впервые видела, как бледнеет смуглая кожа. Губы, от которых тоже отхлынула кровь, заметно дрогнули.

Но я была слишком зла, чтобы найти в себе сочувствие. Встала рядом с Хеном, взяла за руку, но он мягко отнял ее, чтобы обнять меня за плечи. Меня все еще трясло, гнев нашел выход в словах:

— Что ты несешь, совсем с ума сошел? Ты всерьез думаешь, что я могу из-за денег или какого-то престижа?..

Взгляд Карина скользнул по моим взлохмаченным волосам, мятой кофте и шортам... по босым ногам.

— Ты с ним спишь? Ха-ха, не ожидал... ты его знаешь меньше месяца...

Я стиснула зубы. Очень хотелось сказать, что знаю, и очень давно, и даже если бы упрек был верным — какое до этого дело Карину?

— Я с тобой рассталась, — напомнила ледяным тоном.

— Чтобы прыгнуть к нему в койку, я понимаю.

Карин тоже сжал челюсти и теперь буравил меня презрительно-злым взглядом.

— Эй, братец, — Хен сильнее прижал меня к себе и одновременно как бы утянул назад, становясь между мной и Кариним и кладя свободную руку ему на плечо, — еще слово, и останешься без зубов.

Карин руку стряхнул, бросил на меня еще один презрительный взгляд и выплюнул:

— Не думал, что ты такая. Но хорошо, что узнал сейчас.

Хен сделал угрожающее движение, но Карин желания броситься в драку не проявил. Сверкнул напоследок зелеными глазами, развернулся и был таков.

Хен аккуратно закрыл за ним дверь.

— Он просто хотел тебя задеть, — сказал, поворачиваясь ко мне, сжал мои ладони.

— Я понимаю. — И правда понимала, но внутри все равно словно жесткой теркой прошлись.

Я в Карине ошибалась? Или он во мне? Или мы были слишком разными, чтобы понять друг друга?

Хен подхватил меня в объятия, крепко стиснул, встряхнул.

— Малыш, я тоже виноват. Он пришел попросить меня не лезть к тебе, да я не сдержался. Стал цеплять его, вот он и разозлился. Я раскроюсь ему. Когда узнает правду, поймет.

Я замотала головой:

— Нет, это опасно. Чем меньше людей знает, тем лучше. Пусть его. Сам виноват.

Но внутри все равно разрастался полынный комок горечи.

Все. Сегодня я окончательно потеряла Карина.

Хотя, если так подумать, он никогда не был мне другом. Его привлекло то, что я единственная девушка среди боевиков, бросившая ему вызов, потом зацепило, что не интересовалась им. А потом он придумал себе другую меня и начал ее любить.

Да и сама хороша. Вцепилась в него, чтобы только не остаться одной.

— Уверена? — Хен коснулся губами скулы.

— Уверена. — Повернула голову, подставляя вместо скулы губы.

Вообще для меня главное Хен. Был бы Хен — больше мне никто не нужен. А Карин... Карин наконец смирится.

На тренировку перед началом второго дня мы с Хеном пошли вместе. В открытую, держась за руки и улыбаясь как идиоты.

После вчерашнего мне казалось, будто я стала слабой-слабой. Внутри. Снаружи я оставалась прежней Сатьяной, готовой в ответ на насмешки заехать обидчику по роже. Но внутри теперь словно теплое море плескалось, и при каждом взгляде, при звуке голоса и уж тем более прикосновении Хена это море замирало, а потом вспенивалось бурной волной. Это было настолько незнакомое, чудное, сумасшедшее ощущение счастья, что становилось страшно.

Не знаю, что чувствовал Хен, но перед тем как открыть дверь тренировочного зала, откуда уже слышались голоса, он быстро привлек меня к себе и поцеловал в губы. Будто хотел заранее восполнить грядущую нехватку поцелуев в организме.

Все были в сборе. Райв, увидев нас, просиял и хлопнул в ладоши:

— Наконец-то!

Он бросился к своей внушительной кожаной сумке, на свет появился плоский деревянный короб. Поставив его на колено, Райв, откинул крышку.

— Ребята, держите. — Он обошел нас, каждому вручая что-то из ящика.

Мне в руку лег медный кругляш с зеленым камнем по центру. Остальные тоже растерянно рассматривали неожиданные подарки. Последний амулет Райв торжественно вручил Хену и, раскинув руки, провозгласил:

— Наконец-то довел до ума! Благодаря этой маленькой штучке мы победим!

— Что это за нелегальное оружие? — подозрительно спросила Иллейне. — Если это против правил, нам вообще ни одного боя не засчитают.

Райв ответил ей с широкой улыбкой:

— Никакого нелегала! В основе магический рупор, но ограниченно, настройки позволяют... — он пустился в долгие запутанные объяснения, чертя в воздухе схемы и возбужденно сыпя неизвестными терминами.

Думала, я одна ничего не понимаю, но, глянув на команду, обнаружила, что все подвисли с одинаковым выражением лиц. За разглагольствованием Райва ухитрялся следить только Хен.

Некоторое время они обменивались репликами, как будто перекидывали мячик в быстрой игре: раз-два, три-четыре. Наконец Хен восхитился:

— Слушай, да это же блестящая мысль! И что, оно работает?

— Еще как! — Райв напыжился от гордости. — Сейчас покажу. Наденьте и ждите тут!

Он бросился прочь, только дверь хлопнула.

Я бросила взгляд на Хена, и он подошел ко мне. Без слов накрыл ладонью медальон в моей руке, из него полился едва заметный золотистый свет.

— Чисто, — кивнул мне.

Я с легким недоверием надела кругляш: после происшествия с маскировочным амулетом опасалась любых, даже самых безобидных на вид. Хен точно так же проверил свой и тоже повесил на шею. Выглянув из-за его плеча, заметила, что вся команда нацепила

подарки. Медальоны подходили по цвету к форме и смотрелись как часть костюма.

В голове раздался довольный голос Райва:

— Раз, два, проверка связи! Как слышно?

Мы переглянулись, не сдержав изумленных возгласов.

— Что это за магия? — поразилась Иллейне.

— Отлично слышно, — теперь в голове возник голос Хена, — шикарное изобретение, Райв.

Не прошло и полминуты, как торжествующий артефактор снова ввалился в тренировочный зал.

— Ну это не то чтобы мое изобретение, — пробормотал слегка смущенно. — Я просто усовершенствовал кое-что, добавил понятие связанности, чтобы только тот, у кого есть артефакт-близнец, мог слышать и передавать сигналы.

— Еще бы секретный канал добавить.

Райв уставился на Хена так, будто с небес сама Дева сошла, и с размаху шлепнул себя по голове.

— Болван! Конечно! Сегодня же сделаю! — он дернулся, намереваясь забрать у нас амулеты и бежать колдовать над ними, но вспомнил, что тренировка еще впереди, и остался на месте.

— Это точно не противоречит правилам? — с сомнением спросил Имсен.

Вместо Райва ответил Хен:

— Нет. Использование артефактов не выше определенной мощности разрешено. А в этой штучке не больше десяти мер.

— Шесть и три, — с гордостью уточнил Райв, — ни один детектор не засечет!

Иллейне повертела медальон в пальцах, пожала плечами.

— Хорошая игрушка, но как она поможет нам занять первое место? Будем трепаться весь бой?

Артефактор покраснел, набрал в грудь воздуха, собираясь взорваться гневом, но встрял Хен:

— Нет, координировать действия. Лидер, — он кивнул на меня, — следит за ходом боя и отдает команды, остальные делятся информацией, сообщают, когда какие умения использованы. Что не заметит один, заметит другой, а благодаря этой, как ты сказала,

игрушке, все будут в курсе. Это по-настоящему сильное оружие. Надо только привыкнуть им пользоваться.

Райв посмотрел на него с благодарностью, Иллейне снова пожалала плечами. Но вскоре, когда мы испробовали амулеты в деле, ей пришлось согласиться.

Мы разделились на две тройки: я с Райвом и Лиссеном против Хена с Имсеном и Иллейне. Нам амулеты оставили, группа Хена их сняла. И мы, приноровившись к средству связи, разбили их тройку наголо, не оставив ни малейшего шанса на победу.

— А ты молодец! — Иллейне хлопнула Райва по плечу, и тот засиял, как начищенный медный котелок.

Через несколько часов мы вшестером, уже в форме, стояли в загончике для выходящих на поле участников, проверяя последние детали экипировки. Райв и Иллейне привычно, но без огонька, перекидывались колкостями. Все были сосредоточены на предстоящем бое. Противник ожидался серьезный — команда из школы высшей магии Эарис. За прошедшие три года они дважды входили в тройку лучших.

Впрочем, у нас было секретное оружие, и всем не терпелось проверить его в настоящем сражении. Волнение будоражило, горячило кровь. Я старалась думать о постороннем. Лучше всего проходит тот бой, результатом которого ты не слишком озабочен.

Хен собрал нас в кружок, дал последние указания. Вовремя: едва он закончил, раздался сигнал.

На поле я выбежала первой. Привычно выделила взглядом первую цель — это был вражеский целитель. Именно он. Вопреки всем стандартным схемам в команде Эарис целитель — их лучший игрок. На нем держится все. Он снимает вражескую магию практически в тот самый момент, как она касается цели. Такое чувство, будто предугадывает. Если вывести из строя целителя, с остальными справимся, но, если оставить его без внимания, мы сильно просядем в эффективности.

— Удачи, — коснулся разума голос Хена.

Я улыбнулась, невольно поправила на груди амулет. Пожалуй, изобретение Райва и впрямь отличная штука.

— Целитель позади всех, иду за ним, — проинформировала команду.

Моя цель и впрямь держалась за спинами своих соратников. Быть как можно дальше от возможной опасности — правильное поведение для того, кто отвечает за здоровье команды.

Накинув на себя дополнительную защиту, я тараном ворвалась в команду противников. Двинула щитом одного, кончиком меча достала другого... Кто-то отпрянул, кто-то, напротив, ринулся мне наперерез. Поле зрения на миг затянуло аметистовой дымкой. Я узнала «облако сна» — заклинание Иллейне. Молодчина! Ухитрилась поймать сразу троих. Еще бы предупредила, что использует заклинание, цены бы ей не было.

Не успело облако рассеяться, вражеский целитель кинулся вперед, снимая чужую магию. Но в этом и заключался наш план: заставить его подойти ко мне на расстояние атаки. Излюбленная «удочка», удар щитом, несильное оглушение — и на целителя обрушилась вся мощь наших атакующих.

Но и вражеские бойцы не зевали: их лидер все же успел снять «облако сна», и все, кто мог атаковать, набросились на ближайшую цель. На меня.

Выдохнув, я вбила весь свой резерв в защиту. Она затрещала от града чужих заклинаний, но Имсен постоянно снимал с меня враждебную магию, лечил раны, восстанавливал защитный контур. Мне оставалось периодически кидать заклинание ярости и скалить зубы в довольной ухмылке: пока огонь противников сосредоточен на мне, у ребят развязаны руки.

Целитель Эариса наконец упал. Я поддала воздушным щитом боевику, пытавшемуся поднять его на ноги, откинула от тела, потом пустила оглушающее заклинание в мага, норовившего усыпить Имсена. Успела: заклинание прошло наискось, не задев нашего целителя.

— Лиссен под атакой, — пронесся в голове голос Имсена.

Хагос! Убедились, что я им не по зубам, и выбрали цель помягче!

Я скомандовала обратить наш огонь на вражеского мага. Лиссен участвовал как мог, хоть на хвосте у него и сидела почти вся команда соперников. Некоторое время пламя атакующих заклинаний перемежалось с золотистыми всполохами целительской магии. Потом

Лиссена все же достали, он свалился на песок с пустым резервом. Ничего, мы за это время успели выбить двоих: мага и второго боевика Эарис. Оставшаяся пара ухитрилась поднять своего целителя на ноги, но Райв, паля с двух рук, уложил его обратно на песок. Следом упал вражеский лучник.

Основной боевик ушел в глухую защиту, но это была уже бессмысленная трата времени. Несколько минут, и он тоже упал на колени на арену.

На трибунах орали зрители. В голове тоже орали: слышала одновременно мысленный визг Иллейне, хвастливое «Я же говорил?!» Райва и сдержанную похвалу Имсена «Молодцы!».

Хен молчал, но, когда я повернулась к нему, показал жестом «Шикарно!» и улыбнулся.

Растворив магические доспехи, вытерла взмокший лоб, нашла взглядом родителей. Помахала, не сдержав улыбки: отец вскочил и тряс в воздухе кулаками, на лице — гордость и ликование. Да и мама сидела довольная. Лас с Вейсом обнимались, как будто это был уже конец турнира.

А я только тут, с середины поля, и увидела, сколько собралось народа. Публика не умещалась на трибунах — снаружи, к забору, приникли лица, самцы наглые зрители чуть ли на голову друг другу не взбирались. Во всех общежитиях были открыты окна, в каждом торчали головы студентов, оравших, машущих и пускавших в воздух магические огни.

Ну вот. Еще один бой позади. До финала всего три, но с каждым разом противник будет все сильнее.

— Райв! — Иллейне накинулась на нашего артефактора, едва мы вышли с поля. — Да ты ж мой молодчина! Ты ж моя радость! — в паузах она целовала его то в правую щеку, то в левую.

Я думала, Райв отпустит какую-нибудь колкость, но он только сиял и улыбался. Лиссен подошел к нему и пожал руку, Имсен просто похлопал по плечу.

А меня поймал в объятия Хен.

Ветерком по коже скользнул любопытный взгляд Иллейне. Райв тоже обратил на нас внимание, открыл было рот, но Иллейне врезала ему локтем под дых. Остальные, кажется, ничего не заметили: Имсен, похоже, слишком устал, чтобы чем-то интересоваться, опустил на

кресло, откинулся на спинку и закрыл глаза. А Лиссен потянулся к сумке, достал завернутую в платок коробку с бутербродами и начал шумно ее разворачивать.

— Блестяще сыграли, — шепнул мне на ухо Хен. — Ты отличный лидер.

Засмеялась, уткнувшись носом в его плечо. Нет, еще не отличный. Только начинающий и почти неумеха. Но благодаря Хену и ребятам, может быть, и впрямь когда-нибудь стану настоящим, опытным, надежным лидером.

После нашего боя объявили обеденный перерыв. По рядам задвигались тележки с едой и напитками — торговцы не упускали возможность нажиться. От стадиона в сторону кафе потекли людские реки.

Хен ушел уточнить что-то у распорядителя, а ко мне порхнула Иллейне.

— Идем в столовую. Только быстрее, пока там не все места заняли.

— Я с вами. — Райв взвалил на плечо сумку.

Имсен с Лиссеном отказались, и мы пошли втроем, смеясь и болтая, делясь впечатлениями о прошедшем бое, подшучивая друг над другом через амулеты Райва. Я про себя мечтала, что когда-нибудь Райв сделает их еще мощнее, и можно будет общаться на расстоянии. И я попрошу его сделать отдельные два для нас с Хеном и, когда захочу, всегда смогу услышать его голос.

Так, в расслабленных мыслях, во взрывах хохота мы добрались до столовой, и меня передернуло при виде беседующей у дверей парочки.

Висперину узнала сразу, а ее собеседника... Показалось, что это Карин, и я остановилась. В грудь словно ударили чем-то тупым, выбивая дыхание, порождая глухую досаду. Но чем дольше смотрела, тем больше уверялась, что это не Карин, а Вейн.

Я бы не могла сказать, почему так решила. На расстоянии да при взгляде в профиль близнецы были похожи, как две капли воды. Дело было в том, как Вейн смотрел на эту стерву.

Так, будто был готов простить. Будто у него до сих пор есть к ней чувства. А она то опускала глаза, то снова смотрела на него, и выглядела при этом такой невинной, несправедливо оболганной

овечкой, что внутри меня забурлило от злости. Ее ужимки я видела насквозь, а Вейн принимал все за чистую монету. Что она опять удумала? Какие опять строит козни?

— Вы идите, я забыла... кошелек. — Прозвучало совершенно невпопад и надуманно, и Иллейне приподняла бровь, но улыбнулась и закивала.

— Да, конечно. Можешь и Вереса позвать заодно.

Бездумно кивнула, размышляя про Вейна с Виспериной и желая, чтобы Иллейне и Райв быстрее ушли, а я бы могла спрятаться. Так что смысл ее слов дошел до меня, когда приятели исчезли за дверями столовой.

Это же Иллейне решила пойти нам с Хеном навстречу. Дала повод показаться с ним под ручку. Смешная. Как будто мне для этого нужен какой-то предлог. Я больше не собиралась скрывать нашу связь и стесняться. Тем более что с тренером, в отличие от преподавателя, встречаться не запрещено.

Притаившись в тени деревьев, наблюдала за Вейном с Виспериной. Наконец она юркнула внутрь, а он, засунув руки в карманы и ссутулившись, пошел прочь. В мою сторону.

Вынырнула ему навстречу.

— Ты что, помирился с ней? — спросила, а внутри всколыхнулась надежда: может, он обманывает ее, пытается снова вкрасься в доверие, что-то задумал...

— А тебе какое дело?

От холодного ответа в груди что-то оборвалось. Я растерянно смотрела на Вейна, а он недобро пялился на меня исподлобья.

— Она же подговорила свою команду избить твоего брата. Ты забыл, что ли?

— Миленько... А с каких пор тебя интересует мой брат? Ты разве его не послала?

Закусила губу, в желудке железным комом осела горечь. Значит, Карин рассказал ему о том, что было утром? Или Вейн имеет в виду наш прошлый разговор, когда я сказала, что расстаюсь с ним?

Хагос, я слишком давно не разговаривала с Вейном. Конечно, турнир, подготовка, покушения эти, а потом Хен... Но все равно не следовало забывать о друзьях.

Вейн, видимо, решив, что разговор окончен, попытался пройти мимо. Хотела схватить его за рукав, но он дернул рукой и уставился на меня с плохо скрываемой злостью. Заставив себя не реагировать, сказала спокойно:

— Она и меня убить пыталась...

— Что?! — В зеленых глазах полыхнула ярость. Свирепая огненная ярость.

Я открыла было рот и тут же закрыла.

Не могу. Не имею права рассказывать о происшествии с гончими и взломе защиты Имсена. Если он поверит, еще полбеды, а если нет и проговорится Висперине? А так она думает, что в безопасности, и рано или поздно выдаст себя. Устроит еще что-нибудь, тут-то ректор или Хен ее и прихватят.

Вейн принял мое молчание за отсутствие аргументов.

— А тебе-то что? Тебе какое дело, высокая ар-теранна? Привыкла, что все вокруг тебя вертится, считаешь, что это нормально? Карин ради тебя первым местом пожертвовал, сделал все, чтобы ты победила, а тебе все нипочем, надоел — перепорхнула на другой цветочек. Да Ви в тысячу раз тебя честнее. Она хотя бы не прыгает по койкам. Иди отсюда и не попадайся мне на глаза.

Он ушел, а я еще долго смотрела ему вслед, чувствуя себя так, словно на меня вылили ведро помоев. Было обидно, противно, стыдно... Щеки горели, в голове стучали тысячи молоточков, болезненными иглами вонзались услышанные только что слова.

О да, Карин и впрямь сказал ему, что видел меня у Хена. Небось и описал самыми жирными мазками.

Но как же несправедливо! Мне даром не сдалась победа на турнире такой ценой! Я не просила Карина меняться местами с Вейном, не желала жертв. И ничего ему не обещала — сначала рассталась, а потом уже... потом уже случился Хен.

Ну что ж, нет так нет.

В глубине души вспыхнула холодная злость. Да, жалко, да, обидно. Да, я думала, что мы команда. Но, по всей видимости, думала так я одна. Что Карин, обвинивший меня во всех грехах, что Вейн, не пожелавший выслушать, судивший только по словам брата, — значит, такова цена нашей дружбы.

В столовую я вошла, немного успокоившись, но все равно обиженная и расстроенная.

— А Верес? Не смог? — встретила меня вопросом Иллейне.

— А? Да... нет...

Девушка посмотрела озадаченно, а я молча отодвинула стул и села. Потом спохватилась, что надо сначала сходить за едой. Вставая, поймала на себе чужой взгляд.

Висперина. Красуясь в кругу любимых змеюк, она смотрела на меня с таким видом, будто урвала из-под носа последнее пирожное.

Внутри ядовитой горечью всколыхнулась злость.

И это Висперина-то честно себя ведет? Это она одновременно встречалась с Хаундом и с Вейном, а тот будто все позабыл, размяк и собирается простить. А сейчас она думает, что увела у меня Карина. Хагос, да пусть берет обоих братцев с потрохами!

Висперина фыркнула и отвернулась, а я продолжала смотреть в ее сторону. Даже хохот, донесшийся от их столика, меня не задел. Куда больше меня огорчало все нарастающее плохое предчувствие. Вейн, Карин... злобное торжество стервы... Хорошо бы все оказалось лишь беспочвенными страхами. Но интуиция не унималась: от Висперины надо ждать беды.

Уже стемнело, когда я вернулась домой. Усталая, вспотевшая — мы тренировались допоздна, но чрезвычайно довольная: пока все шло хорошо, а Хен был рядом.

Дверь нашей квартирки открывала с легкой опаской, надеялась, что Лидаи не будет, но в спальне горел свет. Да и едва я переступила порог гостиной, как подруга вышла навстречу.

— Поздненько ты, ужин остыл, — сообщила, позевывая.

Я кивнула и, чувствуя, что краснею, призналась:

— Я ненадолго...

Глаза ее и губы слегка округлились. Потом Лидайя засмеялась:

— Вижу, у вас все отлично.

Засмутившись под ее полным любопытства взглядом, поскорее сбежала в душ. Но разговор на этом не закончился. Когда я доставала из шкафа вещи, чтобы утром идти на тренировку сразу от Хена, с ним вместе, Лидайя поначалу молча следила за мной, потом, не выдержав, спросила:

— Он ведь ваш тренер?

— Д-да... — Напряглась.

За этот день неоднократно пришлось услышать, что я с Хеном из-за его статуса. Испугалась, вдруг и Лидайка так думает. Но она только задумчиво кивнула.

— Знаешь, я очень рада за вас, — сказала после паузы, — за тебя. Потому что видела, какая ты была эти полгода. Рада, что ты наконец ожила и встретила человека, от общения с которым твои глаза снова сияют. Карин тоже хороший парень, но с ним ты не была такой, как сейчас. Ну и... твой тренер красавчик. — Лидайка вдруг подмигнула, да так карикатурно, раскрыв рот, что я покатила со смеху.

Бросив одежду на диван, подлетела к ней, обняла, шепнула тихо:

— Спасибо.

— Фу-фу, какие нежности, иди с тренером своим обнимайся, — отпихнула меня подруга. И вдруг спросила серьезно: — Ты про предохранение не забываешь, надеюсь?

Ох. Забота была одновременно и приятной, и смущающей. Я пробурчала:

— Все под контролем. — Щеки снова загорелись.

С тех пор как Лидайка научила меня следить за этим, у меня вошло в привычку два раза в месяц выполнять ритуалы в честь Девы и Матери, даже не задумываясь, ради чего вообще это делаю. И уж совсем не загадывая, что это пригодится мне... так быстро.

После ужина Хен затащил меня на подоконник и усадил на колени. Мы закутались в плед, было тепло. Свет погасили, защита от слезки мерцала серебристой пленкой, и огни академии расплывались за ней огромными пятнами света: оранжевыми, желтыми, белыми, синими... Как разноцветные свечи за толстым слоем мутного стекла.

Хен смотрел туда, но я сомневалась, что он что-то видел. Скорее размышлял: на лбу собралась складочка, темные брови хмурились. Маскировку он снял, и у меня замирало сердце от рассеянной синевы его глаз, от линий подбородка, губ. Я впитывала в себя его черты, будто смотрела не глазами, а всей сущностью. Мысль, что могу его потерять снова, казалась нестерпимой.

— Хен... — Щемящая тоска и страх подкатили к горлу, пролились в звук.

— М-м? — рассеянное.

— Ты больше не уйдешь?

Широкие темные брови сдвинулись, некоторое время Хен молча смотрел на меня, потом сжал крепко-крепко.

— Ни за что. Никогда по своей воле.

Носом уткнулась в мужское плечо, а в сознании забила мысль: лучше бы он ограничился первой частью. Иначе выходило, что не по своей воле он меня, может, когда-нибудь и оставит. Это меня не устраивает, вообще никуда не годится. Я бы хотела приковать его к себе, переплести собой, лучше всего — вообще стать с ним одним целым. Чтобы если расставание, то только рассечь организм на две половины, так, чтобы оба не выжили. Потому что я и так без него не выживу. Но, конечно, если я умру, хотелось бы, чтобы Хен жил...

— Сатьяна? — Он словно почувствовал.

Чуть отстранился, приподнял мое лицо за подбородок. Пальцы скользнули по коже, прошли под волосами, легли на затылок. Я невольно прогнулась, прильнула, в животе сладко сжалось от неясного предвкушения.

Предчувствие сбылось. Губы Хена легли на мои, коснулись нежно, опаляя горячим дыханием. Голова закружилась, когда соприкоснулись языки, расплавленный жар хлынул по венам. Я ухватилась за Хена, как будто, не сделай этого, и меня сорвало бы, расплескало по ветру. И он тоже вцепился в меня сильнее и крепче.

Несколько минут мы целовались, то жадно и яростно, то спокойнее, наслаждаясь каждым мгновением. Потом застыли лоб ко лбу, и я глухо спросила:

— Что с нами будет?

Спросила в никуда, не ожидая ответа, просто потому, что меня колотило от любви и страха. Но Хен ответил:

— Все будет хорошо.

Его голос звучал твердо и уверенно, а меня не оставляло предчувствие беды. Холодное и скользкое, оно въелось в мои внутренности, свернулось в желудке тяжелым ртутным комом.

Все будет хорошо? А где гарантии? А если нет?

— Может, мы сможем куда-нибудь уехать? Далеко, на север или на восток... Найдем группу, станем спокойно работать...

Сама знала, что говорю глупости: ну кому нужна девица, едва окончившая первый курс? И даже если бы Хен согласился и захотел меня содержать, поступив в Академию Трех Сил, я заключила контракт и после обучения должна буду отработать.

Но если... скажем, я могла бы перевестись в другое учебное заведение. Или просто сбежать. Оказаться вне закона. Для Хена это было бы не впервые, он наверняка знает, как полностью изменить личность, начать с чистого листа.

Но Хен покачал головой.

— Это не выход, малыш. Даже если сбежать от клана, — он положил ладонь себе на грудь, где стояла невидимая сейчас метка, — активация... и все. Я мог бы помочь уехать тебе одной, но ты уверена, что тебя это устроит? Знать, что ты владеешь таким оружием, и позволить себе спрятаться?

Я затихла. Он был прав, но вовсе не из-за Хранителя. Просто нет смысла сбегать без Хена. При одной мысли, что мы расстанемся, что с ним что-то случится, сердце заходило в груди.

Нахлынувшая тревога напомнила о сегодняшнем.

— Я видела Висперину с Ве... с Кари...

Проглотив остаток фразы, посмотрела на Хена — и решилась. Да, это не мой секрет, да, поступаю нечестно, но я сделала выбор. Хен доверил мне свою жизнь, и я не хочу скрывать от него информацию. Возможно, она поможет ему хоть в чем-то.

Хен слушал внимательно, хотя мой рассказ был сумбурным. Кивнул, когда упомянула, что Карин из ночных, а после сообщения о Вейне несказанно удивился.

— Хагосов клоп! — бросил почти с восхищением. — Ты серьезно? И они ухитрились за целый год ни разу не попасться? Недооценивал я клопыша!

— Не называй его так, — попросила, хотя тянуло рассмеяться. — Но ты Вейна, по-моему, и не видел никогда.

— Да, наверное. Но не ожидал. И не думаю, что они что-то затеяли против тебя. Насколько понимаю, у лохматого, а значит, и у его брата есть какой-то кодекс чести. Мстить они не будут. — У меня не было его уверенности, но на душе стало спокойнее. Хен продолжал: — А за девчонкой ведется наблюдение, можешь не волноваться. Даже хорошо, если она попытается что-нибудь предпринять, — сразу

засекут. В идеале было бы отлично, если бы она привела нас к шпиону...

— Хен... А почему здесь шпион? За чем он охотится?

Он нахмурился, поменял позу, и теперь сидел, скрестив ноги, упираясь спиной в оконную нишу. Я устроилась между его колен, и Хен придерживал меня за бедра. Мы были нос к носу, под одним широким пледом, и шептались как заговорщики. Хотя, возможно, мы и были в каком-то роде заговорщиками.

— Ты ведь знаешь, в Морвенне нет централизованной власти, все земли равны. Но Академия Трех Сил имеет особый статус. Она даже не в городе, это поселение сформировалось вокруг нее. Академия — неофициальный центр Морвенны. Сюда стекается молодежь со всех концов страны, здесь преподают самые сильные профессора, ведутся такие исследования, за сведения о которых высший жрец Имерии продал бы душу. Разработки, стратегии, знания о кланах, об оружии, о новых тварях... секретов академии хватит на пару веков. Имерия несколько лет пыталась заслать сюда шпионов. Правда, пока за дело не взялся наш клан, ничего не выходило, — последняя фраза прозвучала даже с гордостью.

— Значит, шпион охотится за секретами. А что будет, когда его найдут? Война с Имерией?

Хен помолчал. Отвернулся к окну и некоторое время наблюдал за плавающими огнями. Потом сказал:

— Мы с ар-гераном Магрусом надеемся, что войны не будет. Но... — он покачал головой, — высший жрец не успокоится, пока не отхватит по первое число. И это должен быть мощный удар. Я лишь знаю, что они что-то планируют, в подробности не посвящен — моей основной целью была Звезда Сантерн. Есть вероятность, что второй шпион охотится не только за секретами и за мечом. Надеюсь, что мы сможем найти и остановить его до того, как станет слишком поздно. На худой конец пусть даже ценой моей...

Я замотала головой, закрыла ладонью его рот. Не хотела, чтобы договаривал. Но окончание фразы само пронеслось в сознании, жесткое и холодное, как лезвие меча: «Пусть даже ценой моей жизни».

— А ты не можешь его найти? Ты же вроде говорил, он ваш, клановый?

Плечи Хена устало опустились.

— Дело в том, что я не знаю. Скорее всего наш, но может быть и из союзных кланов. Я пробовал связаться с ним по клановой связи, безрезультатно. Может, подозревает, что я перешел на другую сторону, может, боится, что за ним следят... В любом случае на контакт он не идет. Есть одна задумка, но довольно рискованная...

— Какая? — спросила жадно.

— Не могу сказать, наянэ. И очень надеюсь, что мы найдем другой способ.

Настаивать не стала.

— А записка? Подписанная твоим именем. Удалось что-нибудь понять?

Хен сомневался, стоит ли отвечать, — я видела напряжение в его глазах, в том, как он застыл, не сводя с меня взгляда.

— Да, — сказал наконец.

У меня захватило дух.

— Ты знаешь, кто это?!

— Уверенности нет, только подозрения.

— Кто?

Он долго молчал. Потом выпростал из-под пледа руки, ладонями обнял мое лицо и шепнул:

— Прости. Не скажу. Если будешь знать, наверняка себя выдашь. Ты у меня чистая душа, и это чудесно, но притворяться ты не умеешь. И я этому рад.

Я вспыхнула, но спорить не стала. Хен прав, вряд ли я смогу общаться как раньше с человеком, которого подозреваю в намерении убить меня. Но значит, это кто-то из тех, кто рядом, с кем я общаюсь каждый или почти каждый день.

В груди заныло, перед глазами всплыли хорошо знакомые лица. Лидайка, Карин, Вейн... Иллейне, Райв, Имсен и Лиссен... И еще Анс... Среди них предатель. Кто-то из них хочет убить меня.

Гром разразился внезапно.

Мы только-только завершили победой свой третий бой, с большим трудом и лишь благодаря изобретению Райва. Ввалились в загон, усталые, нервные, едва живые. Победили действительно почти чудом, Иллейне и Лиссена несколько раз выбивали, мне пришлось самой вливать в них запас экстренной энергии, пока вся вражеская

рать гонялась за Имсеном. Но — поднялись, собрались, справились. Еще одна ступенька к финалу пройдена.

Иллейне бурчала под нос, ругала себя, переживала из-за ошибок. Лиссен опустил на скамью, привычно вытаскивая пакет с едой.

Имсен подсел ко мне.

— Давай подлечу тебя.

Повернулась к нему, насколько могла в позе распластавшейся на сиденье медузы. Сил двигаться не было, в энергетической оболочке зияли огромные прорехи, я была выжата как тряпка. Немного целительской магии придется в самый раз.

Хен устроился перед нами, внимательно наблюдая за действиями Имсена. Тот покосился на него и буркнул вполголоса:

— Так смотришь, будто смыслишь в целительстве.

Хен с вежливым удивлением приподнял брови.

— Смыслю. Не как профессионал, но на общем уровне вполне. Я же тренер, мне положено разбираться в любой магии и понимать, во вред она направлена или на пользу.

Прозвучало как-то... вызывающе. Имсен уставился на Хена, руки застыли в воздухе. Да и остальные отреагировали на тон. Райв поднял голову от ящика с артефактами, Иллейне засмеялась:

— Ты так говоришь, словно кто-то в команде станет специально вредить другому.

Я сидела как на иголках. Слова Хена что-то значат? Пытается намекнуть? Значит, шпион — кто-то из команды? Или я просто слишком много думаю?

В это мгновение и раздался глас с небес. Отразился от стен и ограждений, заметался, умножился.

Я не сразу узнала голос ректора. Разговоры прекратились, мы уставились в небо, там соткалась плотная темная дымка, являя нам лицо ар-терана Магруса. Выражение его было суровым, запавшие глаза, у рта залегли складки.

— Внимание всем... Я, ректор Академии Трех Сил Шель Магрус, объявляю тревогу. По проверенным данным среди нас находится... представитель враждебного государства. Начиная с нынешнего часа межакадемические соревнования остановлены. Никто не имеет права покинуть академию без моего личного разрешения. По всем вопросам обращаться в секретариат.

Повисла зловещая тишина, потом стадион взорвался шумом. Крики, возмущение, изумление, требования немедленно выпустить или сию минуту найти шпиона, жалобы, непонимание... И мы шестеро тоже изумленно переглядывались. Вернее, пятеро — Хен как всегда выглядел невозмутимым.

Внутри шевельнулось зловещее предчувствие. Может, это и есть то, о чем он говорил вчера? Так быстро? Ректор сам решил сделать объявление, или Хен знал, но не сказал мне? От страха закололо сердце.

— Что происходит? — Иллейне оглядывала нас, словно искала помощи. — Что значит «представитель враждебного государства»? И что за государство?

— Имерия, что ж еще, — уронил Райв и стал как ни в чем не бывало собирать сумку.

— Но у нас с ними перемирие! — хлестнул по ушам голос Иллейне.

— Верно, — вместо Райва ответил Хен, — перемирие, только им оно не мешает засылать сюда своих... змеенышей.

Последнее слово прозвучало со значением, но внимание на это обратила лишь я. Вот только Хен смотрел не на меня.

На целителя.

— О чем ты? — нахмурился тот.

Хен покачал головой, не спуская с него глаз. Провел по груди, будто поправляя рубаху, но на краткий миг его пальцы сложились в замысловатый знак. Я задохнулась от ужаса, уставившись на парня, чье всегда добродушное лицо казалось сейчас вырезанным из камня.

Имсен?! Это он?

Ничего не произошло. Но Хен и Имсен смотрели друг на друга, и воздух между ними, казалось, можно было резать ножом.

— Ладно, я в столовую, кто со мной? — Вопрос Иллейне заставил меня вздрогнуть. — Сатьяна? Райв?

— Пожалуй, и я с вами. — Имсен тоже поднялся, закинул сумку на плечо.

Хен по-прежнему буравил его глазами, но я чувствовала его растерянность. И мою душу затопило облегчением. Судя по всему, провокация не сработала. Это не Имсен. Может, среди нас вовсе нет того, кто охотится на Хранителя.

Встала, пошла к выходу. Напряжение было до того сильным, что хотелось скорее покинуть стадион, сбежать в столовую и хоть ненадолго притвориться, что все хорошо.

И тут Имсен остановился, да так внезапно, что я на него натолкнулась. Обернулся, но смотрел при этом на Хена. В карих глазах что-то мелькнуло...

Острое лезвие страха чиркнуло по сердцу, время словно замедлило ход. Я видела, как Имсен медленно поднимает руку, сжимает пальцы, как чертит в воздухе незнакомый знак.

А потом...

Кажется, я кричала. Обернувшись, увидела, как Хен, прижимая руку к груди, оступаясь, падает на колени, потом лицом вперед, в грубые доски настила, — и кричала, не слыша звука собственного голоса, оцепенев от ужаса, не в состоянии поверить.

Знак... Активация метки.

Мысли пропали, в голове разлился молочно-белый туман. Я тупо смотрела, отказываясь думать и понимать. Только часть меня оставалась странно хладнокровной, шептала: «Ты ведь знала, что когда-нибудь это случится. Только вчера вы это обсуждали. Так чего теперь ужасаться, как будто ты не была готова?»

Готова я не была. К такому невозможно подготовиться.

Хен... мой любимый, мой самый нужный, самый важный человек... Вот так просто, движением пальцев — и все. Не остановить, не предусмотреть, не спасти...

Иллейне раньше меня бросилась к нему, пыталась перевернуть, трясла за плечи, что-то кричала. Я понимала, что надо помочь, что время утекает сквозь пальцы, но вообще не могла пошевелиться, словно превратилась в каменную статую, не чувствуя ни рук, ни ног. Сначала решила, что из-за шока, потом, увидев голубую дымку, поняла: меня спеленала ледяная магия анестезии.

А единственный целитель среди нас громко и насмешливо произнес:

— Ты просчитался, со-рай.

Он изменился, стал старше и выше ростом. Плечи распрямились, с лица ушло дружелюбное и слегка наивное выражение. Даже голос другой, жестче и ниже. Я смотрела на него, до боли стиснув зубы.

Наверное, хорошо, что он обездвижил меня, иначе бросилась бы в атаку, и плевать, что будет.

Имсен. Это был Имсен. Соклановец Хена, шпион, убийца... все это время он был рядом со мной. Он и в команду позвал меня для того, чтобы подобраться ближе. Чтобы постоянно наблюдать и при первой возможности убить. Только благодаря тому, что Хен всегда был рядом, это ему не удалось.

Райв опустился на колени по другую сторону от Хена и сосредоточенно копался в сумке, выкладывая какие-то жестяные и медные шкатулки, украшенные драгоценными камнями механизмы, искал целительские.

Лиссен метнулся к выходу.

— Позову кого-нибудь! — Раскрытая коробка с обедом осталась сиротливо лежать на лавке.

— Имсен! — крикнула Иллейне.

Ее лицо было искажено тревогой. Она недоумевала, почему целитель не спешит помочь внезапно упавшему тренеру.

Кажется, из всей команды одна я понимала, что случилось, почему Хен упал. Остальные решили, что ему внезапно стало плохо.

Имсен метнул на меня кривой взгляд. Усмехнулся, увидев мой ужас и отвращение.

— Подожди немного, дорогая, — шепнул почти ласково, — сейчас я тобой займусь.

— Имсен, да помоги же ты! — завизжала Иллейне, трясая Хена за плечи.

Райв внезапно поднял голову и в упор уставился на Имсена. Его губы сжались, в глазах что-то промелькнуло, в следующий миг он схватил один из своих боевых артефактов и молниеносно взвел спусковой крючок.

Не тут-то было.

Имсен шевельнул рукой, и Райв застыл. Оружие выпало из его руки, глухо стукнуло о доски. Артефактора и магичку окутало золотой пеленой, кровь сбежала с их лиц, и они одновременно рухнули, словно подрубленные.

Я не закричала только потому, что голосовые связки сжались, не в состоянии выдать ни звука. Вот и все. Минус два свидетеля.

Имсен смотрел на меня, хищно ухмыляясь. Небрежно кивнул на Хена.

— Он не ожидал, что у меня доступ уровнем выше. Свою благонадежность он потерял после истории с тобой. Его снова отправили сюда, но мне дали право прижать его к ногтю, как только вытворит что-нибудь не то.

Право на активацию метки... Имсен и впрямь был из клана Белой Змеи. Тоже под маскировкой, пряча настоящее лицо. Хен раскрыл его... заставил раскрыться, используя себя как приманку.

Внутри резануло — жутко, страшно, до крика в застывшем горле.

— А теперь... — Имсен отстраненно улыбнулся, рассматривая меня, словно растягивал удовольствие, и от этих улыбки и взгляда по мне прокатилась волна холодной гадливости. — Думал приберечь на потом, но раз такое дело... Активирую сеть немного раньше. Смотри, девочка, сейчас увидишь, на что способны настоящие со-рай, а не такие слабаки, как он. — Кинул презрительный взгляд на Хена и взметнул вверх правую руку.

Если б могла, отпрынула бы, почувствовав хлынувшую магическую мощь.

Но тело не повиновалось, и я молча наблюдала, как в синее небо прынула яркая зеленая волна. Потусторонний гулкий звук колоколом накрыл поле соревнований. На арене и за ее пределами, в зрительских рядах, тут и там расцвели столбы белого дыма, огромные, величиной в три человеческих роста. Запахло резко, незнакомо, щиплюще язык. Миг тишины — и земля под ногами содрогнулась, безмолвие разорвал многоголосый вопль.

— Что происходит? — шепнула непослушными губами.

— То, зачем меня сюда послали, — любезно пояснил Имсен. — Или твой дружок тебе не сообщил?

— Ты шпионил...

— Не только, дорогая, не толк...

Договорить он не успел: наш загончик сотряс очередной взрыв. С оглушительным треском доски за моей спиной разлетелись, волосы всколыхнул огненный жар. Взревело пламя, принимаясь жадно пожирать дерево. Хагос, что это?! Боевое заклинание стихийника?! С кем они там сражаются?

Сила Хранителя дрожала на кончиках пальцев, нежно облизывала кожу, шептала, что защитит, поможет, очистит. Осторожно направила ее вверх, тихо и незаметно снимая чужие узы... И чтобы отвлечь Имсена, спросила:

— Значит, это ты пытался придушить меня в зале? А потом использовал яд!

— Кто же еще, — фыркнул он. — Только ты ошибаешься, это был не яд, а целительская магия. Да-да, дорогая, целительская магия куда надежнее любого яда или оружия.

— Амунда ты убил так же...

— Еще бы, — ощерился Имсен, — этот придурок осмелился крысить у меня за спиной. Решил перейти мне дорожку, завладеть Звездой помимо договоренностей.

— Но как... Он ведь тебя контролировал?! Они с Виспериной взломали твою защиту, заставили передать мне фальшивый амулет.

Имсен расхохотался.

— Болваны. Как будто первокурсница могла бы взломать мою защиту, если бы я не хотел. Естественно, мы это планировали. Амунд постоянно контролировал идиотку, ее защиту я смял в первую очередь — нужна была пешка, отвод глаз. Только не ожидал, что меня предаст он.

Я молча смотрела на Имсена. В глазах белело от гнева.

Вот оно что... Они контролировали Висперину. Умело раздували ее ненависть ко мне, заставили собрать группу желающих на меня напасть. Наверное, и на разум Хаунда повлияли. Имсен на хорошем счету на кафедре, любимый ученик ар-тераны Ивьеры, декана целителей. Если не ошибаюсь, он был в числе тех, кто проверял Хаунда на ментальное воздействие. Неудивительно, что он хорошо припрятал следы. Не в его интересах было, чтобы сообщника раскрыли раньше времени.

— А Карин... — с трудом выдавила. — Зачем вам избивать Карина?

— Это еще кто? — нахмурился Имсен. — А-а, тот черненький, что постоянно вертелся рядом с тобой? Да ни за чем, это девка с катушек слетела. Ментальное воздействие штука такая, человек становится слегка... неуравновешенным.

В направленном на меня взгляде вдруг уловила любопытство и даже одобрение.

— А ты молодец, держишься. Голова не кружится?

— О чем ты?

Имсен не ответил, покивал, потом пробурчал как бы себе под нос:

— Впрочем, ладно. Пора и нам распрощаться. Ты милашка, и я бы не прочь взять тебя в клан по-хорошему... — Замер, оценивая мое лицо, рассмеялся: — Вижу, не согласна. Ну нет так нет. Тогда умри, дорогая.

— Обойдешься, — процедила сквозь зубы, призывая Хранителя и окончательно сбрасывая остатки чужой магии.

Лезвие распорол воздух, разбрасывая алые отблески, играя тенями на лице Имсена.

— Кошечка показывает коготки? — усмехнулся он. — Думаешь, справишься со мной?

Промолчала.

Справлюсь. Должна справиться. Да, он опытнее меня и наверняка не третьекурсник, а намного старше, но у меня есть Хранитель, и отступить мне некуда. Надо держаться, пока...

Имсен выхватил из воздуха посох, метнул заклинание.

Я бросилась вбок за мгновение до того, парировала мечом и кинула свое заклятие. Безуспешно. Этот гад даже приблизиться ему не позволил, развеял на подлете. Закрутил посохом, потом, молниеносно размахнувшись, ударил меня концом в грудь. Я успела поставить защиту, но от силы удара все равно отлетела, врезалась спиной в доски ограждения.

И с замиранием сердца увидела за спиной Имсена, что Райв пошевелился.

Собрав все силы, снова ринулась в бой. Нельзя, чтобы враг заметил, надо дать Райву время прийти в себя, понять, что происходит. Хотя он и так, кажется, понял, ведь пытался атаковать Имсена перед тем, как тот оглушил их целительской магией.

Вот артефактор рывком вскочил на ноги и... вместо того, чтобы атаковать Имсена, как дикий бык бросился на меня. Лицо было мертвенно-белым, глаза сверкали безумной яростью.

Я увернулась в последний момент, отскочила.

— Райв! — Оклик остался без ответа, зато торжествующе захохотал Имсен и снова нацелился на меня.

Хагос, что творится? Райв с Имсеном заодно? На миг усомнилась, потом увидела его налитые кровью, выпученные глаза, пустые руки, комкающие силу, как мягкую глину: свирепо, неэкономно, даже глупо, вопреки его обычной манере сражаться — и все поняла. Он был не в себе, вообще не соображал, кто перед ним. Вместо меня он видел, скорее всего, какую-то бешеную опасную тварь и пытался уничтожить ее, забыв об оружии.

Неужели это тоже дело рук Имсена? Воздействие на разум? Но как, он же не животновод...

Захваченная мыслями, пропустила удар — ядовитая плеть заклинания обвилась вокруг груди, от боли потемнело в глазах. Одновременно дикой неоформленной силой ударил Райв, и мой щит вмиг смяло.

Я поставила другой, но было слишком поздно.

Райва отшвырнуло, он ударился об стену и сполз вниз, голова упала на грудь. Больше ничего не видела: Имсен навалился на меня, объятые ядовитой зеленой дымкой ладони метнулись к шее. Я захрипела, чувствуя, как леденеет кровь, тяжелеют руки и ноги. Сила Хранителя словно отдалилась, я перестала ощущать рукоять, и даже алое пламя начало таять. Внутри плеснуло отчаяние. Я не справлюсь одна. Что-то пошло не так, наш план не сработал...

В глазах уже темнело, когда неизвестная сила оторвала от меня Имсена. Теперь надсадно дышал он, с изумлением пытаюсь оглянуться.

В груди сильно, до боли сжалось. Глазам стало жарко и влажно. Дикая безумный страх сплелся с радостью, ноги чуть не подогнулись от внезапной слабости. Я только и могла, что смотреть на стоявшего за спиной гаденыша Хена, строгого, сосредоточенного и бесстрастного, с лицом, подобным богу смерти, пришедшему взять свою дань. В одной руке он сжимал окутанный голубым пламенем меч, другой удерживал врага в магических узах. Не дожидаясь, пока Имсен опомнится, Хен метко и сильно ударил его рукоятью в висок, усиливая удар магией, сминая щиты противника. Ноги гаденыша подкосились, голова запрокинулась, и деревянный настил сотрясся от грохота упавшего тела. Поверх, пеленая по рукам и ногам, легли дополнительные магические пути.

Я влетела в объятия Хена, задыхаясь от запоздалого испуга и радости. Вцепилась в его плечи, спрятала лицо на груди, бормоча:

— Хен... я так испугалась... Хен...

Тупая игла, засевшая в сердце с того мгновения, как он упал, наконец растаяла.

— Прости, малыш, — шепнул Хен, крепко обнимая, — не ожидал, что он меня еще и обездвижит. Долго я валялся?

Помотала головой. Вспомнила свои ощущения, когда он упал, и сердце вновь сжалось в болезненном спазме. Тогда от истерики меня удерживала лишь надежда, что Имсен и впрямь поверит, что метка сработала.

— Больше никогда так не рискуй... А если бы он тебя добил? Если бы не удовлетворился активацией метки?

Хен пожал плечами.

— Не думаю, что он стал бы тратить силы на того, кто через несколько минут перестанет дышать. Он и так воспользовался обездвиживающим заклятием. Но твоя идея спасла мне жизнь. След активированной метки есть, теперь в клане считают меня мертвым. Имсен меня убил, а потом попался сам.

— А его вы убьете? — Сама не знала, что хочу услышать: с одной стороны, смерть — это ужасно, с другой — Имсен убийца и должен ответить за преступления.

— Сначала нужно вытащить из него все, что он знает. Не думай об этом, наянэ.

Не думать я не могла. Но очередной взрыв, сотрясший стадион, вырвал меня из маленького островка покоя и безопасности.

— Что творится? — Высвободившись из объятий Хена, вскочила на скамью, глянула поверх покореженного забора и обомлела.

Стадион превратился в дымящиеся развалины. Поднимавшиеся из-под земли столбы белого дыма мешали хорошо рассмотреть, но вспышки и толчки магической энергии, звон оружия и речитатив боевых заклинаний — все твердило о том, что кипит сражение.

Решила, что Имсен призвал тварей, каким-то немислимым способом разрушив защиту академии, как Амунд тогда призвал гончих, но дело обстояло куда хуже.

Тварей не было — люди сражались друг с другом. На межакадемический турнир съехались тысячи участников, и теперь все они кидались друг на друга, словно остервенелые звери. Кто-то дрался голыми руками, дико скаля зубы, кто-то, как Райв недавно, пользовался чистой силой, а кто-то, даже потеряв разум, не забыл, как управляться с оружием.

Посреди арены увидела крупного мужчину с мощным двуручным мечом. Он шел, слегка покачиваясь, как матрос на суше, и словно играючи поражал кидавшихся ему наперерез. В глазах — ни проблеска разума. Запах крови и смерти, запах животного ужаса плыл над полем.

Заклятие, сводящее с ума? Вот зачем сюда подослали Имсена — активировать это заклятие, когда в академии соберется весь цвет Морвенны. Члены боевых групп, будущие выпускники, ветераны — что может быть лучше, чем заставить их поубивать друг друга! А пока Морвенна будет зализывать раны, Имерия спокойно направит на нас свою армию.

Нигос, здесь же мои родители!..

Я заметалась взглядом по трибунам, отыскивая знакомые фигуры. Хорошо, что помнила, где они сидели, даже за застилавшими зрение белыми клубами и яростным блеском заклятий удалось их разглядеть.

От сердца отлегло — с родными все в порядке. Отец стоял в круговой обороне, рядом с ним Лас и Вейс. Мамина голова мелькала сзади, в группе других зрителей. Там вообще было полно народу, кажется, среди них есть и целители, я заметила знакомый проблеск золотистых чар.

Присмотрелась внимательней — тут и там на стадионе формировались небольшие группы не потерявших разум людей. Боевики удерживали защиту, маги насылали сон и столбняк, целители изо всех сил лечили.

Но тех, на кого заклинание подействовало, было неизмеримо больше. И они безумствовали, набрасываясь на любого, кто оказывался рядом. На моих глазах женщина с искаженным лицом призвала огромный вал водяной магии, снесший с ног десяток человек, с силой ударивший о заграждение так, что я содрогнулась от треска дерева и костей.

— Какой ужас...

— Надо узнать, как обстоят дела в других местах.

— Надо... Но как? Предлагаешь уйти и бросить их?

Я оглянулась на Райва с Иллейне. За Иллейне я не беспокоилась, Имсен использовал лишающее чувств заклинание, так что рано или поздно она придет в себя. Больше опасений вызывал Райв, он сильно ударился, наверняка не обошлось без внутренних повреждений.

— Подожди минуту, сейчас займусь ими. — Хен опустился на ближайшую лавку и закрыл глаза, будто внезапно решил поспать.

Я растерялась. Уставилась на него, опустив руки. А Хен сидел себе спокойно, только сделал ладони ковшиком, и в них начал расти белый комочек. Сначала похожий на снежок, он увеличивался, становился пушистее, и наконец в руках оказался свернувшийся клубком зверек. Дернул ухом, развернулся, встал столбиком, цепляясь передними лапками за пальцы хозяина, — и в меня вперились знакомые черные, глазки.

Я издала невнятный звук. Белая ласка спрыгнула с рук Хена, еще несколько секунд смотрела на меня снизу вверх, будто посмеиваясь, потом махнула коротким хвостиком и ловко юркнула в пролом между досками.

Хен открыл глаза и уставился на меня, но в отличие от ласки слегка смущенно, не без опаски.

— Ты! Ты... — Я не находила слов. Они столпились, возмущенные, в глотке, и вместо четкой связной фразы из меня вырывались одни восклицания. — Это был ты! Все это время был ты?! Но как? Ты животновод?

Хагос! Сколько их было — эпизодов, когда я, ничего не подозревая, то делилась с лаской сокровенными мыслями, то щеголяла перед ней в одном белье, то тискала и тащила в постель, ничуть не возражая, когда ласка утыкалась носиком мне в грудь. И это все время был Хен или его фамильяр? А когда мама поймала ее заклятием, он ухитрился освободить за те несколько минут, когда держал ее на руках?! А потом играл святую невинность! Ах он!..

— Ласка не фамильяр, — Хен понял, что, если не начнет признаваться, я просто взорвусь на месте, — и я не животновод. Мы не сливаемся телами, скорее только сознаниями. Довольно сложная и ограниченная магия. Можно сказать, это мой побратим, в котором часть моей души. Если хочешь, потом расскажу подробнее.

Хорошая попытка сменить тему, но я не купилась. Сказала утвердительно:

— И ты видишь и слышишь все, что видит и слышит ласка. В том числе откровения всяких дурочек, так ведь?

Кажется, мой тон был очень говорящим, потому что Хен слегка вжал голову в плечи. Если бы не шкодливо блестящие глаза, я бы почти поверила, что ему стыдно.

Он вскочил:

— Надо заняться Райвом.

Шумно выдохнула. Он прав, не время и не место для разборок. Но и спустить ему все с рук я не могла, так что честно предупредила:

— Это я тебе припомню.

Хен бросил на меня быстрый взгляд и озорно улыбнулся. Пришлось обратить сердце в камень, чтобы не простить его тут же. Нет, когда этот ужас закончится, он мне за все ответит.

— погоди, нельзя приводить его в себя, — спохватилась, увидев, как из-под рук Хена течет золотистая магия и оплетает грудь Райва. — Он не в себе, на него подействовало безумие.

— Наваждение я сниму, не бойся.

— Ты можешь снять его?! — обрадовалась, а потом вспомнила целителей за спинами отца и братьев и почувствовала себя глупо. Конечно же, целители могут.

— Только снять. Если лечить каждого поодиночке, уйдет слишком много времени. К тому же сначала надо остановить источник, иначе нет гарантии, что вылеченные снова не поддадутся влиянию. Если бы хватало энергии, можно было бы снять наваждение со всех сразу... Тогда целители, которые придут в себя, смогут поддерживать защиту, пока мы не отыщем источники. Хорошо еще, что на нас морок не действует.

— А почему, кстати?

— Сила Пяти Оружий. Естественная защита.

Подробнее расспросить не успела: Райв открыл глаза. Поначалу взгляд был затуманен и обращен в никуда, потом сосредоточился на Хене.

— Что случилось? — спросил он хриплым голосом. Увидел Иллейне и дернулся: — Лэй!

Вскочил на ноги каким-то невероятным усилием воли. Пошатнулся, но устоял, тут же оказался рядом с Иллейне, обнял, перевернул и с тревогой уставился с бессознательное лицо. Мы с Хеном наблюдали за ним с ошарашенным видом — Райв же постоянно цеплялся к Иллейне, что это с ним произошло?

Хен спохватился, опустился рядом с девушкой, похлопал артефактора по плечу.

— С ней все хорошо, просто без сознания. Сейчас я ей займусь.

Райв послушно уступил место, но не ушел, положил голову Иллейне себе на колени и молча наблюдал за действиями Хена. Обведя взглядом наш закуток, разлом в перегородке, белые столбы дыма, заволакивающие небо, и спеленатого по рукам и ногам Имсена в углу.

— А с ним что?

Пока Хен приводил в чувство Иллейне, я рассказала Райву, что произошло. Не полностью, только основные моменты: как ректор сказал про шпиона, как Имсен вдруг рассмеялся и активировал заклятие, как мы с Хеном, чудом придя в себя, смогли с ним справиться.

В середине рассказа обнаружила, что меня слушает и Иллейне. Она тихо лежала на коленях Райва, не проявляя ни малейшего желания отстраниться, хотя обычно только и знала, что гонять его и издеваться. Ее ладонь лежала в ладони парня, и его большой палец нежно поглаживал белую кожу. Я застыла, почему-то ужасно смущенная, не в состоянии отвести глаз.

В действительность меня вернуло появление белой ласки. Она прошмыгнула по верху перегородки, прыгнула на грудь Хену, забралась на плечо и оттуда буравила нас черными бусинами глаз.

Хен нахмурил брови, будто прислушиваясь к чему-то, поморщился.

— Дело плохо по всей академии. Ректор безумию не поддастся, но многие из преподавателей — да, в том числе декан Ивьера. Хагос... чем дольше мы будем снимать эту дрянь, тем больше народу погибнет. Вот Имерия порадуетя...

Иллейне приподнялась, не отпуская руки Райва.

— И что, неужели ничего нельзя сделать?

Мы с Хеном обменялись взглядами.

— Мы с Сатьяной могли бы попробовать... Если воспользоваться совместной силой нашего оружия, надежда есть. Я знаю, что нужно делать, проблема в том, что может не хватить энергии.

Мне показалось, он что-то недоговаривает, но Иллейне уже задала следующий вопрос:

— А другой выход?

— Другой... Думаю, мы можем лечить по одному, продвигаясь группой. Сначала лучше набрать целителей, чтобы они могли поддерживать защиту. Двигаться медленно... и надеяться, что успеем, пока никто из обезумевших не натворил бед.

— Тогда за дело?

Никто не успел ответить. Райв вдруг издал утробный стон и схватился за голову.

— Райв! — Иллейне обеспокоенно заглянула ему в лицо. — Верес!

Того подстегивать не потребовалось, сразу сосредоточился на лечении. Я прикусила губу. Так быстро... Райв и пятнадцати минут не пробыл в ясном сознании. Скоро и Иллейне может поддаться, а Хен ведь не настоящий целитель. И...

Я выглянула в пролом, нашла взглядом родителей. Недавно казалось, что в их группе все в полном порядке, сейчас же плотные ряды защитников поредели. Вот Лас схватился за голову, упал, его сразу утащили внутрь.

У меня закололо сердце: как там мама? Вдруг безумие охватит и ее? Что тогда будет с ребенком?

— Хен...

Он как раз закончил с лечением Райва, поймал мой взгляд. Кивнул. Решительно сжал зубы.

— Нет времени. Нужен ритуальный круг. Лучше всего в середине поля, это центр территории академии.

Иллейне помогла подняться Райву, и мы вчетвером встали у пролома.

Поле кишело людьми. Похоже, многие из зрителей, когда ими овладело наваждение, старались выбежать на открытое пространство, и теперь там бесновалась толпа, вместо праздничных огней освещенная огнями заклятий. Слышались крики, стоны, звон оружия, разносился запах крови.

— Месиво... — прошептала Иллейне. А потом, словно встряхнувшись, твердо сказала: — Ну что ж. Надо так надо.

Наш маленький отряд врезался в толпу, как лезвие ножа в брусок подтаявшего масла. Райв следил за защитой, Иллейне погружала в сон или оцепенение тех, кто представлял опасность, я искала взглядом людей со знаками целителей, подтаскивала к себе «удочкой», притянутой «добыче» возвращал рассудок Хен, полностью перешедший на роль целителя. Я видела, как ему тяжело и неудобно, потому что большинство исцеляющих заклинаний использовать он не мог. Хорошо, что с нами был Райв, а среди его артефактов оказались лечебные и защитные.

Задача осложнялась тем, что излеченные не понимали, что происходит, им нужно было все объяснять, так что чем больше людей мы обезвреживали, тем медленнее продвигались.

А потом увидела Висперину.

Я среагировала на знакомые белые полосы на форме — целитель — и уже хотела было притянуть, но вовремя остановилась. Во-первых, узнала Висперину, во-вторых, поняла, что она в своем уме. А в-третьих, по обе стороны от нее стояли Вейн и Карин.

Они сформировали группу наподобие нашей. Карин был основным мечником, Вейн — вторым, Висперина лечила. Все трое выглядели вполне здравомыслящими. Даже не знаю, что меня удивило больше: что они вместе, что в порядке или то, что Карин и Вейн показались одновременно.

Они тоже нас заметили.

У меня упало сердце. Висперина меня терпеть не может, Вейн с Карином злятся. И пусть даже девица была под контролем Амунда, но ненависть-то у нее своя, родная. Когда она цеплялась ко мне в общежитии, когда пыталась увести у меня Хена, она это делала по своей воле, а не потому, что кто-то ей управлял.

А сейчас убить меня — проще простого. Убить всех нас. Никто не обвинит, ничего не докажет: наваждение, безумие... Не будут разбираться, просто похоронят, и поминай как звали. А если гадина знает о Хранителе, ее желание избавиться от меня лишь удвоится.

Мы смотрели друг на друга, Висперину аж перекосило от неприязни. Иллейне рядом со мной напряглась, почувствовав

враждебность.

Я мотнула головой. Глупости, нельзя отвлекаться, нельзя думать о постороннем. Попросила как можно миролюбивее:

— Пропустите, нам нужно в центр поля. Мы знаем, как все исправить.

Целительница скривилась, но промолчала. Вейн стоял как истукан с ничего не говорящим каменным лицом. Карин сверкнул глазами, заходили желваки на скулах.

Опасность я почувствовала, но отреагировать не успела, как и Иллейне, — а основной удар пришелся по ней. Она отлетела, Райв подхватил ее, попытался поставить общую защиту, но вторая магическая волна смяла щит, как бумагу.

Мы оказались в эпицентре нескольких атак: Иллейне получила удар огненной магией, на меня кинулся какой-то страшный мужик с диким выражением лица и раззявленным в крике ртом, сбоку вывернулся незнакомый подросток и попытался вцепиться мне в лицо руками.

Я растерялась. Карин отреагировал быстрее, ринулся вперед, меч наголо. Оттолкнул меня, уводя из-под атаки, скрестил оружие с мужчиной, Висперина поспешно принялась выстраивать целительский барьер, а Вейн прицельно выстрелил в магичку усыпляющей стрелой и бросил мне сквозь зубы:

— Идите, мы прикроем.

Застыла, не веря собственным ушам. Я ждала любой подлости, вероломства, а эти трое не только не напали, но и готовы помочь.

Но времени впадать в сентиментальность не было. Кивнув, я повела свой отряд дальше, оставив близнецов и Висперину сражаться.

Добравшись до центра, мы разделились.

Те, кто мог действовать здраво, создали большой внешний круг, охраняя нас от безумцев. Мы с Хеном встали напротив друг друга. Я вытянула меч перед собой, не особо понимая, что нужно делать, как снабжать Хена энергией, надеясь, что он сам сможет взять, сколько нужно.

Хен расчертил мечом схему ритуального круга с вписанным в него пятиугольником, встал в одном из нижних его углов, протянул руку — и его меч начал менять форму. Пара секунд, и в ладони зажат

длинный тонкий, окутанный голубым пламенем кинжал. А в следующий миг Хен полоснул им себя от запястья до локтя.

Я содрогнулась, прострелило отзвуком чужой боли. В глазах потемнело.

Кровь хлынула мгновенно, густой алой рекой, пятная кожу, одежду, взрытое поле. Хен сделал шаг вперед и вытянул руку, чтобы вытекающая из раны кровь обильно увлажняла землю. Он шел по нарисованным мечом линиям, и я наконец поняла, что он делает: питает ритуальный круг собственной кровью.

— Можно же магической энергией!.. — шепнула, пытаюсь усмирить внутреннюю дрожь, больше самой себе, но Хен услышал.

Не оборачиваясь, покачал головой.

— Нельзя. У нас и так будут проблемы с энергией, а кровь — мощный проводник и источник сам по себе.

— Возьми мою.

— Нет смысла, лучше выполнить все кровью одного человека.

Я стиснула пальцы на рукояти меча. Тон не предполагал возможности спорить, так что мне оставалась роль молчаливого наблюдателя.

Закончив рисунок, Хен заживил рану и встал в верхний угол Пентагона.

Пролитая кровь запылала оранжево-алым, пламя не обжигало, напротив, как будто холодило.

— Воткни меч в землю.

Я повиновалась. Лезвие мягко вошло в почву, отблески пламени заиграли сильнее, сливаясь с аурой Хранителя. Хен начал тихо читать заклинание.

Я попыталась сосредоточиться, отключившись от всего, что происходило снаружи. Что бы там ни было, ребята защитят нас. Иллейне, Райв, другие... Карин, Вейн... Даже Висперина. Все понимают, как это важно, все боятся, что пострадают родные и близкие. Все мы связаны... поэтому Имерия ничего не получит.

Хену не потребовалось ничего говорить, я сама почувствовала, как потекла энергия. Сначала моя собственная, потом я сориентировалась, используя себя как проводник, а Хранителя как источник.

В центре схемы энергия закручивалась в спираль, поднималась над нашими головами, формируя огромный шар. Я понимала, что Хен собирается делать. Он свивает исцеляющую магию, а когда соберет, отдаст команду, и сфера накроет территорию академии. Все разом придут в себя.

Поначалу я не чувствовала дискомфорта, стояла, почти ни о чем не думая. Потом ровное пламя запыхало рывками, то угасая, то разгораясь, а меня охватил холод, руки и ноги заледенели.

Стиснув зубы, попыталась выжать еще. Даже мне было ясно, что энергетической сферы хватит максимум на это поле. Чтобы накрыть всю академию, нужно в пять, а то и десять раз больше.

— Больше! — стегнул меня отрывистый приказ.

Я глубоко вздохнула. Ну давай же, Хранитель, не подведи. В тебе бездна энергии, скопленной веками, бережно собранной, ни на что не растроченной. Сейчас нужно выдать всю, и плевать, что будет. Давай... Тобой владел мой предок, ты столько лет хранил нашу семью — теперь я нуждаюсь в твоей силе, чтобы помочь Хену сохранить всю нашу страну. Потому что — если мы не справимся — будет война. Если не справимся, сегодня же умрут многие, и в их числе может быть кто-то из клана Сантерн: отец, мать, братья... нерожденный малыш.

— Еще!

Хагос!.. Я выдохнула, выжимая всю себя. Руки-ноги тряслись, словно в безумной пляске, и в какой-то миг правое колено подломилось. Я упала, тут же, пошатываясь, заставила себя встать — и снова упала. Ноги походили на вареные макароны.

Откуда-то снаружи полилась энергия. Я оглянулась: Иллейне... Около нее Райв, рядом с ним какой-то незнакомый парень тоже положил руку на плечо, и по цепочке они передавали мне крупички энергии. Но это именно крупички... Ребят надолго не хватит, а ведь им надо держать оборону.

Я покачала головой, прошептала непослушными губами:

— Нельзя!

Они поняли. Иллейне убрала руку, лицо ее горестно исказилось. Она повернулась к внешней линии обороны, а я вернула внимание к пентаграмме и увидела, как Хен с крепко сжатыми губами проводит острием кинжала по груди, крест-накрест.

Сердце резануло ослепляющей болью. Поняла без слов: он решил пожертвовать собой. Смерть мага в ритуальном кругу дает такой мощный выплеск энергии, что хватит не то что академию накрыть — еще и на город останется. Хен с самого начала предвидел это и был готов. Потому и не дал мне пролить свою кровь — чтобы настройка на жертву не сбилась.

— Хен! Нет!

Я не выдержу, если потеряю его снова! Я только что пережила подобное, пусть и знала, что не по-настоящему, но стоило лишь представить, что Хен не очнется, как мне самой захотелось умереть.

Подлец, дурак, хагосов самоубийца! Не отпущу! Ни за что не отпущу!

— Я тоже убью себя! — Менять форму оружия я не умела, так что просто приставила лезвие Хранителя к горлу, удерживая его за рукоять и острие, чувствуя, как холодный огонь обжигает кожу.

Рука Хена остановилось. Лицо было белее снега, глаза страшнее кошмара. Он зло стиснул челюсти. Но сказать ничего не успел: кто-то ворвался в наш круг, с легкостью преодолев магическую преграду.

— Архалла! — разнесся оглушительный клич.

Глянула — и оторопела.

Анс встал справа от меня, воткнул пылающий зеленую меч в землю. Я чуть не отшатнулась от ярости и силы, от бури магической энергии, кружащей вокруг него. Парень был в разодранной на груди рубашке, в измазанных кровью штанах, но на лице плясала дикая победная улыбка.

А больше всего меня изумил его меч.

Он уже не был тем серебристым клинком, поразившим меня при первой встрече. Теперь его мощь не просто поражала — она подавляла. Оружие изменилось и внешне, превратилось в огромный двуручник величиной почти с самого Анса. По лезвию пробегали золотисто-зеленые знаки, сыпались искры, зеленоватое пламя жадно лизало металл.

Даже не знаю, как я поняла — по этой откровенной мощи или по знакомому родному теплу, но в этом не было никаких сомнений: меч Анса был одним из Пяти Оружий.

И Хен тоже это понял.

— Золотой лук Морвенны... — шепнул он пересохшими губами. — Потерянный...

Улыбка сошла с лица Анса. Он отсалютовал Хену свободной рукой и с уважением ответил:

— Морвенна положила начало нашему роду. Но я так понимаю, нам не до разговоров?

Он был прав.

Наш шар разросся, энергия пылала, закручивая вихри. Мне стало лучше, я смогла выпрямиться и твердо стоять на ногах. Хен тоже опомнился, опустил руку с оружием и снова начал читать заклинание.

Этого бы все равно не хватило. Даже совместной мощи трех легендарных оружий не хватило бы, если бы не люди, собравшиеся вокруг. Руки, протянувшиеся, чтобы поддержать нас, желание помочь, чужие сила, страх и воля — все становилось энергией, и, вбирая в себя всю ее до последней капли, сфера над нами росла.

И когда каждый отдал последнее, Хен ее отпустил.

Шар прокатился по небу золотой колесницей. Расплескался от горизонта до горизонта, накрывая нас сияющим куполом. Истраченная энергия вернулась сполна, я даже зашаталась от нахлынувшей силы. Оглянулась, желая увидеть, точно ли наваждение снято, но за спинами собравшихся вокруг людей было не разглядеть. Только по крикам восторга, по тому, что прекратились залпы и вспышки заклятий, можно было судить, что теперь все и правда хорошо.

Хен устало улыбнулся, сделал шаг мне навстречу. Я хотела было рвануть к нему, но меня схватил за руку Анс. Развернул, заставляя взглянуть на себя, спросил:

— Я герой?

Кивнула, не понимая, к чему он клонит. Разговор совсем некстати, но и нельзя было не выслушать парня, ведь только благодаря его помощи у нас все получилось.

— Я вас спас?

— Ну... в каком-то роде.

Он просиял.

— Отлично! Заслуживаю благодарности, тебе не кажется? — Я смерила его недоуменным взглядом. — Например, выполнить одно мое желание, — хитрым голосом продолжал Анс, — и наконец войти в наш клан на правах моей жены!

Между нами протиснулась чья-то рука. Я бы узнала ее даже не потому, что ее покрывала корочка засохшей крови. А уж когда меня крепко притиснули к сильной груди, отпали последние сомнения. Закрыв глаза, прижалась щекой к теплой коже.

— Парень, ты опоздал, — сообщили над головой, — она уже замужем. — Пальцы Хена скользнули по моей шее и вытащили наружу черный кожаный шнурок. — А вот и наша обручальная серьга.

Анс открыл рот, вопросительно перебегая взглядом с меня на Хена.

— Серьезно? И давно?

Я рассмеялась, прижимаясь к мужу, хотя от пережитого меня еще немного потряхивало. Вторая сережка была у него, прицепленная на браслет из кожаных ниток.

— Сегодня утром.

Да, на рассвете мы поженились повторно в маленьком храме на территории академии.

Идея пришла мне в голову вчера вечером, когда мы в обнимку лежали у Хена в спальне, и он сказал мне, что знак «сорн», который он носит на шее, на самом деле переплавленная наша свадебная сережка.

И тут в голове сложилась мозаика. Я вспомнила, как сама переходила в новый род, тогда, в Эдесе, как засияла и изменилась метка моего клана. Ведь когда девушка переходит в род мужа, она не выходит предварительно из своего, боги просто меняют клановую принадлежность. А если изгнать вновь пришедшего человека из своего рода, он без каких-либо дополнительных церемоний сразу вернется в прежний. Так что, если что-то пойдет не так, мы всегда сможем вернуть Хена обратно в его клан.

Но все прошло как по маслу.

Хен сказал потом, что был почти уверен в успехе, потому что когда он создавал свой род, то прошел через такую же церемонию. Он бы и в этот раз поступил так же, но не было подходящего рода, у которого можно украсть кровь, поиск и подготовка заняли бы слишком много времени. А про брак он не думал. Это придумала я.

И под ярким солнечным светом, заливающим академию, я подняла голову и посмотрела на своего мужа. Нас еще многое ждет впереди, со многим нужно будет разобраться, но одно я знала твердо. Я никогда и никому его не отдам.